ISSN 2224-1620 16+

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 1(31)
2018

ISSN 2224-1620

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ

ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL

VESTNIK

№ 1(31)

2018

2018 № 1(31)

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-44563 от 15 апреля 2011 г.)
ISSN 2224-1620

Распространяется на территории Российской Федерации
Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году
Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала можно приобрести в редакции

Редакционная группа
Соловьева Л. Г., Петрова Г. И., Пенькова Н. В.

Адрес редакции
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен и тираж отпечатан в Издательском центре Ульяновского государственного университета
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 14.03.2018.
Дата выхода в свет 19.03.2018.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 2000 экз. Заказ 16

Главный редактор
Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора
Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь
Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

Редакционная коллегия
Арзамаскин Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор
Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, профессор
Дергунова Нина Владимировна — доктор политических наук, профессор
Донина Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор
Еняшина Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент
Калинина Наталья Валентиновна — доктор психологических наук, профессор
Липатова Надежда Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент
Магомедов Арбахан Курбанович — доктор политических наук, профессор
Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор
Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет
Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Бакланов Сергей Борисович — кандидат технических наук, доцент, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)
Морозов Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Шмелева Наталья Борисовна — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Шустова Инна Юрьевна — доктор педагогических наук, с.н.с., ФГБНУ ИСТО РАН (Москва)
Щелина Тамара Тимофеевна — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета (Арзамас)

© Ульяновский государственный университет, 2018

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы.
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
- Рукописи авторам не возвращаются.
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ 7

Украинцев Ю. Д.
ИСТОКИ 24-ГО ПЕХОТНОГО СИМБИРСКОГО ГЕНЕРАЛА НЕВЕРОВСКОГО ПОЛКА. СВЯЗЬ ИСТОРИИ ПОЛКА С ГОРОДОМ СИМБИРСКОМ (УЛЬЯНОВСКОМ) 7

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА 15

Арпентьева М. Р.
ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА 15

Каленик Е. Н.
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ У ПЕДАГОГОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ СРЕДСТВАМИ АДАПТИВНО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 21

Ощепков А. А., Салахова В. Б., Цынк С. В.
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ СТРУКТУРЫ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ, СКЛОННОЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ, ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ) 28

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ 36

Войлокова Е. Е., Припорова Е. А.
РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ДОЛЖНОСТИ «АДМИНИСТРАТОР» В СЕГМЕНТЕ HORECA 36

Кутуева Л. Ф.
КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА КОМПАНИИ КАК ФАКТОР ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 44

Припорова Е. А., Войлокова Е. Е.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДБОРА ПЕРСОНАЛА 51

Спирчагов Г. С.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ 58

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ 65

Горшкова А. В.
ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФИЗИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА НАУКИ УЧЕНЫХ В XX ВЕКЕ 65

Митина И. Д.
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАМКАХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 70

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ 75

Кадничанская М. И., Яковлева А. С.
ПРЕКАРИАТ — НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС 75

Карнаухова М. В., Федулова А. В.
НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС 80

ФИЛОЛОГИЯ 86

Фефилов А. И.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)..... 86

ИНФОРМАЦИЯ **100**

Аннотации научных статей, рецензии, отзывы **100**

Точеный Д. С., Точеная Н. Г.
НЕПОБЕДИМЫЙ, УНИЖЕННЫЙ И ОСКОРБЛЕННЫЙ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С. МИХЕЕНКОВА «ЖУКОВ. МАРШАЛ НА БЕЛОМ КОНЕ»
(М. : Молодая гвардия, 2015. 631 с. Серия «Жизнь замечательных людей») 100

Наши авторы **107**

Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» **110**

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY 7

Ukraintsev Yu. D.
ORIGINS OF 24TH SIMBIRSK INFANTRY REGIMENT OF GENERAL NEVEROVSKI. INTERELLATION OF THE HISTORY OF THE REGIMENT WITH THE CITY OF SIMBIRSK (ULYANOVSK) 7

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS 15

Arpentieva M. R.
QUALITY PROBLEMS OF CLINICAL AND PSYCHOLOGICAL COUNSELING AND TRAINING 15

Kalenik E. N.
SPECIFICITY OF THE FORMATION OF COMPETENCIES AMONG TEACHERS IN THE FIELD OF SOCIALIZATION OF SCHOOLCHILDREN WITH DISABILITIES THROUGH ADAPTIVE AND SPORTING ACTIVITIES 21

Oshchepkov A. A., Salakhova V. B., Cynk S. V.
THE EXPERIMENTAL STUDY OF DYNAMICS OF VALUES-MOTIVATIONAL PERSONALITY'S SPHERE STRUCTURE OF YOUTH, PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR, UNDER INFLUENCE OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL CORRECTION (PART ONE) 28

ECONOMICS AND MANAGEMENT 36

Voilokova E. E., Priporova E. A.
COMPETENCY MODEL DEVELOPMENT ON THE EXAMPLE OF THE "ADMINISTRATOR" POSITION IN A HORECA SECTOR 36

Kutueva L. F.
COMPETITIVE ADVANTAGES OF THE COMPANY AS A FACTOR OF ITS ECONOMIC SECURITY 44

Priporova E. A., Voilokova E. E.
MODERN TRENDS IN THE RECRUITMENT PROCESS 51

Spirchagov G. S.
RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF LEGISLATION ON CONTRACTING 58

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY 65

Gorshkova A. V.
INFLUENCE OF HISTORICAL MEMORY OF PHYSICAL COMMUNITY ON THE FORMATION OF SCIENCE IMAGE OF SCIENTISTS IN XX CENTURY 65

Mitina I. D.
VISUALIZATION AS A PARADIGM OF MODERN MASS CULTURE WITHIN THE FRAMEWORK OF CULTURAL ANALYSIS 70

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE 75

Kadnichanskaya M. I., Yakovleva A. S.
PRECARIAT — A NEW SOCIAL CLASS 75

Karnaukhova M. V., Fedulova A. V.
NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE POLITICAL PROCESS 80

PHILOLOGY **86**

Fefilov A. I.
METHODOLOGICAL PROBLEMS IN LINGUISTICS (CRITICAL ANALYSIS) 86

INFORMATION **100**

Summaries of scientific articles, reviews, responses **100**

Tocheniy D. S., Tochenaya N. G.
INVINCIBLE, HUMILIATED AND INSULTED.
REVIEW THE BOOK OF S. MIKHEENKOV "G. K. ZHUKOV. MARSHAL ON A WHITE HORSE"
(Moscow: Young guard, 2015. 631 p. Series "Life of remarkable people") 100

Our authors **107**

Rules of representation and registration of mountig of articles by authors for publication in the «SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK» **110**

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Ю. Д. Украинцев
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
9019471930@mail.ru

ИСТОКИ 24-ГО ПЕХОТНОГО СИМБИРСКОГО ГЕНЕРАЛА НЕВЕРОВСКОГО ПОЛКА. СВЯЗЬ ИСТОРИИ ПОЛКА С ГОРОДОМ СИМБИРСКОМ (УЛЬЯНОВСКОМ)

В статье на основе исторических документов представлена роль крепости Симбирск и ее жителей не только в формировании Российской армии, но и в спасении молодой династии Романовых. В вознаграждение за это солдаты полка были наделены землями в окрестности крепости Симбирск. Поселенные солдаты должны были по первому зову правительства выступить на защиту Родины, а в мирное время обрабатывать землю. Управление этими «даточными» войсками требовало нового обустройства войск. Проблему решил Петр I, начав формирование регулярной Российской армии. В качестве ядра армии из отборных людей были сформированы первые 34 полка, в число которых входил и Симбирский пехотный полк (старшинство полка определяется с 1708 года). Затем в связи с реорганизацией вооруженных сил полк был расформирован, но его роты вошли в состав Угличевского полка. Накануне войны с Наполеоном потребовалось развернуть дополнительные полки тяжелой пехоты. Одному из вновь формируемых полков, в состав которого вошли подразделения Угличевского полка, по старшинству было присвоено имя «Симбирский». Этот полк пронес славное имя нашего города через года и страны.

Ключевые слова: Симбирск, Ульяновск, становление и боевой путь, 24-й Симбирский пехотный полк, выборные полки, регулярная армия, осада крепости Симбирск, повстанцы, Степан Разин, старшинство полков.

Только та страна и сильна,
которая свято чтит заветы своей старины.
Николай II

Крепость Симбирск (сегодня на этом месте расположен город Ульяновск) — форпост на юго-востоке молодой России, заложен Богданом Хитрово в 1648 году. С Симбирской землёй связана история двух старейших регулярных воинских подразделений России: 1-го и 2-го Московских выборных солдатских полков. Они создавались в период правления царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича, когда в России начали формироваться солдатские, рейтарские, драгунские полки «иноземного строя».

Первоначально для службы в Московских выборных полках отбирались лучшие солдаты из других частей, отчего полки и получили наименование выборных (отборных). В территорию комплектования 1-го Московского выборного полка входил Симбирск (в описываемый период — Синбирск) — одна из ключевых крепостей на Белгородско-Симбирской засечной черте. В Симбирске солдаты набирались из казачьих, стрелецких детей, детей боярских и вольных людей. Историк А. В. Малов [5] указывает, что в 1660-х годах Симбирск был в ряду самых многочисленных землячеств 1-го Московского выборного полка. В приведённой им смете 1670 года из указанных 1742 человек нижних чинов 1-го выборного полка 924 человека были с городов по засечной черте от Тамбова до Симбирска. При этом из Тамбова было 121, Симбирска — 172 и Нижнего Ломова — 419 человек.

История выборных полков связана с Симбирским краем не только своим комплектовани-

ем. В связи с восстанием Степана Разина (1670—1671 гг.) царское правительство направило в Среднее Поволжье свои лучшие военные силы: 1-й Московский выборный солдатский полк под командованием полковника Аггея Алексеевича Шепелева и 2-й Московский выборный солдатский полк под командованием полковника Матвея Осиповича Кровкова [6, 15]. Солдаты двух выборных полков находились в составе усиленного полка Ю. Н. Барятинского, двинувшегося 15 сентября 1670 года из-под Казани на Симбирск для разгрома главных сил мятежников [6, 11].

С 4 сентября по 4 октября 1670 года город защищали передовые отряды солдат 1-го Московского выборного полка вместе со стрельцами, симбирскими дворянами и служилыми людьми засечной черты. После первого боя 4—5 сентября конница Барятинского (передовой отряд 1-го выборного полка) вынуждена была отступить, оставив малочисленный гарнизон крепости один на один с разинцами. Отступая, воевода князь Юрий Никитич Барятинский докладывал царю Алексею Михайловичу [6]: «…Милославский сел в Малом городке (кремле). С ним головы стрелецкие, с приказы и Аггеева полку солдаты и иных чинов люди. Малый городок крепкий, скоро взять не чаю, только безводен, колодцев нет, а они воды навозили много. Я пошел к Тетюшам и дожидаюсь князя Петра Семеновича Урусова, чтобы нам пойти опять к Синбирску. У Милославского людей мало, из бывших 5 тысяч в боях и при штурмах, на приступе безмерно побито лучших людей» (на рис. 1 запечатлен один из моментов непрерывной месячной осады города).

Милославский совершил невозможное, с малою горсткой людей выдержал месячную блокаду крепости. Именно под стенами Симбирска и были заложены верность Отечеству, чудеса стойкости и мужества симбирян. Этого времени оказалось достаточно, чтобы к крепости успели подойти основные силы правительственных войск — 1-й и 2-й Московские выборные солдатские полки под командованием полковников Аггея Алексеевича Шепелева и Матвея Осиповича Кровкова.

Сражение под Симбирском стало одним из важнейших в допетровской истории России, а победа Барятинского — спасительной для молодой ещё монархии Романовых. Для православного Симбирска победа над Разиным также была знаменательна. Разинцы запомнились тем, что разграбили и сожгли мужской монастырь Успения Божией Матери в подгорье Симбирска, а также выстрелом в крест-мощевик во время крестного хода симбирского духовенства. Разгром разинцев под Симбирском, начавшийся 1 октября 1670 года в день Покрова Пресвятой Богородицы, был воспринят как справедливая кара. Освобождённые от осады симбиряне воздавали хвалу Богу, Пречистой Богородице, Николаю Мирликийскому и Сергию Радонежскому. Отметим, что даже спустя столетия в Симбирской губернии поражение Разина объяснялось тем, что он пошёл против Бога [11].

Рис. 1. **Войска Степана Разина штурмуют город Симбирск.**
Рисунок неизвестного художника [17]

После подавления разинского восстания солдаты 1-го выборного полка Аггея Шепелева «как бы в вознаграждение от правительства… были повёрстаны на Москве в приказе Казанского дворца денежным и земляным окладом по Симбирску», — писал историк Г. Перетяткович [11]. Выборным солдатам отводилась земля как севернее Симбирско-Карсунского участка засечной черты, так и южнее, в «диком поле», где они могли приискать свободные земли и, направив челобитную государю, закрепить их за собой. На отведённых землях солдаты селились группами, строили церкви.

На основании «Писцовой книги Карсунского и Симбирского уездов 1685—1686 гг.» [12], работы П. Л. Мартынова «Селения Симбирского уезда» [7] и некоторых других источников имеется возможность назвать населённые пункты, основанные выборными солдатами в Симбирском-Ульяновском крае: Карабаевка (Цильнинский район, 1669 г.), Кадыковка (Майнский район, 1670 г.), Воздвиженская слобода (ныне — Русские Горенки, Карсунский район, 1671—1672 гг.), Таволжанская слобода (ныне — Таволжанка, Карсунский район, 1671—1672 гг.), Грязнуха (ныне — Луговое, г. Ульяновск, 1672 г.), Каменный Брод (ныне — Прислониха, Карсунский район, 1672 г.), Крестниково (Цильнинский район, 1672 г.), Волостниковка (Ульяновский район, 1675 г.), Солдатская слобода (ныне — Солдатская Ташла, Тереньгульский район, 1675 г.), Козьмодемьянская слобода (ныне — Красный Бор, Вешкаймский район, 1679—1680 гг.), Сосновка (Майнский район, 1681 г.), Труслейская слобода (ныне — Труслейка, Инзенский район, 1682 г.), Карцовка (Майнский район, 1684 г.), Белый Ключ (Вешкаймский район, 1686 г.), Знаменский Сюксюм (Базарносызганский район), деревни Абрамовка, Камандак, Комаровка, Сиуч (Майнский район). Группы выборных солдат поселились в Сызганской слободе (ныне — Базарный Сызган, 1683—1684 гг.), в Потьминской слободе (ныне — Потьма, Карсунский район, 1684—1685 гг.), в Сенгилеевской слободе.

Обычно выборным солдатам отводилось по 10—15 десятин под пашню и десятина земли под усадьбу, огороды, огуменники, животинные выпуски. Для церкви отводилась земля из общих владений. Кроме того, за солдатами, сверх их пашни, усадеб, сенных покосов и церковной земли, числилась «примерная» земля. Так, у 26 выборных солдат Таволжанской слободы в середине 1680-х годов «примерной» земли было 720 десятин, у 50 выборных солдат Сызганской слободы — 2200,5 десятин и 1000 десятин леса [12].

Солдаты считались находящимися на службе и созывались в полк в случае войны. Историк М. Д. Рабинович [13] отмечал, что в начале Северной войны со шведами 1700—1721 гг. в Симбирске было сформировано три солдатских полка из старых солдат генерала Шепелева, солдатских детей и братьев.

Из представленного выше следует, что уже на заре Российской империи Симбирская земля, взращивающая мужественных сынов Отечества, явилась живительным источником для своих ратников. После окончания боевых походов солдаты возвращались домой, занимались сельскохозяйственным трудом на своих землях и воспитывали на своих боевых традициях новое поколение защитников страны. Работая на выделенной земле, бывшие ратники одновременно занимались боевой подготовкой своих братьев и детей к новым походам. Уже тогда Симбирская губерния являлась кузницей военных кадров для нашей страны. По мере необходимости выборные солдаты вставали под знамена Отечества и выполняли миссию по защите интересов государства.

В 1684 году был сформирован выборный полк в Симбирске из «испомещенных» в Поволжье после восстания Степана Разина «детей боярских полка Аггея Шепелева». Полк принимал участие в Азовских походах, после которых личный состав был распущен по домам.

Во время Северной войны в 1700 году в Симбирске из «бывшего генеральства господина Шепелева старых солдат» был сформирован солдатский полк полковника Григория Андреевича Янковского. В 1701—1704 гг. полком командовал полковник Максим Мартынович Гурик, в 1704—1712 гг. — полковник Петр Островский. С 1712 года полк нес гарнизонную службу в Санкт-Петербургской губернии (с 1724 года подразделение именовалось «Кронштадтский солдатский полк»). В 1701—1704 гг. действовал под Олонцом, в Ингерманландии, Эстляндии, в районе Ладожского озера. Участвовал в третьем «Свейском походе» в составе корпуса П. М. Апраксина. В 1704 году нес гарнизонную службу в Санкт-Петербурге, в 1705 году — на острове Котлин.

В 1700 году из симбирских выборных солдат, солдатских детей и братьев в Симбирске был сформирован жилой солдатский полк подполковника Филиппа Гавриловича Кара. В 1703 году полком командовал подполковник Алексей Кузьмич Болобонов (Балабанов), в 1706 году — Василий Полочанинов. В 1700 году полк был отправлен в действующую армию, в 1701—1704 гг. воевал в районе Ладожского озера,

шведской границы и в Ингерманландии и Эстляндии, а в 1705 году был расформирован.

В 1700 году Преображенской комиссией в Москве из даточных людей, в том числе и из Симбирской губернии, был сформирован солдатский полк полковника Кашпира (Кашпара) Андреевича Гулица (Гулца). В 1700 году полк действовал под Нарвой, в 1704 году — под Нарвой и Дерптом, в 1708 году — под Добрым, в 1709 году — под Опошней и Полтавой, в 1709—1710 гг. — под Выборгом и Ригой. В 1711 году участвовал в Прутском походе. В 1719 году вел боевые действия на «Стокгольмской стороне».

В 1698 году из состава «бывшего генеральства господина Шепелева старых солдат» был сформирован 5-й жилой Смоленский солдатский полк стольника и полковника Ивана Ивановича Лесли. В 1705 году он был направлен из Смоленска в Полоцк. Полк состоял из 500 человек урядников и солдат при 12 офицерах. В 1706 году этот полк вместе с драгунским полком майора Болтина (в составе 1400 человек) ходил промышлять неприятеля к Могилеву. В этом походе у них было 5 пушек полковых. В 1707 году в полк Лесли было прибавлено офицеров (один иноземный подполковник, несколько капитанов, поручиков, прапорщиков, квартирмистров, адъютант) и приписано из рекрут 774 человека, а с прежними в полку было 1274 человека. В этом же году 26 апреля полковник Лесли скончался, и на его место Петр I скоро пожаловал в полковники Андрея Кашпаровича Гулица, который по приказу царя от 29 января 1708 года вместе с полками Вестова и Стоббинского из Друи перешел в Полоцк, отсюда в феврале с полком Вестова — в Смоленск, в апреле — в Москву, отсюда — в Киев, а из Киева — к Азову на Дон, где и участвовал в подавлении Булавинского бунта [13].

В это время русским нерегулярным войскам была свойственна организационная пестрота. В армии было несколько типов полков, имевших различные штаты, вооружение и структуру, которые определялись конкретными воинскими начальниками — командирами полков. Более того, полки именовались по фамилиям их командиров, что в случае их смены создавало определенные проблемы. Низкое качество подготовки личного состава привело к поражению от шведов в крупном сражении под Нарвой в 1700 году. Все это поставило Петра I перед необходимостью формирования регулярной Российской армии и стало поворотным моментом, определившим качественно новый уровень боевой готовности. Основой постоянной тактической единицы новой армии являлся полк. Отдельные отряды, бригады, дивизии, корпуса и армии были временными соединениями, состав которых определялся характером выполняемых ими задач. Ядром регулярной армии были войска, закаленные в жесточайшем месячном сражении под стенами Симбирска, в азовских походах и Северной войне.

Создавая регулярную армию, 10 марта 1708 года Петр I издал указ о наименовании тяжелых пехотных полков — основной ударной силы армии — по городам вместо прежних наименований полков по фамилиям полковых командиров. По мнению графа Воронцова, Петр I дал русским полкам имена русских земель с тем, «чтобы солдаты больше полюбили знамена, под которыми сражались. Через это солдат почитал себя принадлежностью государства, так как он служил в полку, носившем имя одной из частей государства, а когда полки назывались именами генералов — командиров полков, те же солдаты считали, что они принадлежат этим генералам, которые были их начальниками и именами которых назывались полки... Истории полков служат одним из верных залогов нравственной силы частей войск. Сохраняя основные традиции и боевые предания, они составляют одно из средств поддержания славы и чести полков. Из примеров прошлого молодежь приобретает любовь и уважение к своей части, рвение к подвигам в будущих войнах» [4, 13].

Созданный Петром I «Табель о рангах» разделил все виды сухопутных войск по родам, выделив в отдельное подразделение флот. На современном этапе данное деление применяется в модернизированном варианте, в соответствии с требованиями сегодняшнего дня.

Как отмечалось выше, в допетровские времена полки Русской императорской армии носили имя своего командира. Первым исключением стали Семеновские и Преображенские соединения, которые получили название от населенного пункта формирования. В дальнейшем армейские подразделения назывались в честь российских городов, при этом часто полк не формировался и даже не базировался в пункте, имя которого он носит.

Петр I сформировал первые 34 пехотных полка [4]: Азовский, Архангельский, Астраханский, Белогородский, Белозерский, Владимирский, Воронежский, Вятский, Галицкий, Ивангородский, Казанский, Каргопольский, Киевский, Копорский, Московский, Нарвский, Нижегородский, Новгородский, Олонецкий, Переяславский, Пермский, Петербургский, Псковский, Рязан-

ский, Сибирский, **Симбирский,** Смоленский, Тверской, Тобольский, Троицкий, Устюжский, Черниговский, Ямбургский, Ярославский.

В 1708 году Симбирский полк участвовал в подавлении Булавинского восстания. Действовал под Новотроицком против атамана Ильи Некрасова. В 1709 году нес гарнизонную службу в Черкасске, в 1711 году был в Чигирине и Каменном Затоне. В 1712 году был расформирован.

10 октября 1708 года по указу Петра I из гренадерских рот Псковского, Московского, Казанского, Устюжского, Симбирского, Новгородского и Каргопольского пехотных полков был сформирован 1-й гренадерский Бильса полк, который в 1727 году был переименован в Угличский пехотный полк. Именно поэтому, несмотря на расформирование в 1712 году Симбирского полка, его традиции остались живы уже в новом, Угличском полку [1, 13].

Как обычно бывает, каждый российский император занимался реформированием своей армии. Это реформирование приводило к ликвидации одних воинских подразделений (полков) и формированию новых. Однако идея Петра I оставалась жива до революций 1917 года: в каждом новом полку незримо сохранялось старшинство предыдущего полка.

Именно поэтому, когда в ноябре 1811 года император Александр I принял решение о формировании 27-й пехотной дивизии, одному из полков было присвоено имя «Симбирский» (нагрудный знак Симбирского пехотного полка представлен на рис. 2).

Рис. 2. **Нагрудный знак Симбирского пехотного полка**

Об этом свидетельствует история 24-го Симбирского пехотного полка, написанная А. П. Александровым: «…Его императорское Величество указать соизволили сформировать в Москве новую пехотную дивизию…» [1]. Для составления Симбирского пехотного полка назначаются подразделения: Московского гарнизонного полка, Казанского гарнизонного полка [2], Угличского пехотного полка [3], Архангелогородского гарнизонного полка. Исследуя историю имени полка, Александров в своей книге обращает внимание на то, что из всех полков лишь Угличский был не только реально действующим (боевым), но и сам при формировании базировался на нескольких полках, в том числе и Симбирском [14].

Уже в августе 1812 года вновь сформированный 24-й пехотный Симбирский полк в составе 27-й пехотной дивизии под командованием основателей генерал-майора Д. П. Неверовского (командир дивизии) и полковника П. С. Лошкарева (командир полка) [1, 16] получил свое боевое крещение. Выдержав мощнейший удар конницы Мюрата и пехоты Нея, ведя активную оборону в течение светового дня, он не позволил французам вбить клин между армиями Барклая де Толли и уничтожить Российскую армию. Полк стоял насмерть на Шевардинском редуте 24 августа того же года, обеспечив М. И. Кутузову возможность сосредоточить войска на Бородинском поле. Героям 27-й пехотной дивизии Д. П. Неверовского на Бородинском поле сооружен памятник (рис. 3). Полк с боями прошел тяжелейший путь от Смоленска до Москвы и обратно, от Москвы до Парижа, неся по миру имя славного города Симбирска. Именно в том числе и о нем Наполеон I высказал замечательную фразу: «Эти войска имеют право быть непобедимыми» [14]. Боевые потери Симбирского пехотного полка пополнялись не только солдатами из резервных батальонов, но и рекрутами. Так, в 1819 году в полк поступило 209 рекрутов из Симбирской губернии [1].

За отличие в Отечественной войне 1812 года в 1813 и 1814 годах личный состав полка был удостоен двух коллективных наград: Знака «За отличие» (рис. 4), который носился на киверах — головных уборах, и «Гренадерский бой» — «Бой за военное отличие» [1].

Практически весь XIX век полк участвовал в войнах с Турцией и внутренних войнах, то спасая от османского ига братьев славян, то наводя порядок в сохраненном Россией Царстве Польском. За отличия в войне с Турцией 1828 и 1829 годов. Симбирскому полку пожалованы были две серебряные трубы с Георгиевскими лентами [1] (рис. 5).

Полку выпала «честь» в августе 1914 года в составе армии Самсонова (2-й Российской армии) погибнуть, потеряв в течение двух недель более 80 % личного состава, и воскреснуть уже в феврале 1915 года [10].

После боев 1915 года летом 1916 года в полку осталось лишь 3 кадровых офицера из подпрапорщиков, выпущенных из юнкерского училища в марте 1915 года [9, 10]. Эти офицеры свято выполнили свой воинский долг по защите Отечества. И не по вине офицеров или нижних чинов полк безвозвратно канул в Лету от рук не иноземного врага, а россиян, разрушивших великую Империю и уничтоживших ее вооруженные силы с богатейшими боевыми традициями.

Из представленного видно, что 24-й Симбирский пехотный полк формировался на благородной и благодатной почве, заложенной нашими предками — стойкими и храбрыми защитниками крепости Симбирск.

Особо хочется подчеркнуть, что жителям города Ульяновска есть чем и, главное, кем гордиться. Гордость эта базируется на историческом подвиге не только жителей города, но и тех служивых людей, которые с достоинством и честью пронесли имя полка через века.

Рис. 3. **Памятник 27-й пехотной дивизии Д. П. Неверовского на Бородинском поле**

Рис. 4. **Коллективная награда — Знак «За отличие»**

Рис. 5. **Награда Симбирского полка за отличие в войне с Турцией 1828 и 1829 гг. — серебряная труба с Георгиевскими лентами**

В настоящее время многие молодые люди стремятся более досконально изучить историю своего народа, основываясь на документах и реальных событиях. Эти конкретные дела личного состава Симбирского пехотного полка представлены в книге «История Симбирского пехотного полка» (часть 1 «Право быть непобедимыми» охватывает 1811—1825 гг., часть 2 «Мужество, неустрашимость и усердие» рассказывает о событиях 1815—1918 гг.) [16, 18]. Хотелось бы, чтобы эта книга явилась мостиком, соединяющим историю Симбирской губернии с боевыми традициями и победами легендарного полка.

Сегодня становится актуальным присваивать полкам современной Российской армии наименования прославленных элитных полков Императорской армии. Считаю это вполне справедливым. Но кроме элитных войск в Императорской армии всю черновую работу выполняли обычные полки тяжелой пехоты. В их числе был и 24-й Симбирский пехотный полк, история которого незаслуженно забыта не только в государстве, но и в городе Ульяновске, бывшем Симбирске. Так почему бы сейчас, через 100 лет после забвения полка, не присвоить его имя одному из лучших воинских формирований Российской армии — полку десантно-штурмовой бригады, дислоцированной сегодня в Ульяновске и пользующейся у населения заслуженным уважением и любовью, а самой области не взять шефство над этим славным боевым подразделением?

Литература

1. Александров А. П. История 24-го пехотного Симбирского полка. Ч. 1 (1811—1861) / А. П. Александров. — Кременчуг : Тип. И. А. Диковского, 1911. — 359 с.
2. Борисов В. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича полка. 1642—1700—1886 / В. Борисов, А. Сылянко. — СПб. : Тип. Н. Н. Скороходова, 1888. — 820 с.
3. Еленев М. Н. Историческая хроника 63-го Углицкого полка за 200 лет существования. 1708—1908 / М. Н. Еленев. — Варшава : Тип. Б. А. Букаты, 1909. — 164 с.
4. Зезюлинский Н. К родословию 34 пехотных полков Петра I / Н. Зезюлинский. — Пг. : Тип. П. Усова, 1915. — 47 с.
5. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 / А. В. Малов. — М., 2006. — С. 202—203.
6. Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет существования (систематический сб. исторических сведений о г. Симбирске) [Электронный ресурс] / П. Мартынов. — Симбирск : Симбирская губ. учен. арх. комис., 1898. — URL: http://archeo73.ru/Russian/19vek/martynov.
7. Мартынов П. Л. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде) / П. Л. Мартынов. — Симбирск, 1903. — С. 15.
8. Мегорский Б. П. «Подробное описание полков, занятых в осаде Нарвы» 1704 года / Б. П. Мегорский // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. 1. — С. 391—420.
9. Павлов В. Е. 24-й пехотный Симбирский генерала Неверовского полк // Военная быль. — 1967. — № 86, июль; 1971. — № 108, янв.
10. Пахалюк К. Неизвестная победа (Бой у Орлау 23—24 августа 1914 г.) / К. Пахалюк. — URL: http://hero1914.com/boj-u-orlay-i-frankenau-23-24-avgusta-1914-goda.
11. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерк из истории колонизации края) / Г. Перетяткович. — Одесса, 1882. — С. 212.
12. Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685—1686 гг.: публ. текста / Науч.-исслед. ин-т истории и культуры Ульяновской обл. [сост. Ю. Н. Мельников, вступ. ст., коммент. Ю. Н. Мельникова]. — Ульяновск, 2014. — С. 262.
13. Рабинович М. Д. Полки Петровской армии 1698—1725 : краткий справ. [Электронный ресурс] / М. Д. Рабинович // Тр. Гос. ордена Ленина Исторического музея. — Вып. 48. — М., 1977. — URL: http://www.adjudant.ru/petr/rab01.htm (дата обращения: 12.02.2016).
14. Расписание 164 пехотных полков с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. — СПб. : Воен. тип. (изд-е Гл. Штаба), 1844. — 622 с.
15. Симбирск и его прошлое : хрестоматия краеведческих текстов. — Ульяновск : Лаборатория культурологии, 1993. — 120 с., 6 ил.
16. Украинцев Ю. Д. Право быть непобедимыми. История Симбирского пехотного полка (1811—1825 гг.) / Ю. Д. Украинцев. — Ульяновск : УлГУ, 2014. — 308 с.
17. http://yandex.ru//vokrugsveta.ru.
18. Украинцев Ю. Д. Мужество, неустрашимость и усердие. История Симбирского пехотного полка (1815—1918 гг.) / Ю. Д. Украинцев. — Ульяновск : УлГУ, 2017. — 322 с.

ORIGINS OF 24TH SIMBIRSK INFANTRY REGIMENT OF GENERAL NEVEROVSKI. INTERELLATION OF THE HISTORY OF THE REGIMENT WITH THE CITY OF SIMBIRSK (ULYANOVSK)

Yu. D. Ukraintsev

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

9019471930@mail.ru

The article presents the role of the fort Simbirsk and its residents in the formation of the Russian army as well as the rescue of the young Romanov dynasty. The soldiers of the regiment were rewarded with acres in the Simbirsk area. The soldiers had to be in militant action for Motherland at a word of the government and cultivate land in time of peace. The control of the new troops called for reorganization of these troops. Peter I solved this problem having formed Russian regular army. The core of the army was the first 34 regiments which consisted of chosen men. Simbirsk infantry regiment was one of them (the precedence of the regiment has been determined since 1708). Later the regiment was discontinued resulting from the reorganization of military forces. However its troops allotted Uglich regiment. On the verge of the war against Napoleon it was required to organize attached infantry regiments. One of the regiment included the units of Uglich regiment which was subsequently named after Simbirsk regiment in order of precedence. This regiment has born the glorious name of our city through years and countries.

Key words: Simbirsk, Ulyanovsk, development and tour of duty, 24th Simbirsk infantry regiment, honorary regiments, regular army, the siege of the fort Simbirsk, rebels, Stepan Razin, precedence of regiments.

References

1. Aleksandrov A. P. (1911) Istoriya 24-go pehotnogo Simbirskogo polka. Ch. 1 (1811—1861) [History of the 24th Simbirsk infantry regiment. Part I (1811—1861)]. Kremenchug: Tip. I. A. Dikovskogo, 359 p.
2. Borisov V., Sylyanko A. (1888) Pohody 64-go pehotnogo Kazanskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo knyazya Mihaila Nikolaevicha polka (1642—1700—1886) [Crusades of the 64th Kazan infantry regiment of His Imperial Highness Grand Duke Mihail Nikolaevich (1642—1700—1886)]. St. Petersburg: Tip. N. N. Skorohodova, 820 p.
3. Elenev M. N. (1909) Istoricheskaya khronika 63-go Uglitskogo polka za 200 let sushchestvovaniya. 1708—1908 [Memorial of the 63rd Uglich regiment over 200 years of existence. 1708—1908]. Warsaw: Tip. B. A. Bukaty, 164 p.
4. Zezyulinskiy N. K. (1915) K rodosloviyu 34 pehotnyh polkov Petra I [To the lineage of 34 infantry regiments of Peter I]. Prague: Tip. P. Usova, 47 p.
5. Malov A. V. (2006) Moscovskie vybornue polki soldatskogo stroya v nachalnyj period svoey istorii. 1656—1671 [Moscow infantry regiments during the initial period of their history]. Moscow, p. 202—203.
6. Martynov P. L. (1898) Gorod Simbirsk za 250 let sushchestvovaniya (sistematicheskiy sbornik istoricheskih svedeniy o g. Simbirske) [The city of Simbirsk for over 250 years of existence (historical digest of the city of Simbirsk]. [Electronik resourse]. Simbirsk: Simbirskaya gub. uchen. arh. komis. URL: http://archeo73.ru/Russian/19vek/martynov.
7. Martynov P. L. (1903) Seleniya Simbirskogo uyezda (Materialy dlya istorii Simbirskogo dvoryanstva i chastnogo zemlevladeniya v Simbirskom uyezde) [The selenide of Simbirsk uyezd (History records of Simbirsk nobility and private landholding in Simbirsk uyezd)]. Simbirsk, p. 15.
8. Megorskiy B. P. (2012) "Podrobnoe opisanoe polkov, zanyatyh v osade Narvy" 1704 goda [Detailed description of the regiments under Narva siege in 1704]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki, Vol. 1, p. 391—420.
9. Pavlov E. V. (1967, 1971) 24 pehotnyj Simbirskiy generala Neverovskogo polk [24th Simbirsk infantry regiment of general Neverovski]. № 86, June; 108, January.
10. Pahalyuk K. Neizvestnaya pobeda (Boy u Orlay 23—24 avgusta 1914 g.) [Unknown victory (Battle of Orlay on 23—24 August 1914)]. URL: http://hero1914. com/boj-u-orlay-i-frankenau-23-24-avgusta-1914-goda.
11. Peretyatkovich G. (1882) Povolzhje v XVII i nachale XVIII veka (ocherk iz istorii kolonizatsii kraya) [Volga region in XVII and the beginning of XVIII century]. Odessa, p. 212.
12. Melnikov Yu. N. (2014) Pistsovaya kniga Karsunskogo i Simbirskogo uyezdov 1685—1686 [Cadastres of Karsun and Simbirsk uyezds 1685—1686]. Scientific Research Institute of history and culture of Ulyanovsk region, Ulyanovsk, p. 262.
13. Rabinovich M. D. (1977) Polki Petrovskoy armii 1698—1725 [Regiments of Petrovskii Army]. [Electronic resourse] Tr. Gos. Ordena Lenina istoricheskogo muzeya. Ed. 48. Moscow. URL: http://www.adjudant.ru/petr/rab01.htm (Access date: 12.02.2016).
14. Raspisanie 164 pehotnyh polkov s pokazaniem starshinstva i znakov otlichiya, kotorye dolzhny byt im prisvoeny [Timetable of 164 infantry regiments showing seniority and honour which must be assigned. St. Petersburg: Voen. Tip., 1844, 622 p.
15. Simbirsk i ego proshloe: khrestomatiya kraevedcheskih tekstov [Simbirsk and its past: chrestomathy of region texts] Ulyanovsk: Laboratoriya kulturologii, 120 p.
16. Ukraintsev Yu. D. (2014) Pravo byt nepobedimym. Istoriya Simbirskogo pehotnogo polka (1811—1825 gg.) [The right to be invincible. The history of Simbirsk infantry regiment (1811—1825)]. Ulyanovsk: UlSU, 308 p.
17. http://yandex.ru//vokrugsveta.ru.
18. Ukraintsev Yu. D. (2017) Muzhestvo, neustrashimost i userdie. Istoriya Simbirskogo pehotnogo polka (1815—1918 gg.) [Courage, fearlessness and and eagerness. The history of Simbirsk infantry regiment (1815—1918)]. Ulyanovsk: UlSU, 322 p.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

М. Р. Арпентьева
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского (г. Калуга, Россия)
mariam_rav@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА

Статья посвящена рассмотрению факторов успешности и неуспешности клинико-психологического консультирования и психотерапии, роли сформированной профессиональной позиции врача (психотерапевта) в правильной оценке состояния и особенностей нарушений у больного. Профессиональная позиция предполагает скептицизм и рефлексию собственных ошибок и ошибок клиента, возникающих в результате стремления упростить понимание происходящего, свести происходящее с пациентом к привычной схеме (стереотипу), игнорируя как личностные особенности пациента, так и этические нормативы профессиональной деятельности. Отмечается, что в современном мире претензии общества к психотерапевтической помощи достигли уровня, когда общество и пациенты ставят вопрос о том, что психотерапия и врачебная помощь не столько помогают, сколько целенаправленно «фабрикуют» больных и болезни, фальсифицируют диагнозы и процессы лечения. Вопреки некритичному обожествлению «объективности» и «всемогущества» медицины, современные исследователи полагают, что медицина в целом есть «наука лжи», переполненная ошибками, казусами и неточностями, изобилующая конфликтами интересов как проявлениями попыток медицинских работников укрепить свою социальную и духовную власть в сообществе, повысить рентабельность и доходность медицинского бизнеса. Поэтому зарубежные и отечественные исследователи подчеркивают значимость критического мышления, рефлексии в области консультирования и психотерапии, направленных на демистификацию консультирования, его научно-философское осмысление. Поэтому соблюдение принципов биоэтики становится жизненно необходимым условием безопасности и продуктивности оказываемой ему помощи.

Ключевые слова: фармагеддон, переопределение, психиатрия, эвристика, биоэтика, профессионализм.

Современные исследования проблем клинико-психологического консультирования и психотерапии включают несколько основных направлений. Один из центральных — вопрос об эффективности и продуктивности как ведущих критериях успешности консультирования и психотерапии. Этот вопрос тесно связан с вопросами о социально-политическом и культурном значении консультирования и психотерапии, их пользе и издержках для пациентов/клиентов, их семей и общества, с проблемами развития медицинской парадигмы помощи, с вопросами о критике создания и эксплуатации ею «мифов о психических болезнях», критике неполноты представлений современной медицины о болезнях вообще, о важности психологических и системных подходов к изучению психических нарушений и их исцелению [1—5, 12, 17]. Данный вопрос приобретает все большую актуальность, особенно за рубежом: исследователями отмечается «токсичность» психиатрии и других видов медицины (“toxic psychiatry”), их вред для личности и общества [9], необходимость «демедикализации» (“de-medicalizing misery”). Консультирование и психотерапия в современном мире начали выступать как самостоятельные

формы осознания человеком себя и мира, часть репрессивного механизма, который используется государством для управления людьми, в том числе с помощью превращения психотерапии и медицины в целом в квазирелигию. Однако, на самом деле, вопреки таким «обожествлениям», медицина в целом есть «наука лжи», переполненная ошибками, казусами и неточностями, изобилующая конфликтами интересов как проявлениями попыток медицинских работников укрепить свою социальную и духовную власть в сообществе, повысить рентабельность и доходность медицинского бизнеса [6—8]. Это проявляется в осуществляемой в интересах профессионального сообщества, а также социально-политических интересах управляющих сообществом лиц целенаправленной «мануфактуре жертв». Психотерапевтическая и психиатрическая «индустрии» (therapy industry, manufacturing victims) активно и безжалостно эксплуатируют пациентов и клиентов, больных и здоровых людей, общество, создавая «психотерапевтические эпидемии» и мешая людям самостоятельно решать их проблемы и использовать внутренние силы, навязывая неправильные представления о болезни и здоровье, их факторах и последствиях [11, 19]. Исследователи концентрируют внимание на заблуждениях и ошибках в психиатрии и психологической помощи в целом [10, 17], особенно в связи с движением общественности и некоторых специалистов по поводу злоупотребления людьми медицинской «помощью», включая лекарственные препараты, БАДы и прочие вещества, модифицирующие состояние организма. Эти люди борются против фармагеддона (pharmageddon) — тенденции медицинской помощи проникать во все большее количество ситуаций, навязчиво вмешиваясь в повседневную жизнь не только больных, но и здоровых людей, которых запугивают мнимыми или мнимо грозящими им болезнями [10, 13—16 и др.]. Вместе с тем пациентам, привыкшим доверять врачам как экспертам, часто трудно поменять расстановку приоритетов, а именно перейти от лечения к борьбе, от терпения к совладанию. Здоровым же людям часто не хочется менять свой образ жизни: отсутствие физической культуры уничтожает их телесный капитал, а неправильное питание и прием якобы «необходимых» лекарственных препаратов ухудшает состояние вплоть до возникновения хронических заболеваний. Ожидания и нормативы, которые происходят из культуры, часто заставляют их думать, что только лекарства и, при необходимости, хирургическое вмешательство могут лечить и восстанавливать, что медицинская помощь и болезни — неизбежность. Если какая-либо форма лечения не приносит облегчения, то человек начинает искать другую форму или лечить еще более интенсивно, применяя те же методы, и, таким образом, создает себе дополнительные проблемы, не соблюдая дозировку и т. п. При этом он избегает собственной активности, направленной на помощь телу и душе. Многие люди до сих пор практически не используют знания клинической психологии о психологических причинах болезней и психологических основах лечения. О том, что изменение отношения к себе и миру, пересмотр событий своей жизни влечет изменения состояния, выздоровление. И чем интенсивнее пересмотр, тем успешнее и эффективнее процесс помощи.

Пациенты, страдающие от хронической боли и других хронических болезней, сталкиваются с проблемой необходимости их «переоформления», вплоть до пересмотра своей жизни в целом: отказаться от старых перспектив и предположений и принять новую точку зрения. Однако подчас измениться сложнее, чем умереть, а тем более выздороветь. С помощью краткосрочного и недорогого лечения психотерапевты могут помочь пациентам приспособить их мнения и ожидания к тому, чтобы они предъявляли и к медицинской системе, и к себе более реальные требования. Однако переоформление — не панацея: оно не лечит в том смысле, что часто сводит процесс излечения к изменению отношения к болезни, а не к миру и жизни в целом. Вообще вероятно, что большинство страдающих от хронической боли, в конце концов, сами проходят через подобный вид приспособления, когда они узнают, насколько ограничены медицинские средства, насколько врачи бывают безразличны в помощи им. Это сознание заставляет пациентов принять свое положение и изменить отношение к болезни и лечению. Тем не менее, разобравшись в данном процессе, терапевты могут помочь таким пациентам избежать продолжительной и ненужной обескураженности по поводу заболеваний и неэффективного и непродуктивного лечения. Поэтому переоформление является практически эффективной психотерапевтической стратегией, дополняющей классическое лечение — боли и иных нарушений. При этом отмечается значимость проверки эффективности (создание системы методов и критериев для тестирования) процессов оказания помощи.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются врачи и пациенты, связана с тем, что трудно

или невозможно учесть достаточно большое количество событий и фактов. Это происходит, например, когда специалист забывает об «эффекте стремления к средней» и иных эвристиках, используемых людьми для «оптимизации» понимания себя и мира. Так, Р. Триплет [19] предположил, что «вторая эпидемия» СПИДа — страха и предрассудков перед больными возникла во многом из-за использования людьми различных эвристик [15, p. 132]. Применение стереотипов или эвристических стратегий для ускорения процесса постановки диагноза может привести к возникновению ряда ошибок. Неправильный диагноз может иметь место, когда симптомы пациента соответствуют симптомам широко известных заболеваний, доступных памяти специалиста или пациента (находятся в наличии), или если особенности нарушений физического и психического здоровья пациента соответствуют имеющейся у него и специалиста информации о подобном случае (образце) нарушений, принадлежащих той или иной специфической группе заболеваний. Неправильный диагноз, в свою очередь, ведет к неправильному представлению о распространенности болезни, делая напрасными усилия по обучению (просвещению) медицинского персонала и общества. Ожидания как отражение представлений о распространенности болезни и ее характеристиках часто нейтрализуют информацию, представленную реальными симптомами [16, p. 133]. Распространенность ошибочных медицинских диагнозов усугубляется отсутствием у врачей и других специалистов серьезных усилий, направленных на информирование общественности по поводу болезней. Врачи и пациенты нуждаются в том, чтобы пересмотреть привычные для них модели заболеваний и включать в модели факты и данные, противоречащие стереотипам. Д. Майерс пишет, что если психотерапевт заставляет клиента искать проблемы, имевшие место в раннем детстве или в иное время, то он, как правило, их находит [15, p. 159, 195—196]. При этом он часто пренебрегает тщательным опросом здоровых людей об их отношениях и жизни в детстве. Как выявили Г. Рено и Ф. Эстез [18], проведя интервью со здоровыми, успешными, взрослыми людьми, детский опыт этих людей был тесно связан с травматическими событиями и напряженными отношениями. В интервью со 100 здоровыми, успешными, взрослыми людьми они просили их описать свою жизнь и были поражены тем, что детский опыт этих людей был связан с травматическими событиями, напряженными связями с определенными людьми и глупыми решениями родителей — различными факторами, часто используемыми при объяснении проблем в психиатрии. Причем если испытуемый пребывал в плохом настроении, то количество таких воспоминаний о травмах возрастало. Таким образом, «психиатры… могут чересчур тщательно искать» или, по сути, «фабриковать свидетельства» нарушений. Пациенты также могут находить оправдания «неизлечимости» болезням, фабрикуя из обстоятельств своей жизни «истории болезней». Пример тому — наркомании. Злоупотреблять наркотиками побуждают не сами травмы, а способ их «оформления», включая попытки использовать травмы и последствия травм для манипулирования окружающим миром, получения «дивидендов» от заболевания и т. д. Поэтому, прежде всего, необходимо понять, что же происходит «на самом деле», используя принципы «доказательной медицины» и биоэтики, а также повседневные и профессиональные «ценностные опоры» [15, 16, 18, 19]. Поскольку использование эвристик основывается на ложной или неполной информации, оно становится опасным, а их использование — рискованным, в том числе для здоровья и жизни пациентов. Поэтому необходимо пересмотреть привычные для них модели заболеваний и включать в модели факты и данные, противоречащие эвристическим выводам и иным непродуктивным переоформлениям. Э. Аронсон и К. Теврис отмечают, что специалист, который не вышел за пределы медицинского осмысления и не научился доказательности и скептицизму как одной из ценностных «опор» продуктивной социально-медицинской поддержки, «не обладает необходимыми навыками внутренней самокоррекции, позволяющими защититься от когнитивных ошибок, которым мы все подвержены. То, что видят такие терапевты, подтверждает их представления, а представления — определяют, что именно они видят. Это закрытый цикл, замкнутый круг» [2, с. 126—127]. Скептицизм и стремление к правде/истине, стремление не быть обманутым и не обманывать других перестали быть важнейшим элементом профессионального арсенала современных специалистов, понявших, что в век постмодерна любое знание, умение и ценность относительны. Поэтому в качестве важнейшего аспекта профессиональной экологии помощи и сохранения здоровья людей выступает развитие и совершенствование социально-медицинского подхода, интегративного и включающего приоритет биоэтических, нравственных аспектов деятельности специалистов и обращен-

ного к развитию осознания и понимания себя и окружающего мира всеми субъектами и «объектами» социально-медицинской поддержки.

Специалистам в первую очередь необходима смена парадигм в понимании и лечении психозов и иных болезней и состояний: преодоление негативных последствий «фармагеддона» и «переосмысление безумия» ("rethinking madness"): исправление допущенных ошибок лежит в пространстве поиска «смыслов безумия» (search for the meanings of madness), «слушания голосов» (hearing voices) клиента, в том числе голосов галлюцинаций. Клиенту нужны сочувствие, понимание и любовь, а не лекарства [9, 3], поэтому важны рефлексивность и эмпатичность, спонтанность и сосредоточенность специалиста в психотерапии, важность взаимопонимания, наличие которого — важнейшее условие продуктивности помощи. Роль взаимопонимания как феномена «обучения и бытия» в консультировании хотя и не является осмысленной в должной мере, однако «между строк» присутствует во всех работах [15 и др.]. Изучение самого консультирования как «лечения беседой», предполагающей «знание когда и что сказать» [18], сталкивается со многими трудностями, поскольку, будучи полем совместной жизнедеятельности, взаимоотношений, консультирование не является «запрограммированным» процессом. Напротив, жесткое программирование деструктивно — прежде всего для консультанта. Поэтому подчеркивается важность самосупервизии специалиста, компетентности как умения «учиться и быть» ("learning and being") [16]. Помимо факторов «любви» к клиенту как человеку, специалисты выделяют проблемы осознания и соблюдения нормативно-правового и этического аспектов консультирования, включая вопросы заключения и соблюдения контрактов, соблюдения и нарушения конфиденциальности и т. д. [6, 7, 17]. С вопросом ценностных и этических аспектов консультирования пересекаются вопросы религиозно-духовного развития и осмысления консультативных отношений [6, 14], понимания и раскрытия тайного сакрального или «теневого», их взаимодействия, глубинного и «вершинного» понимания (смыслов жизни, ценностей личности) и осознания трансперсональных аспектов преобразующих отношений в эффективном консультировании, а также осознания «теневых сторон» личности и общения [14]. Обращение к ним даже психически больным людям дает возможность «духовного спасения» и пробуждения, перехода «через безумие к освобождению». Важность психотерапевтических отношений [13, 15, 19], внедрения в консультирование и обучения ему рефлексивных практик [2], предполагающих становление консультанта, а потом и клиента «рефлексивным исследователем» (becoming a reflexive researcher), использования ими самих себя в исследовании отмечают, так или иначе, представители всех подходов. Это также требует целенаправленного обучения начинающих консультантов [14], проведения систематических контекстно-интегративных супервизий и самосупервизий. Особенно выраженные проблемы организации эффективного и успешного взаимодействия психолога с клиентом можно обнаружить в практике и исследованиях проблемы безопасности ("feeling safe"). Потребность в безопасности в настоящее время активно эксплуатируется в консультировании и обществе в целом, ради реализации стремления к защищенности клиент может приходить к консультанту снова и снова, практически избегая развития [17]. Особое внимание обращается на осмысление в консультировании неозвученных из-за травм и конфликтов голосов и/или голосов «самой» травмы ("unspoken voice"), синхронизмов и предупреждающих об опасности знаков, нарративов и дискурсов в диалоге и жизни клиента и консультанта ("cautionary tales"). Также подчеркивается необходимость помощи консультанту, то, что сострадание к клиенту рождает усталость, ведет к косвенной травматизации ("vicarious trauma"). Однако, вопреки традиционному взгляду на выгорание как на предвестник депрофессионализации и окончания профессиональной карьеры, снижения профессиональной эффективности консультанта, выделяется в самостоятельное направление другая позиция, согласно которой «радость сгорания» (joy of burnout) может стать «новым началом» (new beginning). Для этого важно не переоценивать свою устойчивость (resilient practitioner) [11, 14, 19] в преодолении стрессов и разочарований, а помогать себе и пользоваться помощью окружающих: близких, супервизора, проводить самосупервизию. Миф о безмятежном консультанте (myth of the untroubled therapist) игнорирует вопросы подчас конфликтного соотношения частной жизни и профессиональной практики, но консультант нуждается в самопомощи и самозаботе, а также помощи и заботе со стороны окружающих: он — такой же человек, как и все, имеющий право на ошибку и на отдых, на риск и на творчество, на труд и на близкие отношения с другими людьми [1, 2, 14, 18, 19]. Он нуждается в том, чтобы быть взрослым, а не

«взрослым ребенком» (adult children), и помогать клиентам освобождаться от «токсинов» их и своего прошлого опыта, например, опыта общения с «токсичными родителями» (toxic parents), «токсичными наставниками», «токсичными клиентами», чтобы самому не стать «токсичным консультантом». Консультирование в его трансперсональном измерении рассматривается как повседневная мистерия, имеющая многочисленные и важные для понимания происходящего экзистенциальные аспекты, пласты [18]. Важный момент этой мистерии — ее этика и ценности [17, 18]. Для успешного прохождения мистерии преобразования консультанту также нужна супервизия: интегративная, развивающая, желательно групповая и связанная с творческим осмыслением опыта [17 и др.], реализующая стремление консультанта к обучению, трансформации: супервизия как трансформация и «стремление учиться» ("passionate supervision") [16 и др.]. Она может быть организована и в форме в разной мере системного или контекстного коучинга [18] или самосупервизии, в том числе творчеством. Супервизия позволяет консультанту помогать и быть свободным в этой помощи ("freedom to practice"), активизировать внутреннюю силу в трудных ситуациях ("inner strength"), развивать способность понимать и в том числе различать. Она помогает консультанту начинать и заканчивать психотерапевтический процесс, ориентируя клиента или пациента на развитие способности «выжить без психотерапии» [9]: помощь со стороны консультанта часто оказывается не более чем иллюзией (illusion of psychotherapy) [7, 9, 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, отметим, что зарубежные и отечественные исследователи подчеркивают значимость критического мышления, рефлексии в области консультирования и психотерапии, направленных на демистификацию консультирования, его научно-философское осмысление. Множественность кризисных тенденций и тенденций активного развития представляет разнонаправленность развития клинико-психологического консультирования и психотерапии за рубежом и в России.

Литература

1. Арпентьева М. Р. Модель конфликта интересов в доказательной медицине / М. Р. Арпентьева // Биоэтика. — 2015. — № 16. — С. 17—23.
2. Теврис К. Ошибки, которые были допущены (но не мной): почему мы оправдываем глупые убеждения, плохие решения и пагубные действия / К. Теврис, Э. Аронсон. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 336 с.
3. Bregginp. Toxic psychiatry. — N. Y. : HarperCollins, 1993. — 578 p.
4. Cherniss C. Beyond burnout. — N. Y. : Routledge, 1995. — 248 p.
5. Claringbull N. Mental health in counseling and psychotherapy. — N. Y. : Learning Matters, 2012. — 308 p.
6. Cortright B. Psychotherapy and spirit. — N. Y. : State Univ., 1997. — 272 p.
7. Davies J. Cracked. — N. Y. : Icon Books Ltd, 2014. — 336 p.
8. Deurzen van E. Everyday mysteries. — N. Y. : Routledge, 2009. — 384 p.
9. Dineen T. Manufacturing victims. — N. Y. : Constable, 1999. — 336 p.
10. Forward S. Toxic parents; overcoming their hurtful legacy and reclaiming your life. — N. Y. : Bantam, 2002. — 320 p.
11. Freeth R. Humanizing psychiatry and mental health. — N. Y., 2007. — 200 p.
12. Glouberman D. The joy of burnout. — N. Y. : Skyros Books, 2002. — 256 p.
13. Hornstein G. A. Agnes's Jacket. — L. ; N. Y. : PCCS Books, 2012. — 335 p.
14. Kirsch I. The emperor's new drugs. — N. Y. : Bodley Head, 2009. — 240 p.
15. Myers D. G. Social psychology. — N. Y. : McGraw-Hill, 1993. — 682 p.
16. Philipchalk R. P. Invitation to social psychology. — N. Y. : Harcourt Brace College Publishers, 1995. — 566 p.
17. Porges St. Clinical insights from the polyvagal theory. — N. Y. : Norton, 2014. — 288 p.
18. Renaud H., Estess F. Life history interviews: "pathogenicity" of childhood // American J. of Orthopsychiatry. — 1961. — V. 31, Is. 4. — P. 786—802.
19. Triplet R. Discriminatory biases in the perception of illness // Basic and Applied Social Psychology. — 1992. — V. 13. — P. 303—322.

QUALITY PROBLEMS OF CLINICAL AND PSYCHOLOGICAL COUNSELING AND TRAINING

M. R. Arpentieva

K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University (Kaluga, Russia)

mariam_rav@mail.ru

The article studies the factors of success and failure of clinical and psychological counseling and psychotherapy, the importance of psychotherapist's professional attitude in the correct health and disorder assessment of the patient. Professional attitude involves skepticism and the reflection of both the therapist's and patient's mistakes which are the result of the intention to demystify the situation. He seeks to bring what is happening with the patient to the usual pattern (stereotype), ignoring both personality traits of the patient and ethical norms of professional activity. The author notes that the modern society and patients claim that the psychotherapy and medical treatment do not help as much as purposefully manufacture false diseases and falsify diagnoses and treatment. In spite of the noncritical deification of "objectivity" and "omnipotence" of medicine, modern researchers believe that medicine in general is "a science of lie", filled with errors, incidents and inaccuracies, rife with conflicts of interests as manifestations of attempts of medical professionals to strengthen their social and spiritual power in the community, increase the payability and profitability of health business. Therefore, foreign and domestic researchers emphasize the importance of critical thinking, reflection in the field of counseling and psychotherapy aimed at demystification of counseling, its scientific and philosophical understanding. Therefore, the principles of bioethics are the necessary requirement for safety and efficiency of the rendered assistance.

Key words: farmageddon, redefinition, psychiatry, heuristics, bioethics, professionalism.

References

1. Arpentieva M. R. (2015) Model konflikta interesov v dokazatelnoy meditsine [Model of conflict of interests in evidence-based medicine]. Bioetika, (16), p. 17—23.
2. Tevris K., Aronson E. (2012) Oshibki, kotorye byli dopushcheny (no ne mnoy): pochemu my opravdyvaem glupye ubezhdeniya, plohie resheniya i pagubnye deystviya [Mistakes Were Made (But Not by Me): Why We Justify Foolish Beliefs, Bad Decisions, and Hurtful Acts]. M.: Infotropik Media, 336 p.
3. Bregginp. Toxic psychiatry. N. Y.: HarperCollins, 1993. 578 p.
4. Cherniss C. Beyond burnout. N. Y.: Routledge, 1995. 248 p.
5. Claringbull N. Mental health in counseling and psychotherapy. N. Y.: Learning Matters, 2012. 308 p.
6. Cortright B. Psychotherapy and spirit. N. Y.: State Univ., 1997. 272 p.
7. Davies J. Cracked. N. Y.: Icon Books Ltd, 2014. 336 p.
8. Deurzen van E. Everyday mysteries. N. Y.: Routledge, 2009. 384 p.
9. Dineen T. Manufacturing victims. N. Y.: Constable, 1999. 336 p.
10. Forward S. Toxic parents; overcoming their hurtful legacy and reclaiming your life. N. Y.: Bantam, 2002. 320 p.
11. Freeth R. Humanizing psychiatry and mental health. N. Y., 2007. 200 p.
12. Glouberman D. The joy of burnout. N. Y.: Skyros Books, 2002. 256 p.
13. Hornstein G. A. Agnes's Jacket. L.; N. Y.: PCCS Books, 2012. 335 p.
14. Kirsch I. The emperor's new drugs. N. Y.: Bodley Head, 2009. 240 p.
15. Myers D. G. Social psychology. N. Y.: McGraw-Hill, 1993. 682 p.
16. Philipchalk R. P. Invitation to social psychology. N. Y.: Harcourt Brace College Publishers, 1995. 566 p.
17. Porges St. Clinical insights from the polyvagal theory. N. Y.: Norton, 2014. 288 p.
18. Renaud H., Estess F. Life history interviews: "pathogenicity" of childhood // American J. of Orthopsychiatry, 1961. V. 31, Is. 4. P. 786—802.
19. Triplet R. Discriminatory biases in the perception of illness // Basic and Applied Social Psychology. 1992. V. 13. P. 303—322.

Е. Н. Каленик
Ульяновский государственный университет
(Россия, г. Ульяновск)
kente@mail.ru

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ У ПЕДАГОГОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ СРЕДСТВАМИ АДАПТИВНО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье представлен анализ научной литературы, научных разработок и исследований, описывающих компетенции учителя физической культуры и направленных на социализацию детей с ограниченными возможностями здоровья. Приведен анализ государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (бакалавр) по направлению подготовки Адаптивная физическая культура и профессионального стандарта для педагогов (воспитателей, учителей) в сфере дошкольного, общего, основного общего и среднего общего образования. Представлены основные трудности в приращении профессиональных компетенций, которые являются необходимыми для успешной деятельности педагога, работающего с учениками с ограниченными возможностями здоровья. Показано «проблемное поле» физической культуры и спорта для детей с ограниченными возможностями в оценках учителей физической культуры. Определена и описана специфика процесса формирования компетенций у учителей физической культуры в области социализации школьников с ограниченными возможностями средствами адаптивно-спортивной деятельности. Предложены варианты формирования компетенций у учителей физической культуры в области социализации детей с ограниченными возможностями на протяжении всей педагогической деятельности.

Ключевые слова: профессиональные компетенции учителя, повышение квалификации, школьники с ограниченными возможностями здоровья, адаптивно-спортивная деятельность, социализация.

В условиях современной динамично меняющейся образовательной среды, стремящейся стать все более гуманной, нужен учитель с профессиональной позицией, которая позволяет перестраивать педагогическую деятельность с учетом социально значимых целей и ограничений. Сегодняшнее образование — это «образование не на всю жизнь, а через всю жизнь» [9, с. 45].

В новых условиях учителю становится необходимым учиться постоянному диалогу, новым подходам и технологиям, особенно в области социализации школьников с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) [12].

Профессиональные компетенции учителя в области социализации детей с ОВЗ в современном гуманистическом обществе являются востребованными [13], так как результат его деятельности — это достижения в общественной жизни каждого ученика. Важно, чтобы педагог понимал цели и задачи собственной педагогической деятельности, знал, как их можно реализовывать, а ученик с ОВЗ понимал, чему учиться, как преодолевать ограничения, связанные с патологией. В связи с этим значимым пунктом будет формирование ценностно-смысловой сферы личности подростка с ОВЗ, которое переводит воздействия факторов социализации в личностный план в виде трансформации социальных ценностей в готовую систему ценностей личности [16, с. 52]. В условиях эффективной инновационной деятельности в центре внимания педагогов будет будущая судьба обучающегося, поиск разных эффективных способов подготовки его к самостоятельному решению задач физического воспитания [3, с. 31].

В связи с этим возникает вопрос: какие именно составляющие профессиональные компетенции наиболее значимы для успешности педагогического обеспечения социализации учащихся с ограниченными возможностями?

Прежде всего мы считаем, что это те компетенции, которые связаны с социализацией школьника с ОВЗ. Нужно понимать важность шанса выхода из изоляции ученика с ОВЗ за счет адаптивно-спортивной деятельности, открытия возможностей, быть полноправными членами общества и приносить ему пользу. Особенности профессиональной деятельности предполагают, что у педагогов должен быть

комплекс гуманистических качеств: терпимость, сила воли, способность к быстрой реакции в экстремальных ситуациях [15]. Необходима рефлексия, быстрая ориентация в сложившихся обстоятельствах как условие правильности оценки ситуаций и собственных действий. Установка учителя на сотрудничество с учеником, его психологическая готовность к этому позволяют педагогу с наибольшей полнотой принять детей с ОВЗ как субъектов общения и создавать межличностные контакты [14, с. 87]. Педагогу, который сталкивается в своей работе с детьми, имеющими различные ограничения, важно не замыкаться в решении узкоприкладных, частных задач, а выходить на уровень совместной деловой, игровой деятельности с учащимися, в которой моделировались бы жизненные ситуации; оперировать содержанием, несущим определенную педагогическую нагрузку. Это позволило бы естественно связать учебное содержание с жизненной практикой учащихся и освоить им способы познавательной деятельности и социального взаимодействия в обществе. Особенности педагогического труда учителя физической культуры, специфические задачи работы, диктуемые медико-психологическими характеристиками детей с ОВЗ, определяют конкретное наполнение комплекса составляющих профессии данного специалиста, базовых, профессионально необходимых знаний (Н. А. Козленко, 1991; В. Е. Крылов, 1993; А. П. Зотов, 1997; И. Ю. Жуковин, 2000 и др.). Нужен учитель физической культуры, который будет иметь опыт организаторской деятельности и профессионально значимые качества, направленные на социализацию учащихся с ограниченными возможностями [7]. Педагоги должны сочетать в себе способность обеспечивать для лиц с ОВЗ возможность физической реабилитации и социальной адаптации к жизненной среде, к определенным видам практической деятельности [4, 5]. Также сюда относится умение учителя создать атмосферу для восстановления социально-коммуникативных возможностей и связей, интеграции в современное социальное и культурное пространство людей с ограниченными возможностями [8, 6].

В случае же, когда мы обращаемся к проблеме развития физической культуры, немаловажным обстоятельством, еще более усиливающим значимость указанного аспекта проблемы, является возможность развития такого особенного пространства средствами адаптивно-спортивной деятельности, в котором детей с ограниченными возможностями приобщают к различным по форме и характеру общественным и культурным ценностям. Поэтому педагог, учитель физической культуры должен иметь определенный запас компетенций, знаний и умений в области социализации детей с ограниченными возможности в адаптивно-спортивной деятельности.

Учителя физической культуры, работающие с детьми с ОВЗ, отмечают устойчивое отставание сферы физической культуры от других образовательных направлений и выделяют ряд причин [1, 11, 2], которые снижают возможности адаптации и социализации этих детей, следовательно, и их интеграцию в общество. «Проблемное поле» физической культуры и спорта для детей с ограниченными возможностями в оценках учителей физической культуры выглядит следующим образом:

1. Спортивная жизнь детей с ограниченными возможностями не имеет общественно значимых стимулов развития. Она происходит преимущественно по упрощенной, замкнутой внутри школы организационной схеме. Отсутствуют условия развития спортивного мотивационно-целевого пространства для школьников.

2. Интуитивный характер нововведений в физическое воспитание детей с ограниченными возможностями не способствует его эффективному обновлению.

3. Отсутствуют организационные возможности объединения и партнерства со спортивными организациями и учреждениями для здоровых детей и детей с ограниченными возможностями. Нет единого координационного центра по детскому спорту, включающего спорт для детей с ограниченными возможностями.

4. В традиционной системе повышения квалификации учителей не предусмотрено практическое освоение новых современных технологий детского спорта для детей с ограниченными возможностями и социального партнерства в данной сфере.

При изучении научной литературы по проблеме нам не удалось обнаружить научных разработок или исследований, описывающих компетенции учителя физической культуры и направленных на социализацию детей с ограниченными возможностями здоровья.

Анализ государственного стандарта высшего профессионального образования 2000 года (квалификация — педагог по физической культуре и спорту (в соответствии с дополнительной специальностью)) показал, что в требованиях к уровню подготовки выпускника знания о социализации учащихся включены в различные пред-

меты и отдельными вопросами не рассматриваются [10]. В дисциплинах предметной подготовки понятия «социализация» и «социальная адаптация средствами физической культуры» не даются. Анализ Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (бакалавр) по направлению подготовки 034400 Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура) (2010) [17], новый код специальности 49.03.02 Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура) (2015) [18], показал, что педагогическая деятельность направлена на оптимизацию состояния здоровья учащихся и содействует формированию способов, обеспечивающих самореализацию, самоопределение, самосовершенствование и самоактуализацию. В Федеральной программе развития образования на 2011—2015 гг. главной целью ставится развитие системы образования в интересах формирования гармонично развитой, социально активной, творческой личности и в качестве одного из факторов экономического и социального прогресса общества на основе провозглашенного Российской Федерацией приоритета образования. Особого внимания требует ситуация, связанная с обеспечением успешной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. С другой стороны, ставится задача на 8—12 % снизить затраты на реализацию механизмов социальной адаптации для социально незащищенных групп населения [19]. Таким образом, государственная программа нацеливает школьного учителя физической культуры на физкультурно-спортивную деятельность, направленную на развитие социально активной личности.

Профессиональный стандарт для педагогов (воспитателей, учителей) в сфере дошкольного, общего, основного общего и среднего общего образования (приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544) обязывает всех работников образования владеть компетенциями в области инклюзивного образования детей с ОВЗ. Как видно, в стандарте предъявляются требования к подготовке специалиста в инклюзивном пространстве, а вопросы социализации школьников с ОВЗ средствами предмета не рассматриваются. От педагога нельзя требовать то, чему его никто не учил.

Введение нового профессионального стандарта педагога должно неизбежно повлечь за собой изменение стандартов его подготовки в высшей школе и в центрах повышения квалификации.

Основные направления подготовки учителя к обучению детей с ОВЗ отражены в мероприятиях «Комплексной программы повышения профессионального уровня педагогических работников общеобразовательных организаций» (2014). Однако в школе внеклассная работа по физической культуре для школьников с ОВЗ постигается как пассивно-иллюстративное обучение. Выполнение требований по учебному материалу, выступление на внутришкольных спортивных мероприятиях определяются как социальная активность ученика. На данном этапе развития школы используются типовые учебные программы физической культуры, которые реализуют только информационный принцип обучения, регламентируют тематическое содержание. Созидательная, опережающая ориентация физической культуры остается нереализованной. Использование средств физической культуры в социализации и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями не предусмотрено. Поэтому сегодня в приращении профессиональных вышеназванных компетенций учителя особая роль отводится системе повышения квалификации на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Актуальным становится вопрос о том, каким образом можно обеспечить формирование компетенций у учителей физической культуры в области социализации детей с ограниченными возможностями на протяжении всей педагогической деятельности.

Сегодня потребность в педагогических кадрах сильно возросла. В школах нужны знающие и подготовленные учителя в области социализации учащихся. Готовность специалиста к профессиональной деятельности заключается в усвоении им полного состава специальных компетенций, в сформированности и зрелости профессионально значимых качеств личности для осуществления социализации школьников с ограниченными возможностями средствами адаптивно-спортивной внеурочной деятельности.

Представляется важным необходимость разработки нового, личностно-ориентированного содержания повышения квалификации учителей, а также внедрения эффективных педагогических технологий, способствующих развитию нового педагогического мышления, росту профессионально-педагогической культуры в области социализации детей с ограниченными возможностями средствами адаптивно-спортивной деятельности.

Формирование у учителей компетенций в области социализации школьников с ограниченными возможностями — это специфический процесс. Специфика процесса формирования компетенций у учителей физической культуры в области социализации школьников с ограниченными возможностями средствами адаптивно-спортивной деятельности заключается в следующем:

1) фиксация социального заказа общества в аспекте исследуемой проблемы;

2) выявление сущностно-содержательной характеристики компетенций в области социализации школьников с ОВЗ средствами адаптивно-спортивной внеурочной деятельности;

3) выявление специфики учебного процесса в системе повышения квалификации педагогов.

Следует отметить, что педагогическая деятельность является созидательной, продуктивной, творческой. Требования к характеру компетенций учителя физической культуры многоплановы и многоаспектны. Они обусловлены не только потребностями растущего человека, ребенка с ограниченными возможностями, но и особенностями процесса социализации личности в адаптивно-спортивной деятельности и, конечно, функциональным содержанием деятельности учителя физической культуры в этом процессе.

Недостаточная разработанность программ обучения — одна из проблем повышения квалификации учителей. Обучающие программы необходимы потому, что они позволяют осваивать модели социализации школьников с ограниченными возможностями в адаптивно-спортивной деятельности. Учитывая особенности процесса формирования обозначенных выше компетенций у учителей физической культуры, мы выделили следующие, актуальные с нашей точки зрения формы работы, которые следует развивать и рекомендовать в систему повышения квалификации:

1) семинары по обмену опытом, участниками которых являются педагоги, тренеры, методисты по физической культуре и спорту, а также специалисты различных социальных служб;

2) совместные социальные и научно-исследовательские проекты, посвященные разработке новых технологий в области социализации школьников с ограниченными возможностями в адаптивно-спортивной деятельности;

3) спортивные выездные школы и т. д.

В основе выделенных форм лежит принцип сотрудничества и взаимодействия.

Повышение квалификации учителей физической культуры предполагает такую организацию, которая способствует формированию профессионально значимого уровня компетенций в области социализации учащихся с ОВЗ средствами адаптивно-спортивной деятельности.

Основными компетенциями учителя являются:

1) система знаний о социальной адаптации, интеграции, инклюзии и социализации детей с ограниченными возможностями, которая образует новый стиль мышления и формируется на базе информационного знания;

2) система компетенций в области социализации школьников с ограниченными возможностями средствами адаптивно-спортивной деятельности, которая формируется в процессе практической деятельности.

Следует отметить, что, рассматривая позиции в дополнительном образовании педагогов, а также исследовав современные изыскания в системе повышения квалификации, мы пришли к выводу:

1) основные направления повышения квалификации учителей не касаются вопросов социализации школьников с ОВЗ средствами физической культуры, спорта;

2) традиционные системы повышения квалификации педагогических сотрудников используют не самые эффективные способы обучения.

Мы разработали сущностно-содержательную характеристику компетенций в области социализации школьников с ОВЗ, которая отражает следующее:

1. Компетенции в области социализации школьников с ОВЗ будут расширять уровень подготовленности педагогов, дополнять основные общекультурные компетенции государственного образовательного стандарта, освоенные по основной квалификации педагога.

2. Специфика формирования компетенций основана на разрешении конфликта интересов через равноправный диалог, что предполагает стремление ввести нововведения в физическое воспитание детей с ОВЗ, объединить возможности партнерства между организациями и учреждениями для здоровых и детей с ОВЗ, освоить новые технологии детского спорта.

3. При обращении к современным практикам определяются основные элементы специфики: социальный заказ, профессиональные особенности в работе со школьниками с ОВЗ, профессионально-личностные особенности повышения квалификации в освоении компетенций в области социализации школьников с ОВЗ.

Таким образом, мы проанализировали проблемы в системе непрерывного образования и определили основные профессиональные компетенции учителя физической культуры, значимые для успешности педагогического обеспечения социализации учащихся с ограниченными возможностями здоровья средствами адаптивно-спортивной деятельности.

Литература

1. Ачкурин Н. А. Развитие двигательных способностей школьников 11—13 лет в системе занятий спортивного часа школы продленного дня : автореф. дис. … канд. пед. наук / Н. А. Ачкурин. — М., 1997. — 25 с.
2. Барабаш О. А. Дифференцированный подход к коррекции двигательных нарушений детей 4—7 лет, воспитанников вспомогательных учебных заведений : автореф. дис. … канд. пед. наук / О. А. Барабаш. — Омск, 1997. — 24 с.
3. Буянов В. Н. Педагогические инновации в формировании фитнес-культуры студентов в системе высшего образования / В. Н. Буянов, И. В. Переверзева, Ю. А. Усачев // Симбирский науч. вестн. — 2016. — № 3(25). — С. 25—32.
4. Веневцев С. И. Оздоровление и коррекция психофизического развития учащихся начальных классов специальных (коррекционных) школ VIII вида в процессе обучения : автореф. дис. … канд. пед. наук / С. И. Веневцев. — Красноярск, 2000. — 24 с.
5. Веневцев С. И. Оздоровление и коррекция психофизического развития детей с нарушением интеллекта средствами адаптивной физической культуры / С. И. Веневцев, А. А. Дмитриев. — М. : Советский спорт, 2004. — 104 с.
6. Вишневский В. А. Сравнительный анализ эффективности летнего отдыха в лагере дневного пребывания в условиях ХМАО-ЮГРЫ и с выездом на юг страны / В. А. Вишневский, С. И. Логинов, А. Ш. Бектимиров // Материалы Всерос. науч.-практич. конф. — Уфа, 2010. — С. 117—124.
7. Волохов А. В. Вариативно-программный подход к социализации личности ребенка в деятельности детских организаций : автореф. дис. … канд. пед. наук / А. В. Волохов. — Казань, 1992. — 26 с.
8. Вульфов Б. З. Школа и социальная среда: взаимодействие / Б. З. Вульфов, В. Д. Семенов. — М. : Знание, 1981. — 96 с.
9. Гисинский Э. Н. Введение в философию образования / Э. Н. Гисинский, Ю. Н. Турчанинова. — М. : Логос, 2000. — 224 с.
10. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 033100.00 Физическая культура с дополнительной специальностью. Квалификация педагог по физической культуре и ___ (в соответствии с дополнительной специальностью). Официальные документы в образовании. — М., 2000.
11. Елютин Ю. В. Методика и организация физкультурно-оздоровительных занятий с младшими школьниками в группах продленного дня : автореф. дис. … канд. пед. наук / Ю. В. Елютин. — М., 1998. — 25 с.
12. Левина М. М. Технологии профессионального педагогического образования : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. М. Левина. — М. : Академия, 2001. — 272 с.
13. Линкер Г. Р. Формирование профессиональных компетенций у студентов в процессе изучения курса «Технологии программирования в социальной работе» / Г. Р. Линкер // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практич. конф. — Нижневартовск : Изд-во Нижневартовск. гуманит. ун-та, 2012. — С. 130—133.
14. Мищенко Е. А. Социализация учащихся коррекционного образовательного учреждения (управленческий аспект) : дис. … канд. пед. наук / Е. А. Мищенко. — СПб., 2001. — 185 с.
15. Мозгарев Л. В. Условия профессионального развития педагогов в системе повышения квалификации : дис. … канд. пед. наук / Л. В. Мозгарев. — Воронеж, 2001. — 157 с.
16. Салахова В. Б. Девиантное поведение как социально-психологическое явление / В. Б. Салахова, А. А. Ощепков // Симбирский науч. вестн. — 2016. — № 4(26). — С. 45—55.
17. Федеральная программа развития образования на 2011—2015 годы. Постановление Правительства РФ от 20.12.2011 № 1034, от 13.07.2012 № 716, от 26.11.2012 № 1226, от 27.12.2012 № 1442.
18. Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) по направлению подготовки 034400 Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура) высшего профессионального образования (ВПО), утвержденный приказом Министерства образования и науки РФ. — 2010. — № 220.
19. Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) по направлению подготовки 49.03.02 Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура) высшего профессионального образования (ВПО), утвержденный приказом Министерства образования и науки РФ. — 2015. — № 203. — URL: http://umu.sportedu.ru/sites/umu.sportedu.ru/files/afk.pdf.

SPECIFICITY OF THE FORMATION OF COMPETENCIES AMONG TEACHERS IN THE FIELD OF SOCIALIZATION OF SCHOOLCHILDREN WITH DISABILITIES THROUGH ADAPTIVE AND SPORTING ACTIVITIES

E. N. Kalenik

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

kente@mail.ru

The article presents an analysis of scientific literature, scientific research and development describing the competences of a physical education teacher aimed at socialization of children with disabilities. The author presents the analysis of state educational standard of higher professional education, the bachelor, in the field of Adapted Physical Education and occupational standards for teachers (educators, teachers) in the field of preschool, basic, compulsory and secondary general education. The paper reveals the key problems in the formation of professional competences which are necessary for the successful work of a teacher working with schoolchildren with disabilities. It shows the "problem field" of physical education and sports for special needs children in the assessments of physical education teachers. The author reveals and describes the specificity and variants of competencies formation of physical education teachers in the field of socialization of schoolchildren with disabilities by means of adaptive and sporting activities.

Key words: professional competence of the teacher, advanced training, schoolchildren with disabilities, adaptive and sporting activities, socialization.

References

1. Achkurin N. A. (1997) Razvitie dvigatelnyh sposobnostey shkolnikov 11—13 let v sisteme zanyatiy sportivnogo chasa shkoly prodlennogo dnya [Motor education of schoolchildren of the age 11—13 on sports lessons in all-day school]. Author's abstract … Ph. D in Pedagogics Achkurin N. A. Moscow, 25 p.
2. Barabash O. A. (1997) Differentsirovannyj podhod k korrektsii dvigatelnyh narusheniy detey 4—7 let, vospitannikov vspomogatelnyh uchebnyh zavedeniy [Differential approach to motion correction of 4—7-year-old children, foster children of support educational institutions]. Author's abstract … Ph. D in Pedagogics Barabash O. A. Omsk, 24 p.
3. Buyanov V. N., Pereverzeva I. V., Usachev Ju. A. (2016) Pedagogicheskie innovatsii v formirovanii fitness-kultury studentov v sisteme vysshego obrazovaniya [Pedagogical innovations in students fitness culture formation in the system of higher education]. Simbirskiy nauchnyj vestnik, 3(25), p. 25—32.
4. Venevtsev S. I. (2000) Ozdorovlenie i korrektsiya psihofizicheskogo razvitiya uchashchihsya nachalnyh klassov spetsialnyh (korrektsionnyh) shkol VIII vida v protsesse obucheniya [Health improvement and psychophysical development correction of primary schoolchildren of special schools of VIII type in the process of training]. Author's abstract … Ph. D in Pedagogics Venevtsev S. I. Krasnoyarsk, 24 p.
5. Venevtsev S. I., Dmitriev A. A. (2004) Ozdorovlenie i korrektsiya psihofizicheskogo razvitiya detey s narusheniem intellekta sredstvami adaptivnoy fizicheskoy kultury [Health improvement and psychophysical development correction of schoolchildren with mental development disorder by means of Adapted Pfisical Education]. Moscow: Sovetskiy sport, 104 p.
6. Vishnevskiy V. A., Loginov S. I., Bektimirov A. Sh. (2010) Sravnitelnyj analiz effektivnosti letnego otdyha v lagere dnevnogo prebyvaniya v usloviyah HMAO-YUGRY i s vyezdom na yug strany [Comparative analysis of summer holidays effectiveness of day programme in the conditions of KhMAD-Yugra on the south of the country]. International scientific conference proceedings. Ufa, p. 117—124.
7. Volohov A. V. (1992) Variativno-programmnyj podhod k sotsializatsii lichnosti rebenka v deyatelnosti detskih organizatsiy [Variative-programmed approach to the child personality socialization in the activities of children organizations]. Author's abstract … Ph. D. in Pedagogics Volohov A. V. Kazan, 26 p.
8. Vulfov B. Z., Semenov V. D. (1981) Shkola i sotsialnaya sreda: vzaimodeystvie [School and social environment: interaction]. Moscow: Znanie, 96 p.
9. Gisinskiy E. N., Turchaninova Ju. N. (2000) Vvedenie v filosofiyu obrazovaniya [Introduction to philosophy of education]. Moscow: Logos, 224 p.
10. Gosudarstvennyj obrazovatelnyj standart vysshego professionalnogo obrazovaniya. Spetsialnost 033100.00. Fizicheskaya kultura s dopolnitelnoy spetsialnostju. Kvalifikatsiya pedagog po fizicheskoy culture i ____ (v sootvetstvii s dopolnitelnoy spetsialnostju. Ofitsialnye dokumenty v obrazovanii [Sate Educational Standard of Higher Professional Education. Specialty 033100.00. Physical education with additional job. Qualification Physical education teacher and ____ (in accordance with additional specialty). Official documents in Education]. Moscow, 2000.
11. Elyutin E. V. (1998) Metodika i organizatsiya fiskulturno-ozdorovitelnyh zanyatiy s mladshimi shkolnikami v gruppah prodlennogo dnya. [Methods and organization of recreational classes with schoolchildren in all-day school]. Author's abstract … Ph. D. in Pedagogics Elyutin E. V. Moscow, 25 p.
12. Levina M. M. (2001) Tehnologii professionalnogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Technologies of professional teacher training education]. Moscow: Akademiya, 272 p.
13. Linker G. R. (2012) Formirovanie professionalnyh kompetentsiy u studentov v protsesse izucheniya kursa "Tehnologii programmirovaniya v sotsialnoy rabote" [Formation of students' professional competence while learning "Programmimg technologies in social work]. Kultura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: proceedings of International Scientific Conference, Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevartovsk. gumanit. un-ta, p. 130—133.

14. Mishchenko E. A. (2001) Sotsializatsiya uchashchihsya korrektsionnogo obrazovatelnogo uchrezhdeniya (upravlencheskiy aspect) [Socialization of students in remedial educational institutions]. Author's abstract … Ph. D. in Pedagogics Mishchenko E. A. St. Petersburg, 185 p.
15. Mozgarev L. V. (2001) Usloviya professionalnogo razvitiya pedagogov v sisteme povysheniya kvalifikatsii [Conditions for professional development of teachers in the system of advanced training]. Author's abstract … Ph. D. in Pedagogics Mozgarev L. V. Voronezh, 157 p.
16. Salahova V. B., Oshchepkov A. A. (2016) Deviantnoe povedenie kak sotsialno-psihologicheskoe yavlenie [Deviant behavior as social and psychological phenomenon]. Simbirskiy nauchnyj vestnik, 4(26), p. 45—55.
17. Federalnaya programma razvitiya obrazovaniya na 2011—2015 gody. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 20.12.2011 № 1034, ot 13.07.2012 № 716, ot 26.11.2012 № 1226, ot 27.12.2012 № 1442 [Federal Education Development programm 2011—2015. RF Government regulation of 20.12.2011 № 1034, of 13.07.2012 № 716, of 26.11.2012 № 1226, of 27.12.2012 № 1442].
18. Federalnyj gosudarstvennyj obrazovatelnyj standart (FGOS) po napravleniyu podgotovki 034400 Fizicheskaya kultura dlya lits s otkloneniyam v sostoyanii zdorovya (adaptivnaya fizicheskaya kultura) vysshego professionalnogo obrazovaniya (VPO), utverzhdennyj prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF. [Federal State Educational Standard in 034400 Physical Education for students with disabilities (Adapted Physical Education) of Higher Professional Education, approved by the decree of the Ministry of Education and Science RF]. 2010, № 220.
19. Federalnyj gosudarstvennyj obrazovatelnyj standart (FGOS) po napravleniyu podgotovki 034400 Fizicheskaya kultura dlya lits s otkloneniyam v sostoyanii zdorovya (adaptivnaya fizicheskaya kultura) vysshego professionalnogo obrazovaniya (VPO), utverzhdennyj prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF. [Federal State Educational Standard in 034400 Physical Education for students with disabilities (Adapted Physical Education) of Higher Professional Education, approved by the decree of the Ministry of Education and Science RF]. 2015, № 203. URL: http://umu.sportedu.ru/sites/umu. sportedu.ru/files/afk.pdf.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ СТРУКТУРЫ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ, СКЛОННОЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ, ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ*

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

А. А. Ощепков

Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал НИЯУ МИФИ (г. Димитровград, Россия)

sladkod@yandex.ru

В. Б. Салахова

Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия)

valentina_nauka@mail.ru

С. В. Цынк

Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал НИЯУ МИФИ (г. Димитровград, Россия)

stsynk@mail.ru

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена динамичными трансформациями общественных ценностей, отражающихся в сознании молодежи и проявляющихся в разнообразных формах девиантного поведения. Целью статьи является изучение влияния системы ценностей на мотивацию молодежи, выражающуюся в ориентации поведения на нормативную либо девиантную направленность. Для этого проведено экспериментальное исследование влияния социально-психологической коррекции, осуществляемой в виде программы ценностно-мотивационного развития, на систему ценностей молодежи и изменение поведения. В статье обосновано, что одним из эффективных методов социально-психологического воздействия на направленность личности общепризнан социально-психологический тренинг, нацеленный на личностный рост. В результате эксперимента доказано, что социально-психологическое воздействие на ценностно-мотивационную сферу личности подростка приводит к изменению системы ценностей и переориентации поведения с девиантной направленности на нормативную. Позитивное воздействие внутренней мотивации, позволяющей раскрыть истинные смыслы собственной деятельности, в свою очередь положительно влияет на ориентацию поведения на нормативную направленность.

Материалы статьи могут быть полезны в практической работе школьных психологов при решении проблем, связанных с девиантным поведением молодежи.

Ключевые слова: личность, ценностные ориентации, мотивация, подросток, молодежь, девиантное поведение.

***** Статья подготовлена в рамках гранта Президента (проект № МК-1562.2017.6).

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе со все более усложняющейся системой отношений, влияющих на трансформацию структуры взаимодействий, становится актуальным обретение системы координат, в которых человек мог бы осмыслить свою жизнедеятельность и перспективы будущего. В этом ракурсе, несомненно, повышается роль системы ценностей, которыми руководствуется человек и которые выступают осознанными ориентирами в формировании отношения к миру и себе. Особенно важной такая поста-

новка проблемы становится в отношении проявления различных форм девиантного поведения. Девиации в поведении человека выражаются во множестве форм, как традиционных (агрессия и аутоагрессия, алкоголизм и наркомания, правонарушения и преступления), так и новых, связанных с развитием общества (таких как, например, интернет-зависимость). В отношении девиантного поведения важность системы ценностей проявляется как проблема деформации нормативно-ценностной системы личности, связанной с неблагоприятными воздействиями, происходящими в процессе социализации.

Проблема формирования системы ценностей затрагивается во множестве работ современных ученых. Т. В. Васильева считает, что в современных условиях переосмысления и пересмотра ценностей тема ценностных ориентаций личности приобретает особую значимость, так как именно они определяют функционирование и развитие человека [4]. По мнению К. М. Сабировой и Н. В. Техтелевой, политические и социально-экономические изменения в нашей стране привели к разрушению привычной системы ценностей, таких как отечество, семья, дружба, общение [13]. Подобного мнения придерживается Ф. С. Кудзиева, считая, что современные коренные преобразования российского общества характеризуются переносом центра тяжести в системе взаимодействий «социум — семья — индивид» с общества на индивида [8]. В работе О. В. Закревской говорится о том, что в обществе стал ощущаться недостаток сознательно принимаемых большинством граждан принципов и правил жизни, наблюдается отсутствие созидательных ориентиров, ценности формируются стихийно [5]. А в работах С. П. Иваненкова и А. Ж. Кусжановой говорится о противоречивой ситуации в целевых и ценностных ориентациях современной молодежи [6].

Особое влияние общественные трансформации оказывают в первую очередь на систему ценностных ориентаций молодого поколения. Так, в работе Е. П. Савруцкой проведенный мониторинг ценностных ориентаций молодежи позволил выявить тенденции изменения ценностей и приоритетов современного молодежного массового сознания, одной из негативной в ряду которых становится рост межнациональной напряженности [15]. О. В. Закревская также считает, что формирование ценностных ориентиров происходит на протяжении всей жизни человека, но наиболее системно, последовательно и глубоко проявляется в период взросления [5]. И поэтому период становления личности в молодом возрасте очень важен в плане его ценностно-нормативной ориентации, в случае негативного развития приводя к направленности на девиантное поведение.

В целом ценность — это комплексное понятие, разрабатываемое в философии, социологии, психологии, педагогике и других гуманитарных дисциплинах. Понятие ценностей используется для обозначения объектов и явлений, выступающих как значимые в жизнедеятельности человека и общества, определяя направленность мировоззрения человека и входя в структуру личности посредством системы ценностных ориентаций. Изучению проблемы ценностных ориентаций личности посвящены труды К. А. Альбухановой-Славской, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и др. Теоретические основы формирования ценностных ориентаций личности исследованы в работах О. Г. Дробницкого, А. Г. Здравомыслова, В. П. Тугаринова и др.

Сушко В. А., проанализировав теоретические подходы к исследованию ценностных ориентаций Н. А. Бердяева, Н. Ф. Сержантова, Я. Гудечек, М. Рокича, Д. А. Леонтьева, Э. Шпрангера, С. С. Бубновой, приходит к определению ценности как положительной или отрицательной значимости явлений социального мира для человека, которые определяют фундаментальные основы его существования (материальные и духовные). Критерии и способы оценки этой значимости получают выражение в нормативных представлениях, идеалах, установках, целях [17]. Но самое главное, что В. А. Сушко было акцентировано внимание на дифференцированном подходе к формированию ценностей, одним из примеров которых стала система, предложенная А. В. Рябовым и Е. Ш. Курбангалеевой, определившими ряд «мужских» и «женских» ценностей. В частности, в число «мужских» ценностей по результатам их исследования попали законность, могущество, независимость, природа, профессионализм, равенство, родина, свобода, сотрудничество, труд, убеждения и удовольствие. К «женским» оказалось возможным отнести веру, внимание к людям, здоровье, милосердие, мир, надежду, образование, покой, порядочность и семью. Но более интересным в рамках данного исследования является выделение ценностей, которые можно было бы отнести к «молодежным» группам: дружба, известность, любовь, могущество, независимость, образование, профессионализм, развитие, свобода, смысл жизни, сотрудничество, удовольствие и успех. И в этом плане В. А. Сушко отмечается

столкновение доминирующих ценностей молодежи в отсутствие благоприятных условий для их существования. У молодежи не формируется устойчивая система ценностей, отвечающая перспективе развития общества. Стираются рамки между тем, что хорошо, а что плохо [17].

Данное положение также выражается во множестве работ современных ученых. Т. В. Васильева полагает, что ценностные ориентации являются результатом внутреннего и внешнего взаимодействия в процессе развития личности и представляют собой субъективное отражение объективного мира в сознании конкретного индивида. Ценностные ориентации представляют собой общечеловеческие позиции, в соответствии с которыми строится поведение индивида в различных жизненных ситуациях. Они обозначают фундамент, определяющий качество жизни молодого человека [4]. Система ценностных ориентаций является важнейшим компонентом структуры личности, так как в ней концентрируется весь жизненный опыт, накопленный личностью в ходе ее индивидуального развития, и в этом плане она выполняет роль регулятора поведения молодого человека. Ф. С. Кудзиева в своей работе приходит к выводу, что изменение ценностных ориентаций под воздействием семьи и современных социокультурных условий обусловливает трансформацию старых и формирование новых ценностных ориентаций, содействуя в достижении молодежью формирующихся у нее своих новых целей [8].

И, конечно, положения концепции В. А. Ядова, в которых развивается идея о том, что ценностные ориентации, в основе которых лежит система ценностей, являясь одним из центральных личностных новообразований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его деятельности. Система ценностей напрямую связана с направленностью личности, определяет ее содержательную сторону и составляет основу мировоззрения человека, его взглядов на окружающий мир, отношений к другим людям, к себе, ядро мотивации. Ценностные ориентации, сформированные в юношеском возрасте на основе сложившейся у молодых людей системы ценностей, определяют особенности и характер отношений личности с окружающей действительностью и тем самым детерминируют поведение [21].

Таким образом, проблема изучения ценностно-мотивационной сферы личности молодежи в современных социально-экономических условиях России становится особо значимой ввиду ее прямой связи с поведением молодого человека и его проявлением в деятельности. Очень важно, чтобы ценностно-мотивационная система личности современной молодежи приобретала нормативный характер. И в этом плане продуктивной видится разработка методов формирования системы ценностных ориентаций молодежи, направленных не на девиантное, а на нормативное поведение, что согласуется с нашим предыдущим исследованием [12].

Актуальность проблемы девиантного поведения отражается в росте числа современных исследований, посвященных данной теме, в совокупности которых можно выделить работы фундаментального уровня и публикации, имеющие более прикладной характер. Если изучать проблему на более основательном уровне, то прежде всего стоит отметить статью Г. В. Апинян, где рассматриваются сущностные основы девиантного поведения, направленного на дезорганизацию общества, во взаимосвязи с социальными нормами, предопределяющими социальную организованность. Такой взгляд понятен, поскольку девиантное поведение определяется прежде всего социальными нормами. Далее Г. В. Апинян развивает эту мысль [1], указывая на то, что в образовании и оценке девиантности важную роль играет не столько психолого-социальная аномалия, сколько контекст, выступающий в данном случае в форме культуры, тем самым расширяя границы проблемы девиантного поведения. И хотя с такой постановкой проблемы нельзя не согласиться, в рамках нашей работы будем придерживаться социально-психологического взгляда на проблему, при этом периодически обращаясь к культурологическому аспекту. Оставаясь в рамках социальной проблематики, исследователь М. П. Бережная [3] указывает на двойственное значение девиантного поведения для общества — с одной стороны, которое носит дисфункциональный характер, но, с другой, имеет и конструктивное начало. При этом автор обоснованно утверждает, что девиантное поведение является выражением социальных проблем и вместе с этим выступает причиной, порождающей социальные проблемы. В этом же плане М. П. Бережная, рассматривая девиантное поведение и творчество как формы выхода из ситуации социально-нравственного отчуждения, приходит к выводу, что в ситуации личностной неопределенности возможен уход в творческую активность как противовес уходу в различные формы девиаций [3].

С учетом разнообразия взглядов необходимо прояснение некоторых понятий, связанных с проблемой девиантного поведения. Так, исследуя соотношение понятий «девиация», «девиантность», «девиантное поведение», Г. В. Апинян считает, что понятие «девиация» следует рассматривать как категорию, т. е. наиболее общее понятие, фиксирующее собственно феномен, термином «девиантность» обозначать состояние субъекта девиации, а термином «девиантное поведение» — поведенческое проявление [1]. В свою очередь С. Н. Бегидова, М. Э. Паатова, Н. Х. Хакунов делают вывод о том, что общим знаменателем для понимания феномена девиантного поведения выступает ущерб, вред, наносимый подобным поведением группе лиц или обществу [2], что вступает в противоречие с правовыми нормами. Проводя анализ девиантного и делинквентного поведения подростков как социально-педагогических феноменов, С. Н. Бегидова, М. Э. Паатова, Н. Х. Хакунов отмечают, что под девиантным поведением понимают социальную дезадаптацию пассивного типа, а под делинквентным поведением — социальную дезадаптацию агрессивно-корыстного типа [2]. В ходе анализа психологического содержания явления девиантного поведения делается вывод о сложной взаимосвязи позитивных и негативных форм девиантного поведения с особенностями личности, выражающихся в нарушении социальных норм [2].

Таким образом, можно заметить, что разнообразие взглядов на определение девиантного поведения и соотношение этого понятия с близкими по смыслу имеют все-таки дисциплинарную специфику. Для юридического аспекта более характерно соотносить проявление девиантного поведения с правовыми нормами, педагогический взгляд делает больший акцент на проявление социальной дезадаптации, психологический и социологический подходы более связаны с отношениями с социальными нормами и личностными особенностями. Поэтому, чтобы прояснить роль социально-психологического подхода, необходимо рассмотреть специфику девиантного поведения как предмета близких по смыслу гуманитарных подходов.

Учитывая, что девиантное поведение — это комплексная социальная проблема, стоит отметить прежде всего социологический взгляд, рассматривающий отклоняющееся поведение как препятствие социальной стабильности и в этом плане предлагающий изучение конкретных проявлений феномена и разработку социальных технологий его нивелирования. Подобная мысль развивается в работе С. О. Ларионовой, исследующей девиантное поведение современной молодежи как проявление социальной аномии, указывающее на роль развития здорового образа мышления, системы ценностей в преодолении негативных последствий социальной аномии [10]. Рассматривая девиантное поведение подростков в более широком, социально-культурном аспекте, С. О. Ларионова отмечает важность культурно-досугового пространства в формировании девиантного поведения и необходимость разработки социально-педагогических технологий в данном направлении [10]. Такой ракурс обращает внимание на педагогический аспект изучения девиантного поведения, богатый своими разработками в данной сфере. С. О. Ларионова считает, что девиантное поведение — результат неблагоприятного становления и социализации личности, в результате которого человек вступает в противоречие с ценностно-нормативной системой общества [10]. И это открывает путь к рассмотрению девиантного поведения как проблемы воспитания, что показано в работе С. О. Ларионовой, где анализируется девиантное поведение подростков как проблема школьного воспитания и делается вывод о необходимости развития способов коррекции отклонений в поведении [10].

Учитывая нарушение различными формами девиантного поведения не только социальных, но и правовых норм, также важное место в анализе феномена отклоняющегося поведения занимает криминологический подход. Его особенностью является уклон на изучение роли мотива в совершении преступления. Так, С. О. Ларионова считает основополагающим выяснение действительного мотива совершения преступления, хотя и указывает на его взаимосвязь с нравственной деформацией личности [10]. Это выражается и в психологическом аспекте, в котором девиантное поведение рассматривается как результат принятия человеком решения о девиантном поступке, что детерминировано особенностями личности. А социально-психологический аспект дополняет эту схему влиянием внешних социальных факторов, определивших личностное решение и проявление девиации в поведении.

Из сказанного можно видеть определенную общность различных подходов. Так, и социологический, и педагогический, и психологический аспекты указывают на взаимодействие социальной среды и личности человека в формировании девиантного поведения, делая акцент на изучение причин и факторов, вызывающих отклоне-

ния в поведении. Обобщая указанные подходы, стоит отметить направленность на разработку средств профилактики и коррекции негативных форм девиантного поведения и учитывать важность подросткового и молодого возраста в формировании девиантного поведения.

Положение о важности изучения особенностей формирования личности человека молодого возраста раскрывается практически во всех работах, связанных с феноменом девиантного поведения. Так, И. В. Леонова считает, что подростковые индивидуально-психологические свойства могут быть катализаторами развития отклоняющегося поведения, хотя они и не фатальны [11]. Она видит основной причиной отклоняющегося поведения подростков состояние дезадаптации, вызванной нарушениями в отношениях подростка с окружающими [11]. Источником формирования отклонений в поведении И. В. Леонова считает несоответствие уровня притязаний подростка оценке его окружающими [11].

Еще одной особенностью, характерной для молодежи, выступает причастность к той или иной субкультуре. И хотя, согласно исследованию М. Г. Чухровой, А. С. Чухрова, А. В. Пивоварова, Т. Г. Орловой, Д. И. Сафина [19], субкультура не определяет совершение девиантных поступков, однако особенности самой субкультуры могут выступать девиантно-образующим фактором.

Одним из основных факторов формирования девиантного поведения, выделяемого исследователями, выступает семейное неблагополучие. О. А. Старцева считает педагогическую некомпетентность семьи одним из факторов формирования девиаций в поведении молодого человека и, как следствие, нравственной деформации личности [16]. В работе О. А. Старцевой подчеркивается, что в ситуации семейного неблагополучия и, следовательно, нарушения процесса социализации оказывается фрустрированным целый ряд социальных потребностей подростков из неблагополучных семей, что актуализирует психологическую готовность к проявлению различных форм девиантного поведения [16]. В этом плане другим важным фактором, определяющим проявление девиаций в поведении, выступает нарушение процесса социализации. Так, в работе О. А. Старцевой делается вывод о девиантном поведении в молодежной среде как следствии отклоняющейся социализации и десоциализационного процесса [16].

Таким образом, исходя из предыдущего анализа, возникает необходимость в проведении системного анализа личностных, социально-психологических и психолого-педагогических факторов, обусловливающих социальные отклонения в поведении молодежи, с учетом которых должна строиться и осуществляться воспитательно-профилактическая работа по предупреждению этих отклонений. Такое положение о профилактическом подходе к решению проблем, связанных с девиантным поведением молодежи, развивается в работах Е. С. Ткаченко, А. Л. Посашковой [18].

Однако наряду с профилактическими мерами стоит отметить важность коррекционных воздействий на молодого человека с целью нивелирования девиантного поведения. В этом плане ведущую роль играет социально-психологический аспект. Как уже было отмечено, социально-психологический подход рассматривает девиантное поведение во взаимосвязи личностных и социальных факторов. В этом механизме проявления девиаций в поведении социальная среда выступает провоцирующим фактором, однако именно личность молодого человека с ее характерными чертами (предрасположенностями) реализует потенциал к тому или иному действию. И это объясняет наибольшую эффективность средств социально-психологической коррекции в изменении поведения человека с отклоняющегося на нормативное и посредством этого влияние на всю систему социальных отношений молодого человека. Например, эффективность таких психологических средств коррекции, как арт-терапия и сказкотерапия, рассматривается в работе Н. Е. Кузьминой [9].

Одним из эффективных методов социально-психологического воздействия на направленность личности общепризнан социально-психологический тренинг, направленный на личностный рост. Позитивное влияние социально-психологического тренинга рассматривается во множестве научных работ. Так, М. С. Яницкий считает, что «тренинговая группа, создавая условия интенсивного переживания тех или иных событий и производя в сжатые сроки опыт реальной жизни, представляет собой достаточно адекватную модель личностного развития» [22, с. 89]. Это положение подтверждается и эмпирическими исследованиями. В проведенном М. С. Яницким экспериментальном исследовании динамики ценностных ориентаций под воздействием социально-психологического тренинга были выявлены определенные изменения в ценностной иерархии испытуемых. В результате проведенного тренинга в число значимых переместились ценности внутренней свободы, независимости и решительности в реализации соб-

ственных действий [22]. Положение об эффективности социально-психологического тренинга в формировании направленности личности подростка подтверждается и в современных исследованиях. Так, в работах Е. И. Пустобаевой, Т. В. Савиновой теоретически обосновывается и экспериментально доказывается, что социально-психологический тренинг является эффективным средством формирования у подростков позитивной направленности личности [14]. Одновременно стоит отметить недостаток исследований, связанных с экспериментальным изучением воздействия именно социально-психологической коррекции на девиантное поведение молодежи. Здесь необходима комплексная разработка программ социально-психологической коррекции у молодежи и ее экспериментальная проверка.

Данная проблематика определила направление эмпирического исследования. С учетом вышесказанного нами была выдвинута следующая гипотеза: оказание социально-психологического воздействия на ценностно-мотивационную сферу личности подростка приводит к изменению системы ценностей и переориентации поведения с девиантной направленности на нормативную. Указанная проблематика и гипотеза в свою очередь определили поставленные перед нашим исследованием задачи:

1. Провести эмпирическое исследование системы ценностно-мотивационных доменов личности и уровня склонности к девиантному поведению у молодежи.

2. Осуществить экспериментальное исследование внедрения программы социально-психологической коррекции девиантного поведения, направленной на ценностно-мотивационное развитие личности молодежи.

3. Подготовить сравнительный анализ у контрольной и экспериментальной выборок у юношей и девушек уровня склонности к девиантному поведению до и после проведения социально-психологической коррекции.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ

В качестве программы ценностно-мотивационного развития личности подростка авторами статьи в экспериментальном исследовании была использована авторская программа, составленная на основе разработок В. А. Климчука [7]. В эмпирическом исследовании были использованы ценностный опросник С. Шварца, ориентированный на измерение мотивационных доменов, определяющих наиболее значимые ценностные ориентиры жизнедеятельности человека [20], и методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор А. Н. Орел), являющаяся стандартизированным тест-опросником, предназначенным для измерения склонности подростков к реализации различных форм девиантного поведения [20].

Экспериментальное исследование было проведено на базе Детской гуманитарной академии Педагогического лицея г. Димитровграда Ульяновской области и Димитровградского инженерно-технологического института в 2015 и 2016 гг. В эксперименте приняли участие 60 школьников в возрасте 14—16 лет (30 юношей и 30 девушек), а также 80 студентов в возрасте 18—20 лет (40 юношей и 40 девушек). Основным критерием разделения испытуемых на выборки было принятие участия в программе социально-психологической коррекции. В сформированных таким образом выборках проводился сравнительный анализ систем ценностей и склонности к различным формам девиантного поведения, определяемых на основании ценностного опросника и методики определения склонности к отклоняющемуся поведению.

Литература

1. Апинян Г. В. Девиантное поведение как культурно-исторический феномен (введение в проблему) / Г. В. Апинян // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2009. — № 115. — С. 171—174.
2. Бегидова С. Н. Теоретико-методологический анализ социально-педагогических феноменов «девиантное поведение» и «делинквентное поведение» подростков / С. Н. Бегидова, М. Э. Паатова, Н. Х. Хакунов // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 3. Педагогика и психология. — 2012. — № 1. — С. 96—104.
3. Бережная М. П. Девиантное поведение и творчество как формы выхода из ситуаций социально-нравственного отчуждения / М. П. Бережная // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 5-1. — С. 24—26.
4. Васильева Т. В. Проблема формирования ценностных ориентаций студентов / Т. В. Васильева // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. — 2014. — Т. 2, № 2(58). — С. 87—91.
5. Закревская О. В. Особенности ценностных ориентаций старших подростков / О. В. Закревская // Система ценностей современного общества. — 2013. — № 29. — С. 97—103.
6. Иваненков С. П. Ценностные и социальные ориентиры молодежи Оренбургской области / С. П. Иваненков, А. Ж. Кусжанова // Учен. зап. С.-Петерб. ин-та психологии и социальной работы. — 2014. — Т. 21, № 1. — С. 53—58.
7. Климчук В. А. Тренинг внутренней мотивации / В. А. Климчук. — СПб. : Речь, 2005. — 76 с.

8. Кудзиева Ф. С. Механизмы становления ценностных ориентаций подрастающего поколения в условиях трансформации семьи / Ф. С. Кудзиева // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Социология. Политология. — 2014. — Т. 14, № 2. — С. 61—65.
9. Кузьмина Н. Е. Эффективность психологических средств коррекции личностных качеств, определяющих девиантное поведение подростков / Н. Е. Кузьмина // Учен. зап. Забайкальского гос. ун-та. Сер. Педагогика и психология. — 2009. — № 5. — С. 120—127.
10. Ларионова С. О. Девиантное поведение как научно-педагогическая проблема / С. О. Ларионова // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 1-1. — С. 90—94.
11. Леонова И. В. Девиантное поведение виктимных детей, его причины и особенности / И. В. Леонова // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 4. — С. 189—192.
12. Ощепков А. А. Особенности психосемантического пространства самосознания личности подростков, склонных к суицидальному поведению / А. А. Ощепков // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Психологические науки. — 2013. — № 4. — С. 86—92.
13. Сабирова К. М. К проблеме формирования ценностных ориентаций детей-сирот в условиях детского дома / К. М. Сабирова, Н. В. Техтелева // Вестн. Самарского муниципального ин-та управления. — 2014. — № 3(30). — С. 169—175.
14. Савинова Т. В. Развитие ценностных ориентаций подростков в процессе тренинга / Т. В. Савинова, Е. И. Пустобаева // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки. — М. : МЦНО, 2015. — № 4. — С. 111—118.
15. Савруцкая Е. П. Динамика ценностных ориентаций молодежи: межэтнический аспект / Е. П. Савруцкая, С. В. Устинкин // Власть. — 2014. — № 10. — С. 123—128.
16. Старцева О. А. Педагогическая культура семьи и девиантное поведение / О. А. Старцева // Человек. Культура. Образование. — 2012. — № 3. — С. 167—174.
17. Сушко В. А. Теоретические подходы к исследованию ценностных ориентаций современной молодежи / В. А. Сушко // Актуальные вопросы современной науки. — 2014. — № 31. — С. 128—137.
18. Ткаченко Е. С. Девиантное поведение несовершеннолетних: причины возникновения и профилактика / Е. С. Ткаченко, А. Л. Посашкова // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. — 2007. — № 1. — С. 202—204.
19. Чухрова М. Г. Девиантное поведение в некоторых молодежных субкультурах / М. Г. Чухрова, А. С. Чухров, А. В. Пивоваров, Т. Г. Орлова, Д. И. Сафин // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 6-2. — С. 291—295.
20. Шапарь В. Б. Практическая психология. Инструментарий / В. Б. Шапарь. — Ростов н/Д. : Феникс, 2005. — 768 с.
21. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / В. А. Ядов. — М. : ЦСПиМ, 2013. — 376 с.
22. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2000. — 204 с.

THE EXPERIMENTAL STUDY OF DYNAMICS OF VALUES-MOTIVATIONAL PERSONALITY'S SPHERE STRUCTURE OF YOUTH, PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR, UNDER INFLUENCE OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL CORRECTION

(PART ONE)*

A. A. Oshchepkov

Dimitrovgrad engineering-technological Institute — branch of National research nuclear university "Moscow engineering-physical Institute" (Dimitrovgrad, Russia)

sladkod@yandex.ru

V. B. Salakhova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

valentina_nauka@mail.ru

S. V. Cynk

Dimitrovgrad engineering-technological Institute — branch of National research nuclear university "Moscow engineering-physical Institute" (Dimitrovgrad, Russia)

stsynk@mail.ru

In the article it is discussed the condition of contemporary Russian society associated with high transformation rate, exhibited on different levels, and projected into human personality. The exceptional significance is taken by the interiorization of modern values system into the values orientations system of youth, performing as a main behavioral regulator and motivator. For this reason, in this work, the conclusions about the necessity of norms-oriented value-motivational sphere of youth's personality forming as a possibility of deviant orientation prevention and correction are substantiated.

Key words: personality, values orientations, motivation, adolescence, youth, deviant behavior.

***** Grant-supported by Presidency № МК-1562.2017.6.

References

1. Apinjan G. V. (2009) Deviantnoe povedenie kak kul'turno-istoricheskij fenomen (vvedenie v problemu) [Deviant behavior as a cultural-historical phenomenon (Introduction to the problem)]. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena, № 115, p. 171—174.
2. Begidova S. N., Paatova M. Je., Hakunov N. H. (2012) Teoretiko-metodologicheskij analiz social'no-pedagogicheskih fenomenov "deviantnoe povedenie" i "delinkventnoe povedenie" podrostkov [Theoretical-methodological analysis of social-pedagogical phenomena "deviant behavior" and "delinquent behavior" of adolescents]. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3. Pedagogika i psihologija, № 1, p. 96—104.
3. Berezhnaja M. P. (2011) Deviantnoe povedenie i tvorchestvo kak formy vyhoda iz situacij social'no-nravstvennogo otchuzhdenija [Deviant behavior and creativity as forms of output out of situation of social-moral alienation]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, № 5-1, p. 24—26.
4. Vasil'eva T. V. (2014) Problema formirovanija cennostnyh orientacij studentov [Problem of forming of students' value orientations]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, № 2(58), Vol. 2, p. 87—91.
5. Zakrevskaja O. V. (2013) Osobennosti cennostnyh orientacij starshih podrostkov [Features of value orientations of junior adolescents]. Sistema cennostej sovremennogo obshhestva, № 29, p. 97—103.
6. Ivanenkov S. P., Kuszhanova A. Zh. (2014) Cennostnye i social'nye orientiry molodezhi Orenburgskoj oblasti [Value and social orientations of youth of Orenburg region]. Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo instituta psihologii i social'noj raboty, № 1, Vol. 21, p. 53—58.
7. Klimchuk V. A. (2005) Trening vnutrennej motivacii [Training of inner motivation]. SPb.: Rech', 76 p.
8. Kudzieva F. S. (2014) Mehanizmy stanovlenija cennostnyh orientacij podrastajushhego pokolenija v uslovijah transformacii sem'i [Mechanisms of forming of value orientations of growing-up generation in conditions of family transformation]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Sociologija. Politologija, Vol. 14, № 2, p. 61—65.
9. Kuz'mina N. E. (2009) Jeffektivnost' psihologicheskih sredstv korrekcii lichnostnyh kachestv, opredeljajushhih deviantnoe povedenie podrostkov [Efficiency of means of correction personality characteristics determining deviant behavior of adolescents]. Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika i psihologija, № 5, p. 120—127.
10. Larionova S. O. (2013) Deviantnoe povedenie kak nauchno-pedagogicheskaja problema [Deviant behavior as scientific-pedagogical problem]. Fundamental'nye issledovanija, № 1-1, p. 90—94.
11. Leonova I. V. (2008) Deviantnoe povedenie viktimnyh detej, ego prichiny i osobennosti [Deviant behavior of victimized children, its causes and features]. Znanie. Ponimanie. Umenie, № 4, p. 189—192.
12. Oshhepkov A. A. (2013) Osobennosti psihosemanticheskogo prostranstva samosoznanija lichnosti podrostkov, sklonnyh k suicidal'nomu povedeniju [Features of psycho-semantic space of personality self-consciousness of adolescents prone to suicide behavior]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Psihologicheskie nauki, № 4, p. 86—92.
13. Sabirova K. M., Tehteleva N. V. (2014) K probleme formirovanija cennostnyh orientacij detej-sirot v uslovijah detskogo doma [To the problem of forming of value orientations of children-orphans in conditions of children's house]. Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravlenija, № 3(30), p. 169—175.
14. Savinova T. V., Pustobaeva E. I. (2015) Razvitie cennostnyh orientacij podrostkov v processe treninga [Development of adolescents value orientations in the process of training]. Molodezhnyj nauchnyj forum: Gumanitarnye nauki, № 4. Moscow: MCNO, p. 111—118.
15. Savruckaja E. P., Ustinkin S. V. (2014) Dinamika cennostnyh orientacij molodezhi: mezhjetnicheskij aspekt [Dynamics of youth value orientations: inter-ethnical aspect]. Vlast', № 10, p. 123—128.
16. Starceva O. A. (2012) Pedagogicheskaja kul'tura sem'i i deviantnoe povedenie [Pedagogical culture of family and deviant behavior]. Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie, № 3, p. 167—174.
17. Sushko V. A. (2014) Teoreticheskie podhody k issledovaniju cennostnyh orientacij sovremennoj molodezhi [Theoretical approaches to study of value orientations of modern youth]. Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki, № 31, p. 128—137.
18. Tkachenko E. S., Posashkova A. L. (2007) Deviantnoe povedenie nesovershennoletnih: prichiny vozniknovenija i profilaktika [Deviant behavior of juvenile: causes of appearance and prevention]. Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. (Bulletin of Vladimir judicial institute), № 1, p. 202—204.
19. Chuhrova M. G., Chuhrov A. S., Pivovarov A. V., Orlova T. G., Safin D. I. (2011) Deviantnoe povedenie v nekotoryh molodezhnyh subkul'turah [Deviant behavior in some youthful sub-cultures]. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija, № 6-2, p. 291—295.
20. Shapar' V. B. (2005) Prakticheskaja psihologija. Instrumentarij [Applied psychology. Instrumentation]. Rostov n/D.: Feniks, 768 p.
21. Jadov V. A. (2013) Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti: Dispozicionnaja koncepcija [Self-regulation and prediction of social behavior of personality: Dispositional conception]. Moscow: CSPiM, 376 p.
22. Janickij M. S. (2000) Cennostnye orientacii lichnosti kak dinamicheskaja sistema [Value orientations of personality as a dynamic system]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 204 p.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ДОЛЖНОСТИ «АДМИНИСТРАТОР» В СЕГМЕНТЕ HORECA

Е. Е. Войлокова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород, Россия)
evoilokova@hse.ru

Е. А. Припорова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород, Россия)
epriporova@hse.ru

В статье обсуждается роль модели компетентностей в организации и основные области ее применения. Проведена дифференциация понятий «компетентность» и «компетенция». В статье обоснована актуальность научного подхода к использованию модели компетентностей в практике современных компаний. Сформулированы основные требования к модели компетентностей, а также обозначены особенности, которые необходимо учитывать при ее создании. Основное содержание статьи составляет описание разработки модели компетентностей для Нижегородской сети, предоставляющей услуги общественного питания, на примере должности «администратор». В качестве методологической основы авторами была выбрана методика создания модели компетентностей «Центра кадровых технологий — 21 век». Основными методами сбора данных являлись анализ документов, интервью и экспертная оценка. В работе описаны четыре этапа проведения исследования: сбор и анализ документов компании, формирование модели компетентностей для должности «администратор», верификация разработанной модели компетентностей. Результатом исследования стала модель компетентностей для должности «администратор» сети ресторанов, представленная детальным описанием профессиональных, организационных, управленческих, индивидуально-личностных компетентностей. Приведен пример формирования балльного профиля для компетентности «системное мышление» с описанием конкретных показателей проявления данной компетентности в профессиональной деятельности администратора.

Ключевые слова: компетенции, компетентность, модель компетентностей, ресторанный бизнес, должность «администратор».

В современной теории и практике управления человеческими ресурсами значительное место отводится модели компетентностей (ее разработке, внедрению и использованию), которая лежит в основе отбора, оценки, обучения и развития сотрудников, учитывается при построении системы оплаты труда [6]. Другими словами, модель компетентностей является стержнем, объединяющим основные процессы управления человеческими ресурсами в организации. Количество компаний, которые создают и внедряют модель компетентностей в своих организациях, с каждым годом растет. Так, исследование, проведенное ГК «Институт Тренинга АРБ-Про» в 2015 году, показало, что 78,7 % компаний имеют разработанную модель компетенций по сравнению с 63 % в 2011 году, при этом 56,2 % компаний отметили, что модель не требует доработок по отношению к 22,5 % в 2011 году [7].

При этом мировые и российские исследования практик использования моделей компетенций показывают, что действующие модели зачастую (в 70 % случаев) не соответствуют реальным профилям успеха в компаниях [10]. Од-

ной из причин сложившейся ситуации является существующее множество методологических подходов к определению и созданию модели компетентностей, среди которого компании порой сложно определиться с наиболее релевантным для нее содержанием, а также «кривизна» в реализации того или иного подхода, когда компании пытаются упростить трудоемкую процедуру создания модели, получая на выходе малоэффективный инструмент [4, 9]. Исследование Talant Code в 2016 году показало, что 65 % компаний создают модель компетенций только методом экспертного анализа интервью с менеджерами [10]. При создании «работающей» модели компетентностей необходимо, как минимум, придерживаться научно обоснованной парадигмы. В связи с этим обратимся к ключевым понятиям в компетентностном подходе и некоторым методологическим концепциям разработки модели компетентностей.

Среди разнообразия подходов и, соответственно, трактовок понимания понятий «компетентность» и «компетенция» тем не менее можно выделить наиболее часто разделяемую позицию среди специалистов, в том числе Т. Ю. Базаровым, который определяет *компетентность* как «совокупность ряда личностных характеристик, свойств, способностей, навыков и особенностей мотивации, которыми должен обладать человек для успешной работы в рамках заданных компетенций (типов задач) конкретной должности или компании в целом» [1, с. 15], а *компетенции* как «требования успешной деятельности, сформулированные в терминах интегральных качеств индивидуального или коллективного субъекта» [1, с. 14]. Как правило, компетенции включают в себя знания, профессиональные навыки и индивидуально-личностные характеристики, необходимые для успешного выполнения работы.

Компетентность при такой интерпретации является понятием, относящимся к человеку, к аспектам его поведения, стоящим за компетентным выполнением работы, а *компетенция* — понятие, относящееся к работе, к сфере профессиональной деятельности, в которой человек компетентен. В завершение понятийного ряда отметим, что *модель компетентностей*, на основе вышесказанного, представляет собой набор компетентностей с конкретными показателями их проявлений в профессиональной деятельности, необходимых для успешного выполнения данной работы в определенной организации, и включает в себя знания, умения, навыки и индивидуально-личностные характеристики.

Как не существует единого подхода к толкованию ключевых понятий в компетентностном подходе, так и нет единой методологической базы, которая используется при создании модели компетентностей [5]. Приведем некоторые примеры.

Технология МИКРИС (Методы извлечения критериев распознавания и сопоставления, автор Ерофеев А. К. [3]) представляет собой последовательность семи этапов: анализ работы, выделение четырех критериальных групп, извлечение поведенческих примеров, разработка рейтинговых оценочных шкал, выбор методов поэтапного оценивания, валидизационное (пилотное) исследование, обучение пользователей.

Методика создания модели компетентностей по версии «ЦКТ — 21 век» (автор Базаров Т. Ю.) включает в себя четыре звена: сбор документов, анализ собранных документов, формирование модели для должности, верификация модели качественными методами [2].

Методика DEEP (Data-Enabled Employee Profile) — профиль сотрудника на основе данных, подход по созданию модели компетенций, предлагаемый консалтинговой компанией «ЭКОПСИ Консалтинг», состоит из четырех шагов: подготовка исследования, сбор данных, выделение и кластеризация значимых индикаторов, формирование модели [10].

Какую бы технологию компания не выделила для себя в качестве приоритетной (на основе специфики стоящих перед организацией задач и ее особенностей), содержание модели компетентностей должно отвечать следующим требованиям [8]:

1. Соответствие модели стратегическим целям компании.

2. Максимальная конкретика. Важно, чтобы определения компетентностей были понятны, однозначны и в них отсутствовали сложные и неоднозначно понимаемые термины. Все компетентности должны оцениваться по единой шкале. Шкала оценки может варьироваться от 3 до 10 баллов или градаций.

3. Наличие приоритетов (необходимые компетентности, желательные, иногда обозначаются недопустимые).

4. Простота, ясность и прозрачность модели (рекомендуется выделять не более 12 компетентностей, модель должна иметь простую структуру и быть понятной, логичной).

5. Отсутствие дублирования компетентностей (компетентности и индикаторы поведения должны содержаться только в одном фрагменте модели. Одни и те же компетентности не долж-

ны включаться в несколько кластеров, а индикаторы поведения не должны относиться к нескольким компетентностям, т. е. каждая компетентность должна быть «независимой»).

6. Измеряемость компетентностей (возможность измерения выбранного критерия).

В данной работе мы опишем вариант создания модели компетентностей для Нижегородской сети, предоставляющей услуги общественного питания (название компании не сообщается по этическим соображениям) на примере должности «администратор». В качестве методологической основы мы выбрали методику создания модели компетентностей Т. Ю. Базарова, которая используется «ЦКТ — 21 век» уже более 20 лет.

Организация, для которой разрабатывалась модель компетентностей, является активно развивающейся сетью на рынке услуг общественного питания Нижегородской области и представлена в регионе 39 проектами (кафе, рестораны, клубы, бары). Несмотря на сеть разноплановых проектов, где все кафе, рестораны, бары и клубы уникальны и имеют свою целевую аудиторию, функционал и полномочия должности «администратор» схожи во всех заведениях компании.

Согласно технологии создания модели компетентностей по версии «ЦКТ — 21 век», *на первом этапе* необходимо осуществить сбор документов, таких как положение о деятельности компании, отдела, должностные инструкции, квартальные отчеты и пр. Данные документы необходимы для понимания целей, задач и обязанностей сотрудника на данной должности.

Результатом первого этапа стало:

1. Прояснение стратегической цели компании, которая сформулирована следующим образом — занять лидирующие позиции в сегменте ресторанов "casual dining" в Нижнем Новгороде, создав команду единомышленников и получая удовольствие от работы.

2. Получение от компании основного функционала, а также фотографии рабочего дня администратора.

Этап 2. Анализ документов.

Суть второго этапа заключается в проведении качественно-количественного анализа документов, которые были собраны на первом этапе. Результатом данного шага является выделение специфических групп задач деятельности и их составляющих.

Предоставленный на первом этапе функционал должности «администратор» был уточнен с помощью проведенного интервью с экспертами — представителями компании. В результате весь функционал администратора был разделен на шесть блоков (зал, документация, персонал, гости, меню, хозяйственные операции).

Функционал администратора (классификация задач).

Зал

- Открытие и закрытие ресторана.
- Проверка чистоты помещений, музыкального оформления, освещения, технического состояния оборудования.
- Передача смены (подготовка зала для другой смены, сверка с чек-листом).
- Закрытие смены (постановка на сигнализацию, выполнение требований чек-листа).
- Мониторинг состояния электричества, канализации, водоснабжения на наличие проблем.
- Контроль над материальными ценностями.

Документация

- Передача смены (заполнение журнала передачи смены).
- Ведение учетной и отчетной документации (кассовый журнал, кассовая книга, медицинские книжки персонала и т. д.).

Персонал

- Проведение первичного телефонного собеседования с кандидатами.
- Организация стажировок для новых сотрудников.
- Поддерживающее обучение для действующих сотрудников и проведение мини-аттестаций.
- Проведение ежедневных собраний и постановка задач на день официантам.
- Распределение по зонам ответственности официантов.
- Согласование, организация и проведение мероприятий по нематериальной мотивации.
- Предотвращение конфликтных ситуаций между сотрудниками и их решение в случае возникновения.

Гости

- Рассадка гостей.
- Сбор обратной связи от гостей.
- Поддержание контакта с постоянными гостями.
- Предотвращение конфликтных ситуаций с гостями и их решение в случае возникновения.

Меню

- Контроль отдачи блюд (сроки, подача, соответствие ТТК).
- Дегустация меню бизнес-ланча и основного меню.
- Запрос и выдача стоп- и старт-листов официантам.

Хозяйственные операции (хоз. операции)

- Заказ и прием товара.
- Выдача и контроль хозяйственных средств.

Сравнивая количество задач в каждом блоке (табл. 1), можно сказать, что большая их часть приходится на работу с персоналом и залом, умеренную позицию занимают блоки задачи, связанные с гостями и меню, наименьшая представленность задач обнаружена в блоках «хоз. операции» и «документация».

Таблица 1

Ранжирование задач по частоте упоминания

Блок задач	Частота упоминания, %	Итоговый ранг
Персонал	29,2	1
Гости	16,7	3
Зал	25	2
Меню	12,5	4
Документация	8,3	5
Хозяйственные операции	8,3	5

Результаты анализа фотографии рабочего дня приведены в таблице 2.

Таблица 2

Ранжирование задач по временным затратам в течение дня

Блок задач	Относительный показатель временных затрат, %	Итоговый ранг
Персонал	35	1
Гости	20	3
Зал	25	2
Меню	4	6
Документация	9	4
Хозяйственные операции	7	5

Расчет итоговой иерархии задач приводится в таблице 3.

Результатом второго этапа стало структурирование функционала должности «администратор»: определение основных блоков задач в деятельности администратора и специфических функций в каждом из них, а также ранжирование выделенных задач по приоритетности (учитывалось количество задач в каждом блоке и временные затраты на их реализацию).

Таблица 3

Итоговая иерархия задач для должности «администратор»

Блок задач	Ранг по частоте упоминания	Ранг по временным затратам	Среднее значение двух рангов	Итоговый ранг
Персонал	1	1	1	1
Гости	3	3	3	3
Зал	2	2	2	2
Меню	4	6	5	5
Документация	5	4	4,5	4—5
Хозяйственные операции	5	5	5	5

Этап 3. Формирование модели компетентностей для должности «администратор».

На данном этапе осуществляется переход от анализа задач деятельности (компетенций) к анализу психологической составляющей их выполнения, а именно к компетентностям (табл. 4). На третьем этапе были выделены профессиональные и личностно-деловые качества (т. е. знания, способности, умения и навыки), необходимые для успешного выполнения выделенных блоков профессиональных задач.

Выделение компетентностей происходило с помощью экспертной оценки. При распределении компетентностей по блокам мы руководствовались классификацией [8], в которой выделяются:

— профессиональные компетентности — знания, умения и навыки, необходимые для эффективного выполнения работы на конкретной позиции;

— организационные, или корпоративные компетентности — наиболее широкие по масштабу, так как присущи всем должностям компании, находящимся на всех уровнях организационной структуры;

— управленческие компетентности — необходимы для выполнения управленческих обязанностей руководителей;

— индивидуально-личностные компетентности — представляют собой набор личностных характеристик и способностей, а также ценностей и мотивов.

В таблице 5 предложен краткий и более наглядный вариант выделенных компетентностей, необходимых для успешного выполнения профессиональных задач на позиции администратора.

Таблица 4

Схема перевода задач администратора в компетентности

Подкатегория задач	Задачи администратора	Блоки компетентностей	Компетентности
Персонал	• Организация стажировок для новых сотрудников. • Поддерживающее обучение для действующих сотрудников и проведение мини-аттестаций. • Проведение ежедневных собраний и постановка задач на день официантам. • Распределение официантов по зонам ответственности. • Предотвращение конфликтных ситуаций между сотрудниками и их решение в случае возникновения	Профессиональные	Умение предотвращать и решать конфликты
		Управленческие	Организация. Планирование. Мотивирование. Контроль
		Индивидуально-личностные	Эффективные коммуникации. Стрессоустойчивость. Системное мышление. Неконфликтность. Ориентация на работу в команде. Ориентация на профессиональное и карьерное развитие
		Организационные	Ответственность. Адаптивность
Гости	• Поддержание контакта с постоянными гостями. • Предотвращение конфликтных ситуаций с гостями и их решение в случае возникновения	Профессиональные	Умение предотвращать и решать конфликты
		Индивидуально-личностные	Эффективные коммуникации. Стрессоустойчивость. Внимательность. Неконфликтность
Зал	• Открытие и закрытие ресторана. • Проверка чистоты помещений, музыкального оформления, освещения, технического состояния оборудования. • Передача смены (подготовка зала для другой смены, сверка с чек-листом). • Закрытие смены (постановка на сигнализацию, выполнение требований чек-листа). • Мониторинг состояния электричества, канализации, водоснабжения на наличие проблем. • Контроль за материальными ценностями	Индивидуально-личностные	Внимательность. Ответственность
Документация	• Передача смены (заполнение журнала передачи смены). • Ведение учетной и отчетной документации (кассовый журнал, кассовая книга, медкнижки персонала и т. д.)	Индивидуально-личностные	Ответственность. Внимательность
Меню	• Контроль отдачи блюд (сроки, подача, соответствие ТТК). • Дегустация меню бизнес-ланча и основного меню. • Запрос и выдача стоп- и старт-листов официантам	Профессиональные	Знание стандартов оформления, подачи блюд
Хозяйственные операции	• Заказ и прием товара. • Выдача и контроль хозяйственных средств	Индивидуально-личностные	Внимательность

Таблица 5

Компетентности администратора

Профессиональные	Организационные
Умение предотвращать и решать конфликты — обязательно. *Знание стандартов оформления, подачи блюд* — желательно	***Ответственность*** — обязательно. ***Адаптивность*** — обязательно
Управленческие	**Индивидуально-личностные**
Организация — обязательно. ***Планирование*** — обязательно. ***Мотивирование*** — обязательно. ***Контроль*** — обязательно	***Эффективные коммуникации*** — обязательно. ***Стрессоустойчивость*** — обязательно. ***Неконфликтность*** — обязательно. ***Системное мышление*** — обязательно. ***Ориентация на работу в команде*** — обязательно. *Внимательность* — желательно. *Ориентация на профессиональное и карьерное развитие* — желательно

Ниже приведена расшифровка компетентностей.

Профессиональные компетентности

Умение предотвращать и решать конфликты — навык не допустить, предугадать причину будущего конфликта и/или найти конструктивное решение.

Знание стандартов оформления, подачи блюд — четкое представление о правилах оформления и подачи блюда по ТТК, знание вкусовых характеристик и требований к качеству сырья.

Управленческие компетентности

Планирование — способность устанавливать приоритеты, продумывать ход реализации поставленной цели, четко и ясно описывать шаги и последовательность действий; умение анализировать имеющиеся ресурсы и распределять их наиболее эффективно для достижения цели.

Организация деятельности — умение эффективно организовать взаимодействие рабочей группы; умение ставить конкретные цели и задачи, формулировать критерии достижения результата для сотрудников, распределять обязанности и координировать работу группы.

Мотивация — знание инструментов материальной и нематериальной мотивации и умение их использовать, побуждая, направляя и поддерживая поведение человека в направлении достижения определенной цели.

Контроль — умение оценить соответствие параметров поставленной задачи и полученного результата, способность определить точки промежуточного контроля на пути к глобальной цели.

Организационные компетентности

Адаптивность — готовность и способность изменяться, менять стиль и способы поведения, принимать на себя различные роли в соответствии с требованиями новой ситуации. Способность сохранять уверенность в ситуации неопределенности, изменять приоритеты деятельности в соответствии с новыми условиями.

Ответственность — способность и готовность самостоятельно принимать решения и брать на себя обязательства за возникающие последствия этого решения. Способность и стремление доводить начатую работу до конца и в срок.

Индивидуально-личностные компетентности

Внимательность — избирательная направленность восприятия на тот или иной объект. Включает в себя пять свойств:

1) Концентрация — удержание внимания на каком-либо объекте.

2) Объем — количество объектов, которые охватываются вниманием одновременно.

3) Устойчивость — длительность, в течение которой внимание сохраняется на одном уровне.

4) Переключаемость — сознательное и осмысленное, преднамеренное и целенаправленное изменение направления сознания с одного предмета на другой.

5) Распределение — способность удерживать в центре внимания несколько разнородных объектов/субъектов.

Неконфликтность — умение находить конструктивный выход из конфликтной ситуации, сохраняя доброжелательное настроение, стремление оставить положительное впечатление о кафе у покупателя, уточнение его запросов и предпочтений с целью разрешения недопонимания.

Ориентация на профессиональное (и карьерное) развитие — желание и стремление развиваться и совершенствоваться в выбранной профессиональной сфере (и строить соответствующую карьеру), проявление инициативности в работе.

Ориентация на работу в команде — ориентация на взаимодействие и сотрудничество со своей командой, способность убеждать и мотивировать членов команды; умение сотрудничать, кооперироваться, конструктивно преодолевать разногласия, использовать потенциал группы и

достигать коллективных результатов; ориентация на командное достижение общей цели.

Системное мышление — умение строить целостный образ проблемной ситуации, выбирать из большого количества информации ту, что крайне необходима для решения какой-либо задачи, устанавливать и структурировать отношения между элементами информации, делать выводы, анализировать, выявлять тенденции; способность к обобщению.

Стрессоустойчивость — способность эффективно действовать в критических ситуациях, умение управлять своим эмоциональным состоянием, сохранять самообладание. Устойчивость к психологическому и физиологическому перенапряжению в ситуации цейтнота, при внешнем давлении.

Эффективные коммуникации — способность располагать к себе людей, производить приятное впечатление, умение устанавливать и поддерживать контакты, открытость к диалогу, развитые презентационные способности, владение навыками делового общения и этикета, развитая, понятная и грамотная речь; умение слушать и слышать оппонента.

Завершающим шагом данного этапа может стать формирование балльного профиля.

Приведем пример растяжки компетентности «системное мышление» по баллам.

Системное мышление — умение строить целостный и дифференцированный образ проблемной ситуации, способность к обобщению по разным основаниям. Способность выбирать из большого количества информации ту, которая необходима для решения данной задачи, устанавливать и структурировать отношения между элементами информации; умение делать выводы из противоречивых данных.

1 балл — значительные отклонения от ожидаемых результатов.

Не способен видеть ситуацию в целом, анализировать детали, устанавливать суть взаимосвязей. Не развиты навыки обобщения, навыки сбора информации, отсутствует умение структурировать большие объемы информации.

2 балла — значительные отклонения от ожидаемых результатов.

Не умеет создавать целостный образ ситуации, устанавливать взаимосвязи. Навык имеющихся аналитических способностей в практической деятельности применяется эпизодически.

3 балла — незначительные отклонения от ожидаемых результатов.

Проявления аналитических способностей нестабильны. Не всегда способен схватывать суть взаимосвязей, присущих ситуации, обобщать информацию по разным основаниям и делать выводы из противоречивой информации.

4 балла — незначительные отклонения от ожидаемых результатов.

Способен видеть ситуацию в целом, выделять отдельные элементы, обладает навыками обобщения, умеет делать выводы из противоречивой информации, успешно решает большинство поставленных задач.

5 баллов — отвечает ожиданиям руководства.

Умеет схватывать суть взаимосвязей, присущих ситуации, обладает навыками обобщения, умеет делать выводы из противоречивой информации, аналитические способности обеспечивают эффективность деятельности.

6 баллов — превышает ожидания руководства.

Ясно видит целостный образ ситуации и его составные части. Большая вариативность представляемых решений, умение сохранять навыки аналитического мышления в критических ситуациях.

На заключительном, *четвертом этапе* происходит верификация разработанной модели компетентностей. На данном этапе необходимо согласовать с заказчиком созданную модель компетентностей, при необходимости скорректировать ее и привести к форме, соответствующей нормам и требованиям организации.

Литература

1. Базаров Т. Ю. Технология центров оценки персонала: процессы и результаты / Т. Ю. Базаров. — М. : КноРус, 2011. — 304 с.
2. Базаров Т. Ю. Методика создания модели компетентностей [Электронный ресурс] / Т. Ю. Базаров, М. А. Ладиоленко // Организационная психология. — 2013. — Т. 3, № 3. — С. 61—77. — URL: http://orgpsyjournal.hse.ru (дата обращения: 01.10.2017).
3. Ерофеев А. К. Авторские технологии разработки моделей компетенций [Электронный ресурс] / А. К. Ерофеев, Т. Ю. Базаров // Организационная психология. — 2014. — Т. 4, № 4. — С. 74—92. — URL: http://orgpsyjournal.hse.ru (дата обращения: 01.10.2017).
4. Каптилович Т. К. Современная российская модель компетенций / Т. К. Каптилович // Управление развитием персонала. — 2013. — № 4(36). — С. 268—277.
5. Кудрявцева Е. И. Компетенция как ключевое понятие актуальной теории и практики менеджмента / Е. И. Кудрявцева // Управленческое консультирование. — 2011. — № 2. — С. 140—148.

6. Кудрявцева Е. И. Методологические проблемы применения моделей компетенций // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — Сер. Психология. — 2011. — Т. 5, № 4. — С. 29—40.
7. Михеев Ю. Модель компетенций: быть или не быть? [Электронный ресурс] / Ю. Михеев // Штат. — 2017. — URL: http://www.hrmedia.ru/node/1519 (дата обращения: 01.11.2017).
8. Исаева О. М. Управление человеческими ресурсами : учеб. и практикум для прикладного бакалавриата / О. М. Исаева, Е. А. Припорова. — 2-е изд. — М. : Изд-во Юрайт, 2017. — 244 с.
9. Чанько А. Д. Проблемы оценки и развития компетенций HR-менеджеров в российских компаниях / А. Д. Чанько, Н. Н. Петракова // Вестн. СПбГУ. — Сер. 8. Менеджмент. — 2016. — Вып. 1. — С. 125—163.
10. Data-enabled employee profile (DEEP). Новый подход к разработке модели компетенций [Электронный ресурс] // ЭКОПСИ Консалтинг. — URL: http://www.hrmedia.ru/sites/default/files/2016_deep_-_vozvrat_k_istokam_konferenciya_shtat.pdf (дата обращения: 01.11.2017).

COMPETENCY MODEL DEVELOPMENT ON THE EXAMPLE OF THE "ADMINISTRATOR" POSITION IN A HORECA SECTOR

E. E. Voilokova

National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia)
evoilokova@hse.ru

E. A. Priporova

National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia)
epriporova@hse.ru

The article considers the role of competency model in an organization and the main fields of its application. The authors introduce the distinction between Russian concepts "kompetentsiya" and "kompetentnost". The article substantiates the actuality of scientific approach to the use of competency model in the practice of modern companies. The paper also presents the main requirements for the competency model and identifies the specific features which are important in building a competency model. The article focuses on the description of the competency model development for the Nizhny Novgorod network that provides food services, on the example of the "administrator" position. The authors have chosen the design method of the competency model "The personnel technologies center — the 21st century" as methodological basis. The basic methods of data collection were the analysis of documents, interviews and expert assessment. In the paper the authors describe four stages of the research: collection and the analysis of documents of the company, formation of a competency model for the "administrator" position, verification of the developed competency model. The result of the research have become the formation of a competency model for the "administrator" position in a Horeca sector, presented by the detailed description of professional, organizational, administrative, individual and personal competencies. The authors provide an example of grade profile formation for the competency "system thinking" with the description of the definable benchmark of manifestation of this competence in the professional activity of an administrator.

Key words: competences, competency, competency model, restaurant business, "administrator" position.

References

1. Bazarov T. Ju. (2011) Tehnologiya tsentrov otsenki personala: protsessy i rezultaty [Technology of personnel assessment centers: processes and results]. Moscow: KnoRus, 304 p.
2. Bazarov T. Ju., Ladionenko M. A. (2013) Metodika sozdaniya modeli kompetentnostey [Methods of creation of competency model]. Organizatsionnaya psihologiya, Vol. 3, (3), p. 61—77. Available at: http://orgpsyjournal.hse.ru (Accessed: 01.10.2017).
3. Erofeev A. K., Bazarov T. Ju. (2014) Avtorskie tehnologii razrabotki modeley kompetentsiy [Original competences modeling technologies]. Organizatsionnaya psihologiya, Vol. 4, (4), p. 74—92. Available at: http://orgpsyjournal.hse.ru (Accessed: 01.10.2017).
4. Kaptilovich T. K. (2013) Sovremennaya rossiyskaya model kompetentsiy [Modern Russian model of competences]. Upravlenie razvitiem personala, 4 (36), p. 268—277.
5. Kudryavtseva E. I. (2011) Kompetentsiya kak klyuchevoe ponyatie aktualnoy teorii i praktiki menedzhmenta [Competence as a key concept of the current theory and practice of management]. Upravlencheskoe konsultirovanie, (2), p. 140—148.
6. Kudryavtseva E. I. (2011) Metodologicheskie problemy primeneniya modeley kompetentsiy [Methodology problems in applying competency models]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Seriya: Psihologiya, Vol. 5, (4), p. 29—40.
7. Miheev Ju. (2017) Model kompetentsiy: byt ili ne byt? [Competency model: to be or not to be?]. Zhurnal "Shtat". Available at: http://www.hrmedia.ru/node/1519 (Accessed: 01.11.2017).
8. Isaeva O. M., Priporova E. A. (2017) Upravlenie chelovecheskimi resursami: uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata [Human Resource Management: A Textbook and Workshop for Applied Bachelor Degree]. Moscow: Izdatelstvo Yurajt, 244 p.
9. Chanko A. D., Petrakova N. N. (2016) Problemy otsenki i razvitiya kompetentsiy HR-menedzherov v rossiyskih kompaniyah [Problems of functional HR-competence assessment and development]. Vestnik SPbGU. Ser. 8. Menedzhment, (1), p. 125—163.
10. Data-enabled employee profile (DEEP). Novyj podhod k razrabotke modeli kompetentsiy [A new approach to the development of competences models]. Yekopsi konsalting [EKOPSY Consulting]. Available at: http://www.hrmedia.ru/sites/default/files/2016_deep_-_vozvrat_k_istokam_konferenciya_shtat.pdf (Accessed: 01.11.2017).

Л. Ф. Кутуева

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва, Россия), Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия)

Liliya.abbazova@bk.ru

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА КОМПАНИИ КАК ФАКТОР ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассмотрены теоретические аспекты обеспечения экономической безопасности предприятия посредством приобретения и(или) использования им своих конкурентных рыночных преимуществ. В свою очередь, конкурентные преимущества формируются посредством определенных ресурсов. Поэтому автор использует положения ресурсной концепции как инструмента исследования возможности формирования устойчивых конкурентных преимуществ. То есть конкурентная стратегия, хотя и не является абсолютным и единственным инструментом обеспечения максимальной экономической безопасности предприятия, все же в существенной мере обеспечивает значительный перевес в виде более широких возможностей сбыта.
Исследование проводилось с точки зрения системного подхода, который представляет предприятие как «систему в системе», взаимодействующую с внешней средой. Именно взаимодействие всех составляющих этой сложной структуры обеспечивает тот или иной результат, и если не учесть влияние одного из наиболее результирующих факторов, разработанная конкурентная стратегия окажется менее эффективной, чем могла бы быть. Поэтому автор предлагает поэтапный принцип формирования и управления конкурентной стратегией, разрабатываемой как инструмент обеспечения экономической безопасности предприятия.

Ключевые слова: конкурентное преимущество, экономическая безопасность, ресурсы, конкурентная стратегия, система конкурентоспособности, системный подход, система управления конкурентоспособностью.

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация мировой экономики обусловила укрупнение рынка, в сущности, сделав его глобальным, с региональными и отраслевыми нишами. Это, в свою очередь, повлекло ужесточение конкурентной борьбы между производителями товаров и поставщиками услуг, поскольку конкуренция, как правило, ведется не на абстрактных глобальных торговых площадках, а, что называется, «на территории противника». Протекционистские регуляционные меры, предпринимаемые государствами в стратегических направлениях, имеют только частичный эффект, поскольку направлены на симптоматическое устранение конкуренции в узких направлениях с целью обеспечения экономической безопасности наиболее приоритетных субъектов хозяйствования.

Разумеется, наиболее эффективным методом является не регуляторный, а рыночный, когда предприятие само обеспечивает себе конкурентные преимущества, которые являются не только средством защиты, но и наступательным инструментом. Тем самым экономическая безопасность такого предприятия обусловлена его конкурентными преимуществами, спродуцированными посредством имеющихся у него ресурсов.

Каждое предприятие использует определенный набор ресурсов, однако не все ресурсы имеют одинаковую значимость и поэтому не всегда могут обеспечивать предприятию устойчивое конкурентное преимущество. Рыночное положение предприятия зависит именно от уникального сочетания материальных и нематериальных ресурсов фирмы и управления ими, поэтому в качестве источника конкурентных преимуществ выступает уникальная комбинация его оригинальных и специфических видов ресурсов, которые трудно копируются, и именно это будет способствовать экономической безопасности предприятия. Считаем, что как не все ресурсы могут обеспечивать устойчивое конкурентное преимущество, а только уникальные и в определенной комбинации, которые трудно скопировать, так и не каждое управление этими ресурсами может обеспечивать стойкие конкурентные преимущества. Требования к менеджменту — он должен характеризоваться редкими организационными способностями.

Более того, сам факт обладания ресурсами и возможностями по их использованию и воспроизводству не является обязательным условием успеха предприятия. Важно изобретение именно тех ресурсов, которых не имеет ни один из конкурентов, т. е. асимметрий, которые способны обеспечивать стабильное функционирование организации и состоят из определенным образом выстроенных иерархических операций — от основных, которые выполняют рабочие, до тех, что использует менеджмент в управленческих процессах.

Вопросами управления конкурентоспособностью и экономической безопасностью предприятий занимались такие исследователи, как Л. И. Абалкин, С. П. Бараненко, И. А. Погосов, В. А. Богомолов, С. Ю. Глазьев, А. К. Горячев, В. В. Курбанов, В. В. Радаев, А. Е. Суглобов, С. А. Хмелев, Е. А. Орлова, В. В. Шеметов, Н. П. Фокина, К. И. Юрьев, Г. Рамелт, А. Чэндлер, К. Пархалади и др.

Однако на данный момент вопросы конкурентных преимуществ в обеспечении экономической безопасности предприятия освещены достаточно эпизодически, в основном в разрезе определенного вида конкурентных преимуществ. Поэтому в данной статье предпринимается попытка системно обобщить процесс разработки и реализации конкурентной стратегии предприятия в разрезе экономической безопасности.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор придерживается системного подхода к освещению исследуемого вопроса, используя при этом основные положения ресурсного подхода. На данном основании разрабатывается поэтапная схема формирования конкурентной стратегии для обеспечения конкурентоспособности предприятия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВОПРОСА ВЛИЯНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ НА УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕСУРСНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Большинство авторов, исследующих вопрос экономической безопасности предприятия, сходятся в том, что экономическая безопасность предприятия — это определенное состояние системы ведения хозяйства, которое, кроме того, еще и направлено на мобилизацию всех имеющихся на предприятии корпоративных ресурсов с целью защиты его (предприятия) от нежелательных воздействий в настоящем и будущем времени для наиболее эффективного использования этих ресурсов [2, 6, 11]. То есть имеется в виду, что система способна самоорганизовываться и самореализовываться, сохраняя равновесие и устойчивость при минимизации угроз. Таким образом, экономическая безопасность предприятия может быть охарактеризована как состояние защищенности предприятия от нежелательных воздействий как внешнего, так и внутреннего характера при максимально эффективном использовании имеющихся ресурсов (потенциала предприятия) [3].

Развитие глобализации способствовало широкой доступности ресурсов, в результате чего существенно уменьшились возможности получения конкурентных преимуществ в эксплуатации внешних условий ведения бизнеса. Поэтому, чтобы получить конкурентное преимущество, компании в своей конъюнктурной среде, а также непосредственно в своих внутренних средах стараются распознать ресурсы и возможности, которые позволят им стать конкурентоспособными [7]. Наиболее доказательным практическим подтверждением ресурсной концепции стала работа Г. Рамелта, который доказал на репрезентативной выборке, что внутриотраслевые (межфирменные) различия в доходах преобладают над межотраслевыми в отношении 7:1 [18].

В условиях постоянного изменения внешней среды именно собственные ресурсы и возможности компании становятся стабильной основой для своей оценки. Таким образом, характеристика бизнеса относительно того, что фирма способна успешно делать, может составлять более мощную базу для ее стратегии, чем сосредоточение только на потребностях, которые бизнес желает удовлетворить [16]. В рамках ресурсного подхода фирма трактуется не как набор бизнесов, а как набор ресурсов и компетенции.

Если рыночные концепции сосредоточены на внешнем окружении предприятий и организаций, то ресурсная концепция основана на других подходах, а именно на диагностике положительных черт и недостатков компании, а также определении ключевых компетенций, составляющих ее конкурентные преимущества. Главным фактором получения высоких прибылей сторонники этой концепции считали прежде всего всестороннее развитие уникальных черт компании, а не копирование стратегии развития конкурентов [17].

Итак, сущностью ресурсно-компетентностной концепции являются различия одного предприятия от другого, которые достигаются наличием у каждого из них уникальной комбинации

ресурсов. Основные позиции этой концепции составляют следующие положения:

1. Предприятие оценивается по наличию у него прежде всего уникальных ресурсов (в том числе компетентностных), что является отличным от традиционного продуктового подхода, главного при рыночной концепции конкурентных преимуществ.

2. Имеются существенные различия между предприятиями, которые оговариваются различными ресурсами и находятся в управлении предприятия.

3. Ресурсы неодинаково распределены среди предприятий, а это может способствовать формированию конкурентных преимуществ или усиливать слабые стороны предприятия.

4. Есть наличие условий для определения типов ресурсов, которые способствуют достижению высоких прибылей на предприятиях.

5. Для того чтобы фирма генерировала прибыль, необходимо сочетание уникальных ресурсов и ценных редких организационных возможностей [3, 12, 16, 17].

Каждое предприятие использует определенный набор ресурсов, однако не все ресурсы имеют одинаковую значимость и поэтому не всегда могут обеспечивать предприятию устойчивое конкурентное преимущество. Рыночное положение предприятия зависит именно от уникального сочетания материальных и нематериальных ресурсов фирмы и эффективности управления ими, поэтому в качестве источника конкурентных преимуществ выступает уникальная комбинация его оригинальных и специфических видов ресурсов, которые трудно копируются, и именно это будет способствовать экономической безопасности предприятия. Потому как не все ресурсы могут обеспечивать устойчивое конкурентное преимущество, а только уникальные и в определенной комбинации, которые трудно скопировать, так и не каждое управление этими ресурсами может обеспечивать устойчивые конкурентные преимущества. Это обусловливает и определенные специфические требования к менеджменту — он должен характеризоваться неординарными организационными способностями.

Более того, сам факт обладания ресурсами и возможностями по их использованию и воспроизводству не является обязательным условием успеха предприятия. Важно изобретение именно тех ресурсов, которых не имеет ни один из конкурентов, то есть продуцирование конкурентных асимметрий, и только они способны обеспечивать стабильное функционирование организации. Компетентностные конкурентные преимущества в таком случае состоят из определенным образом выстроенных иерархических операций — от основных, которые выполняют рабочие, до тех, которые использует менеджмент в управленческих процессах.

В ресурсной концепции конкурентных преимуществ в концентрированном виде не определено, каким образом проявляются динамические способности — в организационных рутинах или в индивидуальных чрезвычайных способностях менеджмента. Обобщая различные определения, считаем, что ресурсы — это способ компактного хранения знаний и навыков, необходимых человеку для его деятельности. Вместе с тем динамический подход к концепции конкурентных преимуществ, основанный на динамических способностях, имеет существенный недостаток, а именно — существует большая сложность в измерении этого ресурса и ограниченные возможности их будущего прогнозирования.

Главный вывод из этой концепции, как считает значительное количество исследователей, заключается в том, что наиболее ценным ресурсом компании выступает ее топ-менеджмент, поскольку именно в нем в концентрированном виде формируются динамические способности высшего порядка, которые необходимы для эффективного изменения комбинации всех других видов ресурсов.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ ПОСРЕДСТВОМ ПОВЫШЕНИЯ ЕГО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

В последние годы подходы к разработке стратегий претерпели значительные изменения. Обобщение отечественного и зарубежного опыта позволяет сделать вывод, что объектом управления конкурентоспособностью являются технологические и экономические процессы, в ходе которых при создании продукции формируются ее конкурентные преимущества, а субъектом — система конкурентоспособности как инструмент управления ею. Управление конкурентоспособностью является деятельностью менеджмента предприятия, направленной на формирование, развитие и реализацию конкурентных преимуществ и обеспечение жизнедеятельности предприятия в сфере экономической деятельности [12]. Главной задачей управления конкурентоспособностью является обеспечение жизнедеятельности и формирования хозяйственных связей при любых изменениях во внутренней и внешней среде [6].

На современном этапе экономического развития возникает насущная необходимость системного подхода к управлению конкурентоспособностью, что объясняется большим количеством факторов, влияющих на конкурентоспособность, среди которых можно выделить: конкурентоспособность продукции по критериям оценки (цена, качество, себестоимость), конкурентоспособность ресурсного потенциала (техническая, технологическая, биологическая, финансовая, информационная, кадровая), конкурентоспособность сервисного обслуживания (до- и послепродажное обслуживание), конкурентоспособность организационного потенциала (организационная структура, структура управления, организационное взаимодействие субъектов по интересам, организационные формы хозяйствования, формы организации, структура функции), конкурентоспособность коммуникационных связей (с поставщиками, инвесторами, потребителями, контактными аудиториями), конкурентоспособность системы менеджмента (механизмов управления, этапов руководства, способность формировать и использовать возможности, предусматривать ритмы и своевременно реагировать на развитие и обеспечение подсистем менеджмента, стратегической направленности управленческой деятельности)) [3] (рис. 1).

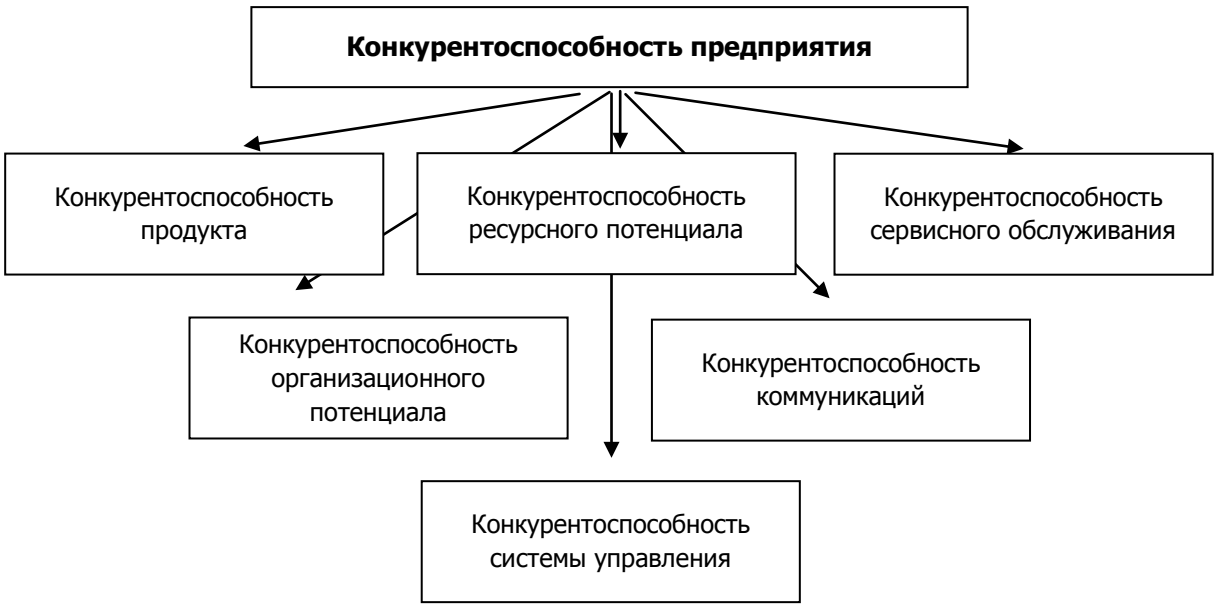


Рис. 1. **Необходимые меры по улучшению финансового состояния**
(составлено автором на основании [3, 11])

Система управления конкурентоспособностью охватывает все виды деятельности, связанные с созданием конкурентных преимуществ предприятия, работ, услуг. Однако конкурентные преимущества все больше охватывают систему свойств, важных для потребителей и направленных на удовлетворение индивидуальных, а не внутренних потребностей предприятия. Поэтому формирование стратегии является необходимым условием для эффективного использования возможностей и преимуществ деятельности предприятия с учетом его позиции в отрасли [6].

Учитывая разнообразие и многоаспектность факторов, обеспечивающих конкурентоспособность, формировать портфель стратегий необходимо на основе принципов системности и комплексности. Такой подход позволит сформировать систему на сбалансированной основе (от общего к частному) и определить возможности для обеспечения конкурентоспособности предприятия [9]. Разработка системы этапов формирования стратегии должна осуществляться таким образом, чтобы каждый следующий этап планирования отличался от предыдущего своими специфическими методами выполнения. При этом процесс разработки стратегии на предприятиях может быть представлен в виде этапов последовательного решения ряда взаимосвязанных стратегических вопросов (табл. 1).

Таблица 1

Этапы формирования стратегии для обеспечения конкурентоспособности предприятия*

Этап I	Этап II	Этап III
1. Определение основной стратегической цели, миссии деятельности предприятия	1. Анализ деятельности потенциальных конкурентов на данном рынке	1. Формулировка стратегии достижения поставленной цели
2. Определение возможностей предприятия	2. Оценка влияния факторов макро- и микросреды на деятельность предприятия	2. Определение тактических задач и приоритетов в процессе осуществления преобразований
3. Выявление сферы деятельности для использования капитала предприятия	3. Оценка современного экономического, технического и технологического состояния предприятия. Анализ стратегических альтернатив	3. Реализация стратегии

* Составлено автором на основании [5, 9, 13, 14, 17].

Таблица 2

Этапы управления конкурентоспособностью предприятия*

Реализация управленческих функций. Этап I	Контроль и регулирование процесса обеспечения конкурентоспособности
	Мотивация работников
	Планирование и организация процесса обеспечения конкурентоспособности
Формирование методов менеджмента. Этап II	Разработка технологической документации
	Разработка планов ускорения НТП
	Разработка планов производства конкурентоспособной продукции
	Разработка методов стимулирования персонала
Формализация методов менеджмента. Этап III	Формирование распоряжений и указаний по обеспечению конкурентоспособности
	Разработка приказов по контролю и ответственности за изготовление конкурентоспособной продукции
Разработка и принятие управленческих решений. Этап IV	Формирование направлений деятельности аппарата управления
	Определение степени достижения конкурентоспособности
	Оценка эффективности управленческих решений

* Составлено автором на основании [5, 9, 13, 14, 17].

На завершающем этапе выбирается альтернативный вариант, на основе которого управленческий персонал разрабатывает детальный бизнес-план реализации стратегии. Не стоит забывать, что даже самые лучшие планы могут быть нереализованными из-за некачественного выполнения или неэффективного управления конкурентоспособностью предприятия.

Под системой управления конкурентоспособностью предприятия (товаров, работ, услуг) следует понимать совокупность организационной структуры, процессов, технологий, ресурсов и т. п., необходимых для создания и реализации условий, способствующих созданию конкурентных преимуществ в настоящей и будущей бизнес-среде [4]. Исследование фактических материалов показывает, что процесс управления конкурентоспособностью включает следующие четыре этапа (табл. 2).

С целью выполнения этих этапов управления конкурентоспособностью необходимо наличие у предприятия возможности к самоорганизации, которая в себя включает постоянные изменения в конъюнктуре рынка и потребностях клиентов, технологиях и приспособлении к ним.

ВЫВОДЫ

Таким образом, формирование конкурентной стратегии, имеющей целью максимальное обеспечение экономической безопасности предприятия, предусматривает управленческую деятельность, направленную на обеспечение развития и координации согласно изменениям внешней среды и конъюнктуры рынка, и повы-

шение управления конкурентоспособностью на предприятии в целом. Для того чтобы выбранная стратегия начала функционировать, необходимо разработать систему целевых показателей, которые ориентировали бы предприятие на достижение целей, заложенных в стратегии; осуществить соответствующие изменения в организационной структуре; обеспечить производственный комплекс необходимыми ресурсами в соответствии с утвержденной стратегией.

Литература

1. Абалкин Л. И. Курс переходной экономики : учеб. для вузов / Л. И. Абалкин, И. А. Погосов, В. В. Радаев ; под ред. Л. И. Абалкина. — М. : Финстатинформ, 2013. — 631 с.
2. Бараненко С. П. Стратегическая устойчивость предприятия / С. П. Бараненко, В. В. Шеметов. — М. : Центрополиграф, 2014. — 493 с.
3. Богомолов В. А. Введение в специальность «Экономическая безопасность» : учеб. пособие / В. А. Богомолов. — М. : ЮНИТИ, 2015. — 279 с.
4. Быков В. А. Конкуренция. Инновации. Конкурентоспособность : учеб. пособие / Т. Г. Философова, В. А. Быков. — М. : Юнити-Дана, 2015. — 295 с.
5. Глазьев С. Ю. Экономическая теория технического развития / С. Ю. Глазьев ; отв. ред. Д. С. Львов. — М. : Новое издательство, 2013. — 235 с.
6. Горячев А. К. Конкурентоспособность в условиях постиндустриального развития экономики как фактор экономической безопасности / А. К. Горячев // Вестн. ННГУ. — 2010. — № 3-2. — С. 445—448.
7. Ильяшенко С. Н. Составляющие экономической безопасности и подходы к их оценке / С. Н. Ильяшенко // Актуальные проблемы экономики. — 2013. — № 3. — С. 12—19.
8. Компанейцева Г. А. Система экономической безопасности: уровни и механизмы оценки / Г. А. Компанейцева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 17. — С. 832—836.
9. Курбанов В. В. Конкурентоспособность российских предприятий в мировой экономике / В. В. Курбанов. — М. : Лаборатория книги, 2012. — 239 с.
10. Лошаков А. П. Предпосылки формирования и сущность экономической безопасности предприятия / А. П. Лошаков // Вопр. экономических наук. — 2014. — № 5. — С. 87—89.
11. Суглобов А. Е. Экономическая безопасность предприятия : учеб. пособие / А. Е. Суглобов, С. А. Хмелев, Е. А. Орлова. — М. : ЮНИТИ, 2015. — 271 с.
12. Фокина Н. П. Экономика предпринимательства — важнейшая составляющая финансовой устойчивости / Н. П. Фокина // Актуальные проблемы экономики. — 2014. — № 8. — С. 111—114.
13. Фридман Ю. А. Экономическая безопасность, экономическая защищенность и конкурентоспособность: региональный аспект / Ю. А. Фридман, Г. Н. Речко, Ю. А. Писаров // Вестн. КузГТУ. — 2015. — № 1(107). — С. 122—126.
14. Экономическая безопасность : учеб. пособие / под ред. В. А. Богомолова. — М. : ЮНИТИ, 2015. — 295 с.
15. Юрьев К. И. Экономическая безопасность предприятия: подходы и факторы / К. И. Юрьев // Экономическая наука сегодня: теория и практика : материалы V Междунар. науч.-практич. конф. (Чебоксары, 3 декабря 2016 г.) / ред. кол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. — С. 112—113.
16. Chandler A. D. Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprise. — MIT Press : Cambridge, MA, 1962. — 463 p.
17. Prahalad C. K. The core competence of the corporation / Prahalad C. K., Hamel G. // Harvard business review. — 1990. — № 68. — P. 79—91.
18. Rumelt R. P. Strategy, Structure, and Economic Performance. — Boston : Harvard Business School Press, 1974. — 235 p.

COMPETITIVE ADVANTAGES OF THE COMPANY AS A FACTOR OF ITS ECONOMIC SECURITY

L. F. Kutueva

Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia),
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

Liliya.abbazova@bk.ru

This article deals with theoretical aspects of ensuring the economic security of an enterprise by acquiring and(or) using its competitive market advantages. In turn, competitive advantages are formed by means of certain resources. Therefore, the author uses the provisions of the resource concept as a tool to investigate the possibility of forming sustainable competitive advantages. Although the competitive strategy is not the absolute and the single tool to ensure the maximum of the economic security of the enterprise, it provides a significant advantage in the form of broader sales opportunities.

The research was conducted in the context of the system approach, which represents the enterprise as a "system in the system", interrelating with the external environment. It is the interrelation of all the components of this complex structure that provides one or another result, and if one does not take into account the influence of one of the most resultant factors, the developed competitive strategy will be less effective than it could be. Therefore, the author proposes a phased

approach to the formation and management of the competitive strategy, developed as a tool to ensure the economic security of the enterprise.

Key words: competitive advantage, economic security, resources, competitive strategy, system of competitiveness, system approach, competitiveness management system.

References

1. Abalkin L. I., Pogosov I. A., Radaev V. V. (2013) Kurs perekhodnoy ekonomiki [Transition economy course]. Finstatinfom, 631 p.
2. Baranenko S. P., Shemetov V. V. (2014) Strategicheskaya ustojchivost predpriyatiya [Nonmanipulability of the enterprise]. Moscow: Tsentropoligraf, 493 p.
3. Bogomolov V. A. (2015) Vvedenie v specialnost "Ekonomicheskaya bezopasnost" [Introduction to the course "Economic security"]. Moscow: YUNITI, 279 p.
4. Bykov V. A., Filosofova T. G. (2015) Konkurentsiya. Innovatsii. Konkurentosposobnost [Competition. Innovations. Competitive ability]. Moscow: Yuniti-Dana, 295 p.
5. Glazjev S. Yu., Lvov D. S. (2013) Ekonomicheskaya teoriya tekhnicheskogo razvitiya [Theoretical economics of technical development]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 235 p.
6. Goryachev A. K. (2010) Konkurentosposobnost v usloviyah postindustrialnogo razvitiya ekonomiki kak faktor ekonomicheskoy bezopasnosti [Competitive ability with postindustrial development of economics as a factor of economic security]. Vestnik NNGU, (3-2), p. 445—448.
7. Iljashenko S. N. (2013) Sostavlyayushchie ekonomicheskoy bezopasnosti i podhody k ih otsenke [Constituents of economic security and approaches to its assessment]. Aktualnye problemy ekonomiki, (3), p. 12—19.
8. Kompaneytseva G. A. (2016) Sistema ekonomicheskoy bezopasnosti: urovni i mekhanizmy otsenki [Economic security system: levels and assessment mechanizms]. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept", Vol. 17, p. 832—836.
9. Kurbanov V. V. (2012) Konkurentosposobnost rossijskih predpriyatiy v mirovoy ekonomike [Competitive ability of Russian enterprises in the world economics]. Moscow: Laboratoriya knigi, 239 p.
10. Loshakov A. P. (2014) Predposylki formirovaniya i sushchnost ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya [Background of formation and subject matter of economic security of the enterprise]. Voprosy ekonomicheskih nauk, (5), p. 87—89.
11. Suglobov A. E., Hmelev S. A., Orlova E. A. (2015) Ekonomicheskaya bezopasnost predpriyatiya [Economic security of the enterprise]. Moscow: YUNITI, 271 p.
12. Fokina N. P. (2014) Ekonomika predprinimatelstva — vazhneyshaya sostavlyayushchaya finansovoy ustoychivosti [Business economics is the key element of financial sustainability]. Aktualnye problemy ekonomiki, (8), p. 111—114.
13. Fridman Yu. A., Rechko G. N., Pisarov Yu. A. (2015) Ekonomicheskaya bezopasnost, ekonomicheskaya zashchishchennost i konkurentosposobnost: regionalnyj aspekt [Economic security, economic safety and competitive ability: regional aspect]. Vestnik KuzGTU, 1(107), p. 122—126.
14. Bogomolova V. A. (2015) Ekonomicheskaya bezopasnost [Economic security]. Moscow: YUNITI, 295 p.
15. Yurjev K. I. (2016) Ekonomicheskaya bezopasnost predpriyatiya: podhody i faktory [Economic security of the enterprise: approaches and factors]. Ekonomicheskaya nauka segodnya: teoriya i praktika: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (CHeboksary, 3 dek. 2016 g.). Cheboksary: CNS "Interaktiv plyus", p. 112—113.
16. Chandler A. D. (1962) Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprise. MIT Press: Cambridge, MA, 1962. 463 p.
17. Prahalad C. K., Hamel G. (1990) The core competence of the corporation // Harvard business review, N 68, p. 79—91.
18. Rumelt R. P. (1974) Strategy, Structure, and Economic Performance. Boston: Harvard Business School Press, 1974, 235 p.

Е. А. Припорова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород, Россия)
epriporova@hse.ru

Е. Е. Войлокова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород, Россия)
evoilokova@hse.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДБОРА ПЕРСОНАЛА

В статье обосновывается актуальность грамотно организованного процесса подбора персонала для организаций. Взяв за основу стадии подбора персонала, предложенные М. Армстронгом, авторы описали основные характеристики этапов, выделили некоторые проблемы, характерные для каждого из них в современной практике, и предложили рекомендации по их преодолению. На первом этапе — определении требований — необходимо создавать «рабочие», эффективные модели компетентностей, что возможно только при использовании хорошо зарекомендовавших себя методологических подходов и соблюдении выбранной технологии. На этапе привлечения кандидатов (вторая стадия) значимым становится использование не только традиционных методов поиска сотрудников, но и более современных инструментов, как, например, социальные медиа. При этом вне зависимости от выбора каналов привлечения персонала важно правильно выстраивать позиционирование организации/вакансии, чтобы увеличить отклик именно от «наших», подходящих соискателей. На этапе отбора (третья стадия) происходит оценка кандидатов и принятие решения относительно них. В статье рассмотрены наиболее популярные на сегодняшний день методы оценки кандидатов на «входе» в компанию: интервью, тестирование, центр оценки. С точки зрения авторов, возможности метода интервью порой компаниями недооцениваются, а психодиагностические методы для ряда задач переоцениваются. Преодоление обозначенных проблем авторам видится прежде всего в повышении компетентности специалистов в области управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова: подбор персонала, оценка персонала, методы оценки, центр оценки, тестирование.

Одной из фундаментальных функций управления человеческими ресурсами является подбор персонала. Данная функция нацелена на обеспечение компании такими сотрудниками, которые смогут принести ей максимальную пользу. Суть функции подбора заключается в том, чтобы найти на рынке труда претендентов на вакантную должность и отобрать из них наиболее подходящих. Полезность сотрудников для компании определяется, как правило, качеством их работы, основой которого, в свою очередь, выступает их квалификация, потенциал и соответствие организационным стандартам. Соответственно, результаты подбора во многом зависят от способности менеджеров по управлению человеческими ресурсами дать предварительную оценку компетентности кандидата в конкретной должности и спрогнозировать его будущие результаты в компании. Продуманность и тщательная организованность процесса подбора кадров способны в значительной мере увеличить эффективность организации в целом и улучшить её бизнес-результаты [10]. В статье мы рассмотрим, из каких этапов состоит процесс подбора персонала и какие особенности характерны для каждого из них в современных реалиях.

Реализация подбора персонала осуществляется в несколько этапов [2]. На первом этапе необходимо определить требования к должности, т. е. необходимо в деталях знать, какие задачи сотрудник будет выполнять во время работы и какие требования к нему будут предъявляться. Эту информацию можно получить посредством анализа деятельности, на основе которого, как правило, создается профиль должности — «документ, представляющий собой описание требований к ее потенциальному исполнителю в терминах компетенций и их значений» [18, с. 38].

Структура профиля должности обычно включает в себя:

1. Общие сведения о должности (например, место должности в организационной структуре организации, функционал должности, сфера ответственности, сфера полномочий).

2. Модель компетентностей описывает знания, умения, навыки, а также индивидуально-личностные характеристики, необходимые для успешного выполнения конкретной деятельности в определенной организации.

3. Формальные требования к должности (например, образование, опыт работы, уровень владения языками, наличие водительских прав и др.).

Профиль должности является одним из важнейших условий эффективного отбора кандидатов. Примечательно, что количество компаний, которые создают и внедряют модель компетентностей (которая является ядром профиля должности) в своих организациях, с каждым годом растет [15], однако мировые и российские исследования показывают, что действующие модели в 70 % случаев не соответствуют реальным профилям успеха на предприятиях [20]. Одной из причин сложившейся ситуации может являться стремление компании упростить трудоемкий процесс создания модели компетентностей. Исследование Talant Code в 2016 году показало, что 65 % компаний создают модель компетенций только методом экспертного анализа интервью с менеджерами [20], в результате получая на выходе малоэффективный инструмент [11].

Во избежание такого рода ошибок мы рекомендуем использовать модели создания компетентностей с хорошо проработанной и зарекомендовавшей себя в практике применения методологической основой. К таковым можно отнести, например, технологию МИКРИС (Методы извлечения критериев распознавания и сопоставления), автор — А. К. Ерофеев [6]; методику создания модели компетентностей по версии «ЦКТ — 21 век», автор — Т. Ю. Базаров [6]; методику DEEP (Data-Enabled Employee Profile) — профиль сотрудника на основе данных, подход по созданию модели компетенций, предлагаемый консалтинговой компанией «Экопси» [20].

После того как определены основные требования к кандидатам, наступает второй этап, связанный с поиском и привлечением соискателей на вакантную должность. Согласно исследованию, проведенному Deloitte, в котором приняли участие 10 000 респондентов из 140 стран мира, привлечение талантов в организацию, что сопряжено с развитием бренда работодателя и диверсификацией каналов и методов поиска и привлечения кандидатов, занимает третье место среди трендов 2017 года в области управления человеческими ресурсами [16].

В последние годы задача по привлечению высококвалифицированного работника усложнилась, все чаще можно слышать о «борьбе за таланты» [10]. К причинам возникновения данного явления можно отнести демографическую «яму», т. е. резкое падение уровня рождаемости населения в России в 90-х годах прошлого века; увеличение конкуренции во многих сферах бизнеса; возрастание роли человеческого фактора в функционировании организации.

Организации понимают, что как работодатель производит отбор сотрудников, так и работник осуществляет свой выбор в пользу того, какой компании следует отдать свое предпочтение при найме. В связи с этим организации начинают предпринимать все больше усилий для создания сильного бренда работодателя — «образа компании как хорошего места работы» [14, с. 22]. Согласно недавнему исследованию компании Headhunter, в котором приняли участие 156 представителей российских компаний, 42 % опрошенных компаний с этого года начали заниматься брендом работодателя [17]. По данным BCG, в компаниях с сильным брендом работодателя экономические показатели, как правило, выше, чем у их конкурентов, в 2,4 раза по выручке и в 1,8 раза по прибыли; согласно LinkedIn, текучесть персонала в компаниях с привлекательным брендом ниже на 28 % по сравнению с конкурентами [1]. Под сильным брендом работодателя понимается реалистичное представление сотрудников компании и потенциальных соискателей об организации, которое сформировано на значимых и отличительных характеристиках компании как работодателя, важных для ее целевых аудиторий и формирующих ее уникальный образ. По мнению эксперта в области построения и развития бренда работодателя Татьяны Ананьевой, это «свой, аутентичный, ответ компании на вопрос сотрудников или кандидатов о смысле их работы: зачем идти на работу в эту компанию и зачем работать в полную силу?» [1]. Основу бренда работодателя составляет ценностное предложение, которое должно лежать в основе при построении внешних и внутренних коммуникаций с талантами. Основным преимуществом (при внешнем измерении бренда работодателя) правильно построенного бренда является возможность привлечения необходимых людей, экономя ресурсы, а также обеспечивая более высокий уровень мотивации кандидатов. Кроме того, в организациях с правильно построенным брендом на рынке труда вдвое больше конкурентоспособных, качественных заявок на вакансии от потенциальных кандидатов [1].

Организации используют множество стратегий поиска, чтобы находить и привлекать наи-

более подходящих для себя сотрудников. Выбор той или иной стратегии зависит от целей организации и имеющихся ресурсов. К внешним каналам привлечения талантов относят работные и профессиональные сайты, кадровые агентства, ярмарки вакансий, СМИ, прямой поиск, прелиминаринг (привлечение к работе посредством производственной практики и стажировки перспективных молодых специалистов: студентов и выпускников вузов), работу с учебными заведениями, социальные медиа. В отчете Deloitte за 2017 год отмечается, что помимо традиционных способов поиска персонала (например, работных сайтов) рекрутеры должны постоянно расширять применение социальных медиа [16]. Это и неудивительно с учетом тенденций распространения Интернета в нашей жизни, его проникновения как в личную сферу, так и деловую жизнь. По данным GfK, к концу 2015 года аудитория онлайн-пользователей в России составила 70,4 %, самая популярная социальная сеть в России — «ВКонтакте», ее наиболее активной аудиторией являются люди в возрасте от 18 до 34 лет [7].

Закрытие вакансий может осуществляться не только с помощью внешних ресурсов, но и с привлечением внутренних кандидатов, т. е. собственных талантов. Стратегическое планирование и развитие персонала являются значимыми условиями для дальновидного управления человеческими ресурсами [10]. Программы по развитию талантов способствуют повышению мотивации, степени удовлетворенности трудом, а также лояльности сотрудников к организации. Кроме этого, работники уже имеют представления о корпоративной культуре компании, о действующих порядках и процедурах, что может упростить процесс адаптации в новой должности. С точки зрения ресурсов, как денежных, так и временных, внутренний поиск является более выгодным способом по сравнению с внешним рекрутингом [10].

Согласно последнему исследованию Deloitte (2017), более половины опрошенных организаций (51 %) для привлечения сотрудников пользуются реферальными системами, отмечая эффективность данного способа, за ними следуют сайты профессиональных контактов (42 %) и внутренние кандидаты (40 %) [16].

На третьем этапе происходит отбор кандидатов. Управление человеческими ресурсами как область научного знания и форма практики включает в себя разнообразные методы и инструменты, использование которых позволяет реализовывать процесс отбора персонала. Среди них можно выделить собеседование, тестирование, центр оценки, анализ резюме, проверку рекомендаций, графологию, детектор лжи, геймификацию, кейс-тесты и др. Выбор метода зависит от целей и задач организации, культурных особенностей, а также ресурсов, которыми располагает компания. Собеседование, тестирование и центр оценки являются наиболее используемыми в современной практике управления человеческими ресурсами для отбора персонала, поэтому остановимся на них более подробно.

Собеседование

Несмотря на критику данного метода, собеседование является наиболее распространенным методом оценки потенциального сотрудника [10]. Существует множество примеров, когда работников принимают в организацию без проведения конкурсных заданий, но проведение интервью представителем(ями) компании с кандидатом является практически без исключений обязательным.

Многие авторы подчеркивают значимость метода интервью при отборе сотрудников [9, 10, 18]. Например, коммуникативные умения проще и достовернее оценить, общаясь с человеком, а не подвергая его тестированию. Владение различным инструментарием, адекватным для ситуации интервьюирования, умение его корректно подбирать для решения определенной задачи и использовать на практике может оказаться, с нашей точки зрения, необходимым и достаточным условием для принятия решения относительно того или иного кандидата. Однако в нашей стране пока только начали вестись дискуссии относительно сертификации специалистов в области управления человеческими ресурсами. Это означает, что на данный момент рекрутеры используют техники так, как умеют, совершая порой серьезные ошибки в их применении или делая умозаключения на основе интуиции (суждения основаны на опыте консультирования).

Центр оценки

Центр оценки (ассессмент-центр) — «комплексный метод диагностики потенциальной успешности в профессиональной деятельности, включающий набор различных частных методов, основой которого является оценка поведения участников группой наблюдателей экспертов в моделирующих упражнениях» [5, с. 11].

Технология центра оценки впервые появилась в середине 1950-х годов в Великобритании и завоевала широкое признание в практике работы как государственных, так и частных организаций. В России метод начал применяться с начала 1990-х годов и в настоящее время полу-

чил широкое распространение. По данным Федерации оценки персонала, за последние годы центр оценки, в том или ином виде, применили более половины компаний (в выборку вошли 150 крупнейших российских организаций) [19].

Примечательно, что в 2013 году был разработан первый Российский стандарт центра оценки — научно обоснованное практическое руководство, в котором отражены отличительные характеристики центра оценки и описаны минимальные требования, которые к нему предъявляются. Документ содержит также и рекомендации, которые основаны на лучших практиках применения центра оценки и позволяют повысить качество оценки. Стандарт получил положительные отзывы от ведущих мировых экспертов в области оценки персонала и рекомендован для специалистов в области разработки и применения данной оценочной технологии.

Самым востребованным в стандарте российского центра оценки стал раздел по валидизации [19]. Несмотря на то, что валидность центров оценки доказана ранее проводимыми исследованиями, остается необходимость ее проводить для новых/переводных программ, решения иных от ранее установленных задач, при существенных модификациях программы центра оценки, а также при изменении целевой группы или для ее использования в других условиях [5]. Однако в российской реальности валидность крайне редко проверяют по процедурам, описанным в стандарте. Эффективность реализованных центров оценки чаще всего определяют, основываясь на мнении заказчика (61 %), наблюдателей (47 %) и участников (42 %), есть респонденты (17 %), никак не анализирующие показатели результативности [19].

Следует отметить, что мнения специалистов по вопросам валидности центров оценки расходятся. Часть из них считают технологию центров оценки разновидностью психометрического тестирования с вытекающими отсюда требованиями к валидности и надежности [8]. Однако центр оценки представляет собой комплексную технологию, объединяющую разнообразные методы, важнейшими из которых являются моделирующие упражнения, интервью и тесты. В связи с этим возникает вопрос уместности использования тех же требований к первым двум методам, как и к тестам. Согласно второму подходу, выход за узкие рамки надёжности и валидности, сколь бы важными они не представлялись, видится в построении таких систем для оценки эффективности центров оценки, в которых найдут свое место среди иных и такие понятия, как «действенность», «востребованность», «справедливость», «приемлемость», «релевантность» [8]. Тем не менее, несмотря на противоречивые взгляды специалистов относительно валидности метода, большинство экспертов солидарны в том, что технология центра оценки является на сегодняшний день одной из самых эффективных.

Обозначим некоторые отличительные характеристики центра оценки.

1. Основная цель метода — оценка потенциальной успешности в профессиональной деятельности. Задачи, которые можно решить с помощью центра оценки, — отбор сотрудников, индивидуальное и командное развитие, обучение в процессе центра оценки [5].

В рамках исследования, проведенного Федеральным центром оценки в 2014 году, было выявлено, что большинство компаний, представленных на территории РФ, применяют центр оценки с двойной целью — отбора и развития персонала [19].

2. Оценка участников в центрах оценки проводится по компетенциям/критериям. Описание каждого критерия представлено совокупностью образцов поведения.

В российских центрах оценки обычно оценивается не более восьми компетенций, среди которых наибольшей популярностью пользуются лидерство и мотивация, ориентация на результат, ответственность, второе место занимают планирование и организация работы, командная работа и замыкает тройку лидеров коммуникабельность, аналитическое мышление [19].

3. Количество участников центра оценки варьируется и обычно не превышает 12 человек, продолжительность мероприятия может занимать от одного до трех дней. Самой популярной в отечественных центрах оценки целевой группой являются менеджеры среднего звена [19].

4. Центр оценки включает в себя различные методы. Основой центра оценки выступают моделирующие упражнения. В качестве дополнительных методов обычно используют интервью и тестирование. В российских центрах оценки обычно используется от 3 до 8 упражнений, наиболее популярными из которых являются аналитические кейсы и ролевые игры [19].

5. Оценка по каждому критерию должна основываться на результатах наблюдения как минимум двух экспертов, прошедших специальное обучение.

Технология центра оценки является трудоемким и ресурсозатратным методом, поэтому у компаний возникает соблазн снизить издержки за счет, например, сокращения программы цен-

тра оценки или экономии на пилотажном исследовании и др. В таком случае нужно понимать, что данные меры представляют серьезную угрозу для надежности получаемых результатов в ходе центра оценки.

Тестирование

Тестирование персонала зачастую является как неотъемлемой частью центров оценки [5], причем за рубежом эту часть склонны расширять [3], так и дополнительным методом при отборе сотрудников. Согласно данным исследования компании Headhunter (на основе 29 компаний, представленных на территории РФ) [12], наиболее популярными инструментами при оценке внешних сотрудников выступают мотивационные опросники (56 %), тесты на оценку профессиональных знаний и умений, а также тесты системного мышления (по 44 %), замыкает тройку лидеров метод структурированного интервью (39 %). Выбор технологий при внутреннем конкурсе выглядит схожим образом, однако тесты на оценку профессиональных знаний занимают лидирующее место (53 %), далее следуют мотивационные опросники (47 %), третье место принадлежит методу структурированного интервью, тесты системного мышления переместились на 4 место (32 %).

Данные исследования (на выборке 29 компаний) [12], консультативная практика организаций авторов статьи, а также присутствие на рынке как российских, так и западных провайдеров в области услуг по оценке персонала (не менее 30) говорят в пользу популярности тестирования персонала. Вероятно, востребованность психодиагностических процедур связана с потребностью организаций в качественном инструментарии для отбора, оценки и развития персонала с целью получения наиболее объективных результатов.

Стоит отметить, что за последние годы произошло развитие психодиагностики в нашей стране. Например, в 2015 году была создана временная версия Российского стандарта тестирования персонала [5], разработаны методические инструменты для сертификации психодиагностических методик и пользователей (документация выложена на сайте Лаборатории «Гуманитарные технологии»), на рынке появились новые качественные методики. Однако многие проблемные зоны психодиагностики, изложенные Н. А. Батуриным [3], остаются актуальными и по сей день. Среди них дефицит профессиональных разработчиков психодиагностических методик и сложившихся психодиагностических школ, отсюда и единичные курсы повышения квалификации, одна магистерская программа при НИУ ВШЭ под названием «Измерения в психологии и образовании»; малое количество профессиональных отечественных методик, разработанных в соответствии с международными требованиями, в частности Стандартами APA, EFPA, требованием к тестам BPS; низкая психодиагностическая и психометрическая культура пользователей методик; нарушение этических нормативов и некоторые др. В результате компании не всегда выбирают адекватный оценочный инструментарий для своих целей (даже если он обладает хорошими психометрическими показателями) и, как следствие, некорректно оценивают людей. Например, мотивацию измеряют часто с помощью опросников, т. е. стандартизированных самоотчетов, что в ситуации профессионального отбора может влиять на ответы респондентов с точки зрения их социальной желательности, при этом лица, принимающие решения, не всегда берут данный аспект в расчет. Наиболее полное изложение данной проблематики приводится в статье Лурье [13]. В связи с вышесказанным представляется важным порекомендовать пользователям повышать уровень своих компетенций в области психодиагностики и привлекать к решению задач специалистов.

В заключение хотелось бы отметить общие тенденции в подборе персонала. Одним из трендов в сфере управления человеческими ресурсами является диджитализация, которая в контексте подбора персонала направлена на снижение затрат (временных, человеческих) при массовом найме. Каждая вторая компания (47 %) при прочих равных условиях предпочтет автоматизацию традиционному найму специалистов за те же деньги. Особенно эта тенденция характерна для компаний с численностью более 500 человек (71 %) [12]. Несмотря на барьеры и ограничения применения (например, чат ботов для поиска резюме и проведения первичных телефонных переговоров), предполагается, что искусственный интеллект снимет часть обязанностей рекрутеров если не сейчас, то в ближайшем будущем [12]. Речь идет скорее не о «вымирании» сферы управления человеческими ресурсами, а о трансформации ее роли в организации. Вероятно, от специалистов по управлению человеческими ресурсами потребуется развитие таких междисциплинарных компетенций, как навыки в области маркетинга, бренд-менеджмента, информационных технологий, финансов, корпоративных отношений и социальной деятельности, а также метапрофессиональных умений, связанных с решением профессиональных задач в условиях неопределенности и изменчивости.

Литература

1. Ананьева Т. Для чего нужен бренд работодателя и как его развить в кризис [Электронный ресурс] / Т. Ананьева // Отрасли права. Аналитический портал. — URL: http://отрасли-права.рф/article/22205 (дата обращения: 05.11.2017).
2. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг ; пер. с англ. под ред. С. К. Мордовина. — 10-е изд. — СПб. : Питер, 2012.
3. Батурин Н. А. Современная психодиагностика России: преодоление кризиса и решение новых проблем / Н. А. Батурин // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Психология. — 2010. — Вып. 40(216). — С. 4—12.
4. Батурин Н. А. Российский стандарт тестирования персонала (временная версия, созданная для широкого обсуждения в 2015 году) [Электронный ресурс] / Н. А. Батурин [и др.] // Организационная психология. — 2015. — Т. 5, № 2. — С. 67—138. — URL: http://orgpsyjournal.hse.ru (дата обращения: 05.11.2017).
5. Вучетич Е. В. Российский стандарт центра оценки [Электронный ресурс] / Е. В. Вучетич [и др.] // Организационная психология. — 2013. — Т. 3, № 2. — С. 8—32. — URL: http://orgpsyjournal.hse.ru (дата обращения: 05.11.2017).
6. Ерофеев А. К. Авторские технологии разработки моделей компетенций [Электронный ресурс] / А. К. Ерофеев, Т. Ю. Базаров // Организационная психология. — 2014. — Т. 4, № 4. — С. 74—92. — URL: http://orgpsyjournal.hse.ru (дата обращения: 01.10.2017).
7. Ефимова Г. З. Влияние социальных сетей на личность [Электронный ресурс] / Г. З. Ефимова, Е. В. Зюбан // Интернет-журн. «Мир науки». — 2016. — Т. 4, № 5. — С. 1—27. — URL: http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN516.pdf.
8. Жуков Ю. М. Эффективность центров оценки: историческая перспектива [Электронный ресурс] / Ю. М. Жуков // Организационная психология. — 2016. — Т. 6, № 4. — С. 30—52. — URL: http://orgpsyjournal.hse.ru (дата обращения: 06.11.2017).
9. Иванова С. В. Искусство подбора персонала: как оценить человека за час / С. В. Иванова. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2012.
10. Йеттер В. Эффективный отбор персонала. Метод структурированного интервью / В. Йеттер. — Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2011.
11. Каптилович Т. К. Современная российская модель компетенций / Т. К. Каптилович // Управление развитием персонала. — 2013. — № 4(36). — С. 268—277.
12. Ключевые тренды на рынке оценки персонала 2017 // Служба исследований HeadHunter. Август 2017. — URL: https://hhcdn.ru/file/16480572.pdf.
13. Лурье Е. В. Психологические тесты в оценке компетенций / Е. В. Лурье // Кадровик. Кадровый менеджмент. — 2009. — № 9. — С. 65—78.
14. Минчингтон Б. HR-бренд: как стать лидером. Строим компанию мечты / Б. Минчингтон. — М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
15. Михеев Ю. Модель компетенций: быть или не быть? [Электронный ресурс] / Ю. Михеев // Штат. — 2017. — URL: http://www.hrmedia.ru/node/1519 (дата обращения: 01.11.2017).
16. Привлечение талантов: появление когнитивного рекрутинга. Глава третья из отчета Deloitte 2017 [Электронный ресурс] // Управление талантами. — URL: https://www.talent-management.com.ua/3191-privlechenie-talantov-kognitivniy-rekruting-glava-otcheta-deloitte-2017 (дата обращения: 01.11.2017).
17. Развитие HR-процессов и использование digital-инструментов в российских компаниях [Электронный ресурс] // Служба исследований HeadHunter. Июль 2017. — URL: https://hhcdn.ru/file/16480569.pdf (доступ свободный).
18. Управление человеческими ресурсами : учеб. и практикум для прикладного бакалавриата / О. М. Исаева, Е. А. Припорова. — 2-е изд. — М. : Юрайт, 2016.
19. Центр оценки: современная практика применения в России. Аналитический отчет, 2014 [Электронный ресурс] // Федерация оценки персонала под эгидой НК РЧК. — URL: http://hrdevelopment.ru/federations/f_assess/report2014.pdf.
20. Data-enabled employee profile (DEEP). Новый подход к разработке модели компетенций [Электронный ресурс] / ЭКОПСИ консалтинг. — URL: http://www.hrmedia.ru/sites/default/files/2016_deep_vozvrat_k_istokam_konferenciya_shtat.pdf (доступ свободный).

MODERN TRENDS IN THE RECRUITMENT PROCESS

E. A. Priporova

National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia)

epriporova@hse.ru

E. E. Voilokova

National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia)

evoilokova@hse.ru

The article deals with applicability of a well-structured process of staff recruitment for organizations. The authors took as a basis the stages of recruitment developed by M. Armstrong. The authors described the main characteristics of the stages, highlighted the typical problems of the stages in the present-day practice and gave recommendations for their overcoming. At the stage of defining demands it is necessary to develop "working" efficient models of competencies, which is possible only with the use of well-proven methodological approaches and the technology compliance. At the stage of head hunting it is important to use both traditional methods of search for employees and more modern tools such as social

media. For this purpose, regardless of the choice of recruitment channel, it is important to position the organization/vacancy correctly in order to increase the response from "our", suitable candidates. At the stage of selection the employer measures the candidates and makes decisions. The article studies the most popular methods for evaluating candidates at the "entrance" to the company. They are interviews, testing and assessment center. The authors consider that companies sometimes underestimate the possibility of the interview method as well as overestimate psychodiagnostic methods for a number of tasks. The authors believe that specialist capacity building in the field of human resource management will help to deal with the problems.

Key words: staff recruitment, staff assessment, assessment methods, assessment center, testing.

References

1. Ananjeva T. Dlya chego nuzhen brend rabotodatelya i kak ego razvit v krizis [Why the employer's brand is needed and how to develop it in a crisis]. Otrasli prava. Analiticheskiy portal [Branches of law. Analytical portal]. Available at: http://otrasli-prava.rf/article/22205 (Accessed: 05.11.2017).
2. Armstrong M. (2012) Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami [The practice of human resource management]. 10th ed. SPb.: Piter.
3. Baturin N. A. (2010) Sovremennaya psihodiagnostika Rossii: preodolenie krizisa i reshenie novyh problem [Modern psychodiagnostics in Russia: overcoming the crisis and solving new problems]. Vestnik Juzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Psihologija, 40 (216), p. 4—12.
4. Baturin N. A. et al. (2015) Rossijskiy standart testirovaniya personala (vremennaya versiya, sozdannaya dlya shirokogo obsuzhdeniya v 2015 godu) [The Russian Standard of Personnel Testing (a temporary version created for a broad discussion in 2015)]. Organizatsionnaya psihologiya, Vol. 5, (2), p. 67—138. Available at: http://orgpsyjournal.hse.ru (Accessed: 05.11.2017).
5. Vuchetich E. V. et al. (2013) Rossijskiy standart tsentra otsenki [Russian Standard of the Assessment Center]. Organizatsionnaya psihologiya, Vol. 3, (2), p. 8—32. Available at: http://orgpsyjournal.hse.ru (Accessed: 05.11.2017).
6. Erofeev A. K., Bazarov T. Yu. (2014) Avtorskie tehnologii razrabotki modeley kompetentsiy [Original competences modeling technologies]. Organizatsionnaya psihologiya, Vol. 4, (4), p. 74—92. Available at: http://orgpsyjournal.hse.ru (Accessed: 01.10.2017).
7. Efimova G. Z., Zyuban E. V. (2016) Vliyanie sotsialnyh setey na lichnost [Influence of social networks on personality]. Internet-zhurnal "Mir nauki" [Internet-journal "The World of Science"]. Vol. 4, (5), p. 1—27. Available at: //mir-nauki.com/PDF/20PSMN516.pdf (dostup svobodnyj) [access is free].
8. Zhukov Yu. M. (2016) Effektivnost tsentrov otsenki: istoricheskaya perspektiva [Effectiveness ofassessment centers: historical perspective]. Organizatsionnaya psihologiya, Vol. 6, (4), p. 30—52. Available at: http://orgpsyjournal.hse.ru (Accessed: 06.11.2017).
9. Ivanova S. V. (2012) Iskusstvo podbora personala: Kak otsenit cheloveka za chas [The art of recruiting: How to evaluate a person for an hour]. Moscow: Alpina Biznes Buks.
10. Jetter V. (2011) Effektivnyj otbor personala. Metod strukturirovannogo intervju [Effective staff selection. Structured interview method]. H.: Izd-vo "Gumanitarnyj Tsentr".
11. Kaptilovich T. K. (2013) Sovremennaya rossijskaya model kompetentsiy [Modern Russian model of competences]. Upravlenie razvitiem personala, 4 (36), p. 268—277.
12. Klyuchevye trendy na rynke otsenki personala 2017 [Key Trends in the Staff Assessment Market 2017]. Sluzhba issledovaniy HeadHunter Avgust 2017 [HeadHunter Research Service. August 2017]. Available at: https://hhcdn.ru/file/16480572.pdf (dostup svobodnyj) [access is free].
13. Lurje E. V. (2009) Psihologicheskie testy v otsenke kompetentsiy [Psychological tests in the assessment of competencies]. Kadrovik. Kadrovyj menedzhmen, (9), p. 65—78.
14. Minchington B. (2011) HR brend: kak stat liderom. Stroim kompaniyu mechty [HR brand: how to become a leader. Building a Dream Company]. Moscow: OOO "Yunajted Press".
15. Miheev Ju. (2017) Model kompetentsiy: byt ili ne byt'? [Competency model: to be or not to be?]. Zhurnal "Shtat". Available at: http://www.hrmedia.ru/node/1519 (Accessed: 01.11.2017).
16. Privlechenie talantov: poyavlenie kognitivnogo rekrutinga. Glava tretja iz otcheta Deloitte 2017 [Attraction of talents: the emergence of cognitive recruiting. Chapter Three of the Deloitte 2017 Report]. Upravlenie talantami. Available at: https://www.talent-management.com.ua/3191-privlechenie-talantov-kognitivniy-rekruting-glava-otcheta-deloitte-2017/ (Accessed: 01.11.2017).
17. Razvitie HR-processov i ispolzovanie digital-instrumentov v rossijskih kompaniyah [Development of HR processes and the use of digital tools in Russian companies]. Sluzhba issledovaniy HeadHunter. Iyul 2017 [Research Service HeadHunter. July 2017]. Available at: https://hhcdn.ru/file/16480569.pdf (dostup svobodnyj) [access is free].
18. Isaeva O. M., Priporova E. A. (2017) Upravlenie chelovecheskimi resursami: uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata [Human Resource Management: A Textbook and Workshop for Applied Bachelor Degree]. Moscow: Izdatelstvo Jurajt, 244 p.
19. Tsentr otsenki: sovremennaya praktika primeneniya v Rossii. Analiticheskiy otchet, 2014 [Evaluation Center: modern practice in Russia. Analytical report, 2014]. Federatsiya otsenki personala pod egidoy NK RChK [The Federation of personnel assessment under the auspices of the NK RChC]. Available at: http://hrdevelopment.ru/federations /f_assess/report 2014.pdf (dostup svobodnyj) [access is free].
20. Data-enabled employee profile (DEEP). Novyj podhod k razrabotke modeli kompetentsiy [A new approach to the development of competences models]. Jekopsi konsalting [Ekopsy Consulting]. Available at: http://www.hrmedia.ru/sites/default /files/2016_deep_vozvrat_k_istokam_konferenciya_shtat.pdf (dostup svobodnyj) [access is free].

Г. С. Спирчагов

Управление Федеральной антимонопольной службы по Ульяновской области, Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия)

to73@fas.gov.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

Сегодня экономическое развитие любой страны немыслимо без наличия справедливой конкуренции — соревнования хозяйствующих субъектов. Значение исполнения законодательства о контрактной системе в последнее время возросло. Данное обстоятельство обусловлено проблемами в развитии экономики и необходимостью эффективного использования бюджетных средств. Указанный вывод подтверждается принятием в декабре 2017 года Национального плана развития конкуренции на 2018—2020 годы. В статье впервые рассматриваются вопросы, связанные с применением норм административной ответственности в сфере нарушений законодательства о контрактной системе, на примере Ульяновской области.

Ключевые слова: конкуренция, ответственность, правонарушение, закупки, контрактная система.

Важным элементом в развитии экономики является система государственных заказов. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) был принят в целях экономии и эффективности использования бюджетных средств.

Руководитель ФАС России И. Артемьев высказался следующим образом: «Конкуренция — это основа поступательного движения страны, она обеспечивает постоянное совершенствование и динамичное внедрение в экономику инновационных технологий» [1].

Объем рынка государственных закупок в 2016 году в РФ достиг 25 % от бюджета. Естественно, растёт и ответственность должностных и юридических лиц за нарушения Закона о контрактной системе.

В соответствии с частью 1 статьи 107 Закона о контрактной системе лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации [2].

Административная ответственность в сфере нарушения законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд установлена главами 7, 9, 19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Частями 2.4 и 2.10 КоАП РФ предусмотрено, что привлечению к административной ответственности подлежат как должностные, так и юридические лица.

Согласно постановлению Правительства РФ от 26 августа 2013 г. № 728 «Об определении полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» Федеральная антимонопольная служба является федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

При этом пунктом 1 приказа ФАС России от 23.07.2015 № 649/15 «Об утверждении положения о территориальном органе ФАС России» установлено, что территориальный орган ФАС России осуществляет функции, в том числе по контролю в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд [3].

Контрольные органы в сфере закупок рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных частями 1—2.1 статьи 7.29 КоАП РФ, частями 1—4.2, 6—8, 10,

11, 13, 14 статьи 7.30 КоАП РФ, частью 2 статьи 7.31 КоАП РФ, статьей 7.31.1 КоАП РФ, частями 1—6 статьи 7.32 КоАП РФ, частью 1 статьи 7.32.5 КоАП РФ, частью 11 статьи 9.16 КоАП РФ, частью 7 статьи 19.5 КоАП РФ, статьей 19.7.2 КоАП РФ (за исключением сферы государственного оборонного заказа и сферы государственной тайны).

Рассматривать дела об административных правонарушениях от имени контрольных органов в сфере закупок в пределах своих полномочий вправе руководители федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок и их заместители, руководители структурных подразделений федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок и их заместители, руководители территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок и их заместители, руководители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере закупок и их заместители, руководители структурных подразделений органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере закупок и их заместители.

Законодателем установлена административная ответственность за совершение правонарушений в сфере законодательства о контрактной системе в виде назначения административного штрафа и дисквалификации [4].

Предусмотренные КоАП РФ административные правонарушения можно классифицировать по следующим группам:

• нарушения при принятии решения о способе и об условиях определения исполнителя (части 1—2.1 статьи 7.29 КоАП РФ);

• нарушение порядка осуществления закупок (части 1—4.2, 6—8, 10, 11, 13, 14 статьи 7.30 КоАП РФ);

• нарушения при ведении реестра контрактов, реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (часть 2 статьи 7.31 КоАП РФ);

• нарушения, связанные с действиями оператора электронной площадки (статья 7.31.1 КоАП РФ) (следует обратить внимание, что в соответствии с Приказом ФАС России от 13.10.2015 № 955/15 территориальные органы ФАС России обязаны передавать для рассмотрения в центральный аппарат ФАС России обращения (информацию) для проведения внеплановых проверок соответствия действий оператора электронной площадки, в связи с чем практика привлечения к административной ответственности за нарушения, связанные с действиями оператора электронной площадки (статья 7.31.1 КоАП РФ), в территориальных антимонопольных органах отсутствует);

• нарушения порядка заключения, изменения контракта (части 1—6 статьи 7.32 КоАП РФ);

• нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок (часть 1 статьи 7.32.5 КоАП РФ);

• нарушение законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности (осуществление закупок товаров, работ, услуг, не соответствующих требованиям их энергетической эффективности (часть 11 статьи 9.16 КоАП РФ));

• невыполнение в срок законного предписания органа, уполномоченного в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора (часть 7 статьи 19.5 КоАП РФ);

• непредставление информации и документов или представление заведомо недостоверных информации и документов в орган, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (статья 19.7.2 КоАП РФ).

Необходимо отметить, что новым в административной ответственности является введение Федеральным законом от 26.07.2017 № 189-ФЗ статьи 7.32.5 в КоАП РФ, предусматривающей ответственность за нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Указанная норма предусматривает ответственность за нарушение должностным лицом заказчика срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования, предусмотренного государственным или муниципальным контрактом, и влечет наложение административного штрафа в размере от 30 000 до 50 000 рублей.

При этом за совершение аналогичного административного правонарушения законодатель предусмотрел дисквалификацию должностного лица заказчика на срок от одного года до двух лет.

В соответствии с частью 1 статьи 4.5 КоАП постановление по делу об административном правонарушении за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципаль-

ных нужд (далее — законодательство Российской Федерации о контрактной системе) не может быть вынесено по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

При этом Министерством экономического развития РФ высказана следующая позиция о внесении изменений в часть 1 статьи 4.5 КоАП РФ в части увеличения срока давности привлечения к административной ответственности за нарушения законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд до двух лет [5].

Закрепляя такие сроки и определяя правила их исчисления, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П, федеральный законодатель должен, руководствуясь вытекающим из части 3 статьи 17 и части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации требованием соблюдения баланса частных и публичных интересов при осуществлении правового регулирования прав и свобод человека и гражданина, создать условия, необходимые для обеспечения неотвратимости административной ответственности, и одновременно не допустить того, чтобы совершившие административные правонарушения лица, как физические, так и юридические, в течение неоправданно длительного времени находились под угрозой возможности административного преследования и применения административного наказания [6].

Привлечение виновных лиц к административной ответственности за нарушение требований законодательства Российской Федерации о контрактной системе не преследует карательной цели, а направлено на улучшение дисциплины при осуществлении заказчиками закупочной деятельности [7].

Исходя из анализа составов административных правонарушений в сфере законодательства о контрактной системе, указанных в КоАП РФ, следует, что данные административные правонарушения относятся к правонарушениям с формальным составом и не предусматривают определение состава административного правонарушения исходя из наличия каких-либо последствий действия (бездействия).

Как показывают статистические данные (табл. 1), наиболее часто встречающимися административными правонарушениями в сфере закупок являются необоснованный отказ (допуск) к участию в закупках (норма части 2 статьи 7.30 КоАП РФ) и утверждение документации, не соответствующей требованиям законодательства (норма части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ).

Так, 29,4 % из общего количества дел Ульяновского УФАС России было возбуждено в 2015 году по части 2 статьи 7.30 КоАП РФ, в 2016 году — 37,5 %, в 2017 — 25,5 %.

В 2017 году наибольшее количество возбужденных дел Ульяновским УФАС России составили дела по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ (39,9 % от общего количества). Также в 2016 году по данной норме были возбуждены 30,3 % дел от общего числа.

Анализ практики обжалования вынесенных Ульяновским УФАС России постановлений показывает, что количество обжалованных постановлений Ульяновского УФАС России за период 2015—2017 гг. составляет в среднем 8,6 %, при этом количество отмененных постановлений всего 2,4 % (табл. 2).

Приведем примеры привлечения к административной ответственности должностных лиц Ульяновской области по части 2 статьи 7.30 КоАП РФ и части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ, которые впоследствии были обжалованы и оставлены судом без изменения:

• В действиях Администрации МО «Ульяновский район» при проведении электронного аукциона на реконструкцию водовода и водопроводных сетей было выявлено нарушение пункта 1 части 1 статьи 31 Закона о контрактной системе, а именно: в аукционной документации было установлено требование к участникам закупки о наличии свидетельства о допуске СРО по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства, с нарушением норм действующего законодательства. За данное правонарушение должностное лицо Администрации МО «Ульяновский район» было привлечено по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ. Постановление о наказании было обжаловано в Ульяновский районный суд, который поддержал позицию антимонопольного органа.

Таблица 1

Количество дел, возбужденных Ульяновским УФАС России за период 2015—2017 гг.

	2015 год	2016 год	2017 год
Часть 1 статьи 7.29	1	2	7
Часть 2 статьи 7.29	7	6	3
Часть 1 статьи 7.30	1		
Часть 1.2 статьи 7.30		1	
Часть 1.3 статьи 7.30		1	
Часть 1.4 статьи 7.30	12	25	17
Часть 2 статьи 7.30	120 (29,4 %)	115 (37,5 %)	62 (25,5 %)
Часть 2.1 статьи 7.30	6	5	3
Часть 3 статьи 7.30	10	1	1
Часть 4 статьи 7.30	77		
Часть 4.1 статьи 7.30	3	2	
Часть 4.2 статьи 7.30	85 (20,8 %)	93 (30,3 %)	97 (39,9 %)
Часть 6 статьи 7.30	8	9	3
Часть 7 статьи 7.30		6	13
Часть 8 статьи 7.30		1	1
Часть 11 статьи 7.30	12	6	8
Часть 2 статьи 7.31	16	19	18
Часть 1 статьи 7.32	40	2	4
Часть 3 статьи 7.32		1	
Часть 4 статьи 7.32	6	9	1
Часть 5 статьи 7.32		1	
Часть 6 статьи 7.32		3	
Часть 7 статьи 19.5	4		
Часть 1 статьи 7.32.5			4
Статья 19.7.2		1	1
ИТОГО	408	309	243

Таблица 2

Отношение количества обжалованных и отмененных постановлений Ульяновского УФАС России к количеству постановлений, вынесенных за период 2015—2017 гг.

	2015 год		2016 год		2017 год	
Количество вынесенных постановлений	408		309		243	
Количество обжалованных постановлений	25 (6,1 %)		28 (9 %)		26 (10,7 %)	
Количество отмененных постановлений	7 (1,7 %)		8 (2,6 %)		7 (2,9 %) (10 постановлений в стадии рассмотрения)	
	Полностью отменены	Отменены в связи с малозначительностью	Полностью отменены	Отменены в связи с малозначительностью	Полностью отменены	Отменены в связи с малозначительностью
	4	3	5	3	1	6

• Ульяновский областной суд, отклонив доводы заявителя, признал законным постановление о наказании Ульяновского УФАС России, назначенного в отношении должностного лица Законодательного Собрания Ульяновской области. В ходе внеплановой камеральной проверки Инспекцией Ульяновского УФАС России было установлено, что должностное лицо заказчика утвердило документацию об аукционе на оказание услуг по освещению деятельности ЗСУО на интернет-сайте с нарушением требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. В документации об аукционе содержалась характеристика услуги, а также требования к оказываемым услугам, в том числе срок работы интернет-портала — не менее 5 лет. Вместе с тем в данном случае срок работы интернет-портала напрямую связан с исполнителем требуемой заказчику услуги и подразумевает наличие опыта работы исполнителя в целом, что противоречит части 3 статьи 33 Закона о контрактной системе. Возможность государственных заказчиков произвольно устанавливать требования к опыту работы исходя только из собственных потребностей не основана на нормах действующего законодательства и противоречит положениям Закона о контрактной системе, не допускающего в том числе необоснованного ограничения круга потенциальных участников закупки. За данное правонарушение Ульяновское УФАС России оштрафовало должностное лицо Законодательного Собрания Ульяновской области на 3000 рублей. Нарушитель обжаловал постановление о наказании в судебном порядке. Ленинский районный суд, рассмотрев материалы дела, отменил ненормативный акт управления. Антимонопольный орган обжаловал решение суда первой инстанции в Ульяновский областной суд, который, отменив его, направил дело на новое рассмотрение в Ленинский районный суд. Рассмотрев материалы дела повторно, суд первой инстанции признал постановление о наказании законным. Должностное лицо Законодательного Собрания Ульяновской области обратилось в Ульяновский областной суд, который оставил требования заявителя без удовлетворения, а постановление о наказании признал законным и обоснованным.

• Комитетом дорожного хозяйства, благоустройства и транспорта администрации города Ульяновска в 2015 году были размещены 32 аукциона на ремонт дворовых территорий многоквартирных домов, проездов и дворовых территорий города Ульяновска по округам. При этом в аукционных документациях было установлено неправомерное требование к участникам закупки о наличии у них свидетельства о допуске СРО, что является нарушением пункта 1 части 1 статьи 31 Закона о контрактной системе. Из анализа аукционных документаций антимонопольным органом был сделан вывод, что указанные в локальных сметах работы являются ремонтом тротуаров и подъездов к многоквартирным домам, а следовательно, не требуют наличия допуска СРО. Кроме этого, из представленных документов не следовало, что проводимые работы оказывали влияние на безопасность объектов капитального строительства. Несмотря на то, что одно из принятых решений по 32 аукционам было обжаловано в Арбитражном суде Ульяновской области, который поддержал правомерность выводов Ульяновского УФАС России, а Одиннадцатый Арбитражный апелляционный суд оставил в силе решение суда первой инстанции, должностное лицо Комитета дорожного хозяйства, благоустройства и транспорта администрации города Ульяновска, которое было привлечено по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ, обжаловало постановление в Ленинский районный суд, а затем в Ульяновский областной суд. Вместе с тем суды первой и второй инстанции признали постановление о наказании законным.

• В августе 2015 года Администрация МО «Сурский район» проводила открытый конкурс на выполнение работ по строительству внутрипоселковых газопроводов в населённых пунктах с. Никитино, с. Чеботаевка, с. Лебедевка, с. Астрадамовка Сурского района Ульяновской области с нарушением законодательства о контрактной системе. Конкурсная документация была сформирована без надлежащего порядка рассмотрения и оценки заявок на участие в конкурсе, а именно отсутствовало четкое описание необходимых к предоставлению участником документов и сведений о качестве работ, что не позволило впоследствии определить сведения, подлежащие оценке единой комиссией. Данный факт был признан нарушением пункта 9 части 1 статьи 50 Закона о контрактной системе. За указанное нарушение муниципального чиновника по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ оштрафовали на 3000 рублей. Законность постановления о наказании была подтверждена Карсунским районным судом Ульяновской области.

• В ходе рассмотрения жалобы на действия единой комиссии ГУЗ «Центральная городская клиническая больница г. Ульяновска» при проведении аукциона в электронной форме на услуги по стирке с применением специальных

пятновыводящих, обеззараживающих и моющих средств, сушке и глажению больничного белья и специальной медицинской одежды Ульяновским УФАС России было установлено, что единая комиссия учреждения признала вторую часть заявки на участие в закупке не соответствующей требованиям документации об аукционе по основаниям, не предусмотренным законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. Согласно протоколу подведения итогов электронного аукциона заявка признана единой комиссией не соответствующей в связи с наличием в ней недостоверной информации об участнике аукциона (информация о дате протокола общего собрания учредителей, содержащаяся в приказе, не соответствует дате самого приказа общего собрания учредителей). Вместе с тем Ульяновское УФАС России посчитало, что указанная техническая ошибка в приказе не может быть расценена как предоставление недостоверной информации участником, при том, что участник с данным документом получил аккредитацию на электронной торговой площадке ЗАО «Сбербанк АСТ». Указанные действия были признаны административным правонарушением, квалифицированным по части 2 статьи 7.30 КоАП РФ. Ульяновское УФАС России вынесло постановления о привлечении виновных к административной ответственности в виде штрафа в размере 30 000 рублей. Не согласившись с позицией антимонопольного органа, члены единой комиссии оспорили постановления в судебном порядке, однако Ленинский районный суд г. Ульяновска признал законность действий Управления, оставив в силе назначение штрафов [8].

Следует отметить, что исходя из правоприменительной практики должностные лица в судебном порядке не оспаривают наличие состава административного правонарушения, а просят при оценке обстоятельств дела применить статью 2.9 КоАП РФ, поскольку допущенное нарушение было устранено в установленный антимонопольным органом срок либо не повлияло на результат определения победителя, а также в связи с отсутствием нарушенных прав участников закупки.

Суды в обосновании позиции о законности вынесенных Ульяновским УФАС России постановлений обращают внимание на следующее.

Согласно статье 2.9 КоАП РФ при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

Из разъяснений, содержащихся в пункте 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», следует, что малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений [9].

При этом необходимо иметь в виду, что с учетом признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения.

Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения. Они в силу частей 2 и 3 статьи 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания.

Состав административного правонарушения не предусматривает наступление материального вреда и носит формальный характер. Объектом посягательства являются охраняемые общественные отношения в области порядка осуществления закупки товаров, работ и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, что исключает возможность отнесения административного правонарушения к малозначительным.

Литература

1. Конкурентное право России : учеб. / Д. А. Алёшин, И. Ю. Артемьев, Е. Ю. Борзило и др. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — С. 14.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
3. Пономарева Т. Т. Как защитить бизнес в спорах с ФАС и конкурентами / Т. Т. Пономарева. Ч. II // Экономико-правовой бюл. — 2017. — № 7. — С. 15.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.12.2017).
5. Письмо Министерства экономического развития РФ от 29 сентября 2016 г. № Д28и-2654.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П // СПС КонсультантПлюс.
7. Храмкин А. А. Кадровое обеспечение контрактной системы / А. А. Храмкин // Бюджет. — 2013. — № 6. — С. 46.
8. Обзор решений и предписаний за 2016—2017 гг. УФАС по Ульяновской области. — URL: http://ulyanovsk.fas.gov.ru.
9. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF LEGISLATION ON CONTRACTING

G. S. Spirchagov

Office of the Federal Antimonopoly Service of Ulyanovsk Region,
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

to73@fas.gov.ru

Today the economic growth of any country is impossible without fair competition — the competition of economic entities. The role of legislative execution on contracting has increased recently. This is caused by the problems in economic growth as well as the necessity for the efficient use of budgetary means. It is proved by the adoption of the competition development plan in December 2017 for 2018—2020. The article deals with the issues surrounding administrative enforcement in the field of breach of legislation on contracting on the example of Ulyanovsk Region.

Key words: competition, responsibility, law violation, procurements, contracting.

References

1. Aleshin D. A., Artemjev I. Yu., Borzilo E. Yu. (2012) Konkurentnoe pravo Rossii [Russian Competition law]. Moscow: Izd. Dom Vysshey Shkoly ekonomiki, p. 14.
2. Federalnyj zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ "O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i munitsipalnyh nuzhd" [Federal Law under 05.04.2013 № 44-FL "On Contract systems in the sphere of procurement of goods, works and services for provisioning governmental and municipal needs"].
3. Ponomareva T. T. (2017) Kak zashchitit biznes v sporah s FAS i konkurentami. Chast II [How to protect business in disputes with FAS and business rivals. Part II]. Ekonomiko-pravovoy byuleten, (7), 160 p.
4. Kodeks Rossijskoy Federatsii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. от 31.12.2017). [Russian Federation Administrative Offence Code under date of 30.12.2001 № 195-FL].
5. Pismo Ministerstva Ekonomicheskogo razvitiya RF ot 29 sentyabrya 2016 g. № Д28и-2654 [The letter of the Ministry of economic development of RF under date of the 29th September № Д28и-2654].
6. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossijskoy Federatsii ot 14 fevralya 2013 g. № 4-П [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 14, 2013 № 4-П]. ATP ConsultantPlus.
7. Khramkin A. A. (2013) Kadrovoe obespechenie kontraktnoy sistemy [Staff assistance of contract system]. Byudget, (6), p. 46—47.
8. Obzor resheniy i predpisaniy za 2016—2017 gg. UFAS po Ul'yanovskoy oblasti [Review of decisions and regulations for 2016—2017. OFAS for Ulyanovsk region]. Available at: http://ulyanovsk.fas.gov.ru.
9. Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.03.2005 № 5 "O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh u sudov pri primenenii Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh" [Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2005 № 5 "On some issues arising in courts when applying the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses"]. ATP ConsultantPlus.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. В. Горшкова
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
it@ulsu.ru

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФИЗИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА НАУКИ УЧЕНЫХ В XX ВЕКЕ*

В работе рассмотрен исследовательский потенциал концептов «образ науки» и «историческая память» научного сообщества в эпистемологии истории науки. Обозначены механизмы формирования и изменения исторической памяти. Историческая память научного сообщества определена как одна из форм коллективной памяти, имеющая большое значение в идентификации национальных научных сообществ. Описана структура коллективной памяти научного сообщества, которая содержит культурный, исторический и коммуникативный уровни. Следует выделять культурную память научного сообщества в целом, историческую память дисциплинарных и национальных научных сообществ и коммуникативную память отдельных ученых. Историческая память дисциплинарного сообщества создается селекцией фактов, приданием этим фактам особой значимости и интерпретацией прошлых событий в связи с текущими потребностями. По направленности рефлексии ученых уместно выделять онтологический, методологический и исторический уровни. Исторический уровень рефлексии ученых формирует представления ученых об истории развития науки, на основе истории личностей, истории идей (история развития научных проблем и дисциплин), социальной истории науки, концептуализации истории науки. Осознание роли истории физики способствовало тому, что в СССР с 1920-х годов целенаправленно создавалась историческая память физического научного сообщества.

Ключевые слова: память научного сообщества, структура исторической памяти, историческая, культурная и коммуникативная память научного сообщества, образ науки, историческая рефлексия ученых.

***** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 17-33-01023.

Обращение к категории «образ науки» позволяет осуществить системный подход к истории науки и рассмотреть ее в единстве исторического развития научных идей и открытий, индивидуальных личностных особенностей ученых, правил и процедур научных сообществ, научно-организационных структур. С точки зрения А. П. Огурцова, образы науки — это существующее как в массовом сознании, так и в самосознании самой науки специфическое восприятие ее структуры, связи ее компонентов, интерпретация функций, задач и смысла науки, последствий ее прогресса как синтетическое, интегративное представление о науке. Поэтому образы науки отражают различные аспекты ее существования (социальный, ценностный, функциональный, исторический, общекультурный, национальный и др.) и отношение к ней людей из разных социальных групп, разных культур, что связано с национальными и социальными особенностями тех или иных обществ, с абстрактными культурными смыслами, ценностями и т. п. [8, с. 349]. В зависимости от утверждений о сущности познаваемого объекта и ценностей, которые опосредуют его онтологию, образуется спектр образов науки различного содержания. Образы науки различны не только в разных дисциплинарных подходах, но и в рамках одной

дисциплины. Структура образа науки включает в себя: целостное представление о научном знании, своего рода модель науки; представление о науке как социальном институте; представление об идеале научного знания и базовых ценностях научного сообщества; совокупность представлений о закономерностях развития научного знания, которые хранятся в исторической памяти научного сообщества.

Изучение исторической памяти дисциплинарного сообщества представляется новым направлением исследований, открывающим ранее не анализировавшиеся ракурсы проблемы исторической рефлексии познавательного сообщества. При описании концепта памяти научного сообщества необходимо учитывать, что по глобальности охвата и причастности к ней ученых следует выделять культурную память научного сообщества в целом, историческую память дисциплинарных и национальных научных сообществ, а также коммуникативную память отдельных ученых. Каждый ученый в процессе социализации становится причастен ко всем уровням памяти [2, с. 90].

Историческая память научного сообщества рассматривается нами как форма коллективной памяти, фиксирующая и хранящая информацию о наиболее значимых деятелях науки, важных открытиях, их оценка и принятие научным сообществом [1, с. 119]. Она содержит набор субъективно преломленных рефлексий ученых о событиях прошлого.

По направленности рефлексии ученых уместно выделять онтологический, методологический и исторический уровни. Онтологический уровень рефлексии ученых включает в себя представления об основаниях научного знания, предметном поле дисциплины, природе и статусе изучаемых объектов. Методологический уровень рефлексии ученых включает в себя представления о методах, средствах получения знаний, их эволюции, специфике и границах применимости, проблеме доказательности знания. Исторический уровень рефлексии ученых формирует представления ученых об истории развития науки, на основе истории личностей, истории идей (история развития научных проблем и дисциплин), социальной истории науки, концептуализации истории науки.

Ученый должен быть хранителем информации о прошлом, знать о предшествующих достижениях науки. В противном случае он начнет открывать давно известное, принимать старые факты и идеи за новые. В отечественном физическом сообществе интерес к проблематике истории науки в начале XX века был чрезвычайно высоким. Это связано с интенсивностью развития физического знания, а также с необходимостью осмысливания результатов своей деятельности. В работах отечественных ученых начала проявляться антикумулятивная модель в истории развития физики в связи с переходом от классической к новой физике. «Научная революция показала существование научных теорий, несводимых друг к другу, а также огромную методологическую мощь научного знания, способного привлечь математический аппарат и даже развивать для своих нужд новый аппарат математики (например, тензорный анализ в квантовой физике)» [9, с. 184].

Именно к истории физики обратились многие из ученых для осмысления вопроса преемственности знания, возникшего в ходе научной революции в физике. Ученые стремились осмыслить, насколько рост научного знания связан с преемственностью и насколько с пересмотром существующих физических теорий.

В своих работах отечественные ученые стремились показать преемственность в науке. С. И. Вавилов отмечал, что идеи, когерентные теории относительности, содержались в работах И. Ньютона [3, с. 567]. И. Е. Тамм писал о том, что «каждая новая фраза развития науки заключает в себе в очищенном виде все достижения предшествующих этапов» [11, с. 266]. В. А. Фок утверждал: «Всякий крупный прогресс физической науки связан не только с созданием новых понятий, но и критическим пересмотром старых» [12, с. 1082]. А. Ф. Иоффе писал: «Новая физика включает законы классической физики, как частные положения, область справедливости которых ограничена определенными рамками» [7, с. 7]. Однако «периоды накопления фактов и их обобщений сменяются эпохами, когда открываются неизвестные ранее стороны внешнего мира, не укладывающиеся в прежние рамки. Такие эпохи завершаются подъемом науки на новый уровень, устраняющий возникшие трудности» [6, с. 399—340].

Переход к новой физике сопровождался трагедией отдельных личностей или даже целых научных сообществ, поскольку был обусловлен перестройкой методологического сознания. Выделилась группа ученых, не согласных с новыми тенденциями (А. К. Тимирязев, Н. П. Кастерин, В. Ф. Миткевич и др.), считавшая, что классическая механика с ее моделями и методами достаточна для объяснения мира [5, с. 395]. В ходе борьбы сторонникам квантовой физики удалось не только объективно победить на научном по-

ле, но и дискредитировать А. К. Тимирязева и его деятельность на административном поле. В исторических исследованиях сложилась тенденция обвинять проигравшую сторону в научной несостоятельности. Тенденциозные оценки их взглядов и деятельности давно вошли в учебники и энциклопедии и, следовательно, в обыденное сознание последующих поколений физиков. Мнение ученых проигравшей стороны, как неавторитетное, исключалось из обсуждений в сообществе, их переставали цитировать, они лишались последователей и тем самым постепенно отсекались из исторической памяти.

До середины XX века, то есть до оформления профессионального сообщества исследователей истории науки, авторами дисциплинарных историй науки становились ученые, рефлектирующие об эволюции научных идей и выстраивающие перспективу своей дисциплины. Российские ученые писали статьи по своим дисциплинам для словарей и энциклопедий, и в том числе по истории своих наук. По словам радиофизика С. М. Рытова, «представление об истории физики и об ее творцах позволяет лучше понять эволюцию и борьбу идей, позволяет почувствовать динамику науки, внутреннюю логику ее развития лучше, чем знание только добытых результатов» [10, с. 4].

Выдающиеся отечественные физики начала прошлого века интересовались историей отдельных открытий, определивших развитие физики в прошлом, касающихся тех областей физических исследований, которыми они занимались сами. Так, С. И. Вавилов, интересовавшийся становлением оптических представлений, проанализировал оптические открытия И. Ньютона, Х. Гюйгенса, Г. Галилея и др. При этом он делал акцент на методологию исследования, научный контекст, описание открытия и его физический смысл, значение открытия для развития физического знания. В то же время С. И. Вавилову принадлежат очерки оптических воззрений М. В. Ломоносова и П. Н. Лебедева, где он стремился показать достижения отечественной науки.

Физик-экспериментатор А. Ф. Иоффе интересовался вопросом личностных качеств ученых. Он писал о своем учителе В. Рентгене, коллегах А. Н. Крылове, Я. И. Френкеле, П. Л. Капице, И. В. Курчатове. Также он поделился воспоминаниями о личных встречах с М. Планком, А. Эйнштейном, Н. Бором и др. В своих работах Иоффе описывал характер их научной деятельности, специфику межличностных общений, отношение к значимым открытиям и явлениям. Знакомство с биографическими данными выдающихся ученых, с их работами, с перепиской с коллегами дает вполне ясное представление о реальных мотивах, может показать влияние авторитетов, как религиозные, идеологические или этические факторы вынуждали отступать от правил, обеспечивающих рациональность научного исследования.

Большой вклад в развитие истории отечественного естествознания внес В. И. Вернадский. Свою концепцию научного знания он изложил в статье «О научном мировоззрении», где описал развитие всего естествознания. Вернадский полагал, что чрезвычайно важно знать историю науки, потому что это влияет на современность — на принятие решений о том, как регулировать научные исследования и организовывать деятельность ученых. В 1914 году по инициативе В. И. Вернадского была организована Комиссия по истории науки при Академии наук. Ее задачей было написание исторических обзоров научных дисциплин и самой Академии наук. В. И. Вернадский, выполняя свою часть работы, опубликовал «Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии». В этой статье он рассмотрел состояние историко-научных исследований в России и их значение для отечественных ученых: «…историю естественно-научной и математической мысли в России приходится набрасывать, кажется, в первый раз. Но как раз это последнее обстоятельство и заставляет меня оставить в стороне свои колебания и выступить здесь со своим изложением. Ибо для меня стоит вне сомнений необходимость понимания русским обществом значения в истории человеческой мысли своей былой научной работы. Это необходимо не только для правильного самоопределения русским обществом своего значения в истории человечества, не только для выработки правильного национального чувства — это необходимо для дальнейшего роста и укрепления научной работы на нашей родине… На каждом шагу мы чувствуем тот вред, какой наносится дальнейшему научному развитию в нашей стране полным отсутствием научного понимания его прошлого, отсутствием в этой области исторической перспективы. Всё прошлое в области научной мысли представляется для широких кругов русского общества tabula rasa. Лишь изредка мелькают в нем ничем не связанные отдельные имена русских ученых. Вследствие этого, не охраняемая и не оберегаемая национальным сознанием наука в России находится в пренебрежении…» [4, с. 347—348].

С 1960—70-х годов сообщество профессиональных историков науки начало издание монографий, научно-биографической литературы, многочисленных воспоминаний ученых и воспоминаний об ученых, об их научных поисках и творческих интересах; о людях, объединенных одной целью — служить человечеству во имя мира и прогресса. Таким образом, осознание роли истории физики способствовало тому, что в СССР с 1920-х годов целенаправленно формировалась историческая память научного сообщества, а следовательно, и образы физической науки. При формировании образов науки ученые опираются на собственный опыт деятельности в науке, однако они ограничены им, поскольку работают в рамках одной определенной парадигмы, которая включает в себя принятые методы, одну картину реальности, четко сформулированные познавательные цели. Поэтому в образ науки входят только те черты, которые осознаются как необходимые элементы собственной деятельности.

Литература

1. Баранец Н. Г. Идеология и память научного сообщества / Н. Г. Баранец, А. Б. Верёвкин, А. В. Горшкова // Власть. — 2015. — № 10. — С. 119—123.
2. Баранец Н. Г. Историческая память научного сообщества / Н. Г. Баранец, А. Б. Верёвкин, С. Е. Марасова // Власть. — 2015. — № 7. — С. 89—96.
3. Болотовский Б. М. Сергей Иванович Вавилов: взгляд с порога XXI века на его человеческие качества и научную деятельность / Б. М. Болотовский, Ю. Н. Вавилов, А. Н. Киркин // Успехи физических наук. — 1998. — № 5. — С. 567.
4. Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII веке / В. И. Вернадский // Вернадский В. И. Избранные труды / В. И. Вернадский. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 347—348.
5. Горшкова А. В. Споры о квантовой механике в исторической памяти отечественных физиков / А. В. Горшкова // История и теория науки в исследовательских программах отечественных естествоиспытателей в XX веке / под ред. Н. Г. Баранец, С. Е. Марасовой. — Ульяновск : Издатель Качалин А. В., 2015. — С. 395.
6. Иоффе А. Ф. Методологические выводы / А. Ф. Иоффе // Иоффе А. Ф. О физике и физиках. Статьи, выступления, письма / А. Ф. Иоффе. — Л. : Изд-во «Наука», Ленингр. отд-ние, 1985. — С. 339—340.
7. Иоффе А. Ф. Основные представления современной физики / А. Ф. Иоффе. — М. ; Л. : Гос. изд-во технико-теоретической лит., 1949. — С. 7.
8. Огурцов А. П. Образы науки в буржуазном общественном сознании / А. П. Огурцов // Философия и наука. — М., 1972. — С. 349.
9. Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы : в 3 ч. / А. П. Огурцов. — Т. III. — С. 184.
10. Рытов С. М. Леонид Исаакович Мандельштам / С. М. Рытов // Академик Л. И. Мандельштам : сб. ст. — М. : Знание, 1980. — С. 4.
11. Тамм И. Е. О работе философов-марксистов в области физики / И. Е. Тамм // Под знаменем марксизма. — 1933. — № 2. — С. 266.
12. Фок В. А. Принципиальное значение приближенных методов в теоретической физике / В. А. Фок // Успехи физических наук. — 1936. — № 5. — С. 1082.

INFLUENCE OF HISTORICAL MEMORY OF PHYSICAL COMMUNITY ON THE FORMATION OF SCIENCE IMAGE OF SCIENTISTS IN XX CENTURY*

A. V. Gorshkova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

it@ulsu.ru

The article deals with the scientific potential of the concepts "the image of science" and "historical memory" of the scientific community in the epistemology of the history of science. The mechanisms of formation and changes in historical memory are indicated. The historical memory of the scientific community is defined as one of the forms of collective memory, which is of great importance in the identification of national scientific communities. The author describes the structure of collective memory of the scientific community that consists of cultural, historical and communicative levels. It is necessary to allocate the cultural memory of the scientific community as a whole, the historical memory of disciplinary and national scientific communities and the communicative memory of individual scientists. The historical memory of a disciplinary community is created by the selection of facts, giving these facts a special significance and interpreting past events in connection with current needs. The historical memory of the disciplinary community contains a set of subjectively refracted scientists' reflections on the events of the past. On the basis of the reflection of scientists it is appropriate to single out ontological, methodological and historical levels. The historical level of the reflection of scientists shapes the views of scientists on the history of science, based on the history of individuals, the history of ideas (the history of the development of scientific problems and disciplines), the social history of science, the conceptualization of the history of science. Awareness of the role of the history of physics contributed to the fact that in the USSR since the 1920, the historical memory of the physical scientific community has been purposefully created.

Key words: the memory of the scientific community, the structure of historical memory, the historical, cultural and communicative memory of the scientific community, the image of science, the historical reflection of scientists.

***** Grant-supported by Russian Humanitarian Science Foundation № 17-33-01023.

References

1. Baranets N. G., Veryovkin A. B., Gorshkova A. V. (2015) Ideologiya i pamyat nauchnogo soobshchestva [Ideology and memory of scientific community]. Vlast, (10), p. 119—123.
2. Baranets N. G., Veryovkin A. B., Marasova S. E. (2015) Istoricheskaya pamyat nauchnogo soobshhestva [Historical memory of scientific community]. Vlast, (7), p. 89—96.
3. Bolotovskiy B. M., Vavilov Ju. N., Kirkin A. N. (1998) Sergej Ivanovich Vavilov: vzglyad s poroga XXI veka na ego chelovecheskie kachestva i nauchnuyu deyatelnost [Sergej Ivanovich Vavilov: looking from XXI century at his human qualities and scientific work]. Uspehi fizicheskih nauk, (5), p. 567.
4. Vernadskiy V. I. (2010) Ocherki po istorii estestvoznaniya v Rossii v XVIII veke. Izbrannye trudy [An outline of the natural history. Selecta]. Moscow: ROSSPEN, p. 347—348.
5. Gorshkova A. V., Baranets N. G., Marasova S. E. (2015) Spory o kvantovoy mehanike v istoricheskoy pamyati otechestvennyh fizikov. Istoriya i teoriya nauki v issledovatelskih programmah otechestvennyh estestvoispytateley v XX veke [Disputes on quantum mechanics in historic memory of soviet physics. History and metascience in the research programs of soviet natural scientists in XX century]. Ulyanovsk: Izdatel Kachalin A. V., p. 395.
6. Ioffe A. F. (1985) Metodologicheskie vyvody. O fizike i fizikah. Statyi, vystupleniya, pisma [Methodological conclusion. On physics and physicists. Articles, speeches, letters]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, p. 339—340.
7. Ioffe A. F. (1949) Osnovnye predstavleniya sovremennoy fiziki [Basics of modern physics]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo tehniko-teoreticheskoy literatury, p. 7.
8. Ogurtsov A. P. (1972) Obrazy nauki v burzhuaznom obshchestvennom soznanii. Filosofiya i nauka [Science images in bourgeois social mind]. Moscow, p. 349.
9. Ogurtsov A. P. Filosofiya nauki: dvadtsatyj vek: Konceptsii i problemy: V 3 chastjah. [Philosofy of science: the XXth century: concepts and problems: in 3 parts]. Vol. III, p. 184.
10. Rytov S. M. (1980) Leonid Isaakovich Mandelshtam. Akademik L. I. Mandelshtam: sb. statey [Leonid Isaakovich Mandelshtam: collected works]. Moscow: Znanie, p. 4.
11. Tamm I. E. (1933) O rabote filosofov-marksistov v oblasti fiziki [Work of philosopher-markxists in the field of phisics]. Pod znamenem marksizma, (2), p. 266.
12. Fok V. A. (1936) Printsipialnoe znachenie priblizhennyh metodov v teoreticheskoy fizike [Crucial significance of the approximate methods in theoretical physics]. Uspehi fizicheskih nauk, (5), p. 1082.

И. Д. Митина
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАМКАХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье раскрываются основные проблемы, связанные с «визуальной культурой» и ее развитием в современном мире. Процесс развития современной культуры связан с развитием ее визуальной составляющей. Именно она становится одной из доминант в рамках формирования специфики современной картины мира, которую творит художник, отображая эпоху, в которой он творит. Отображение художественной картины мира — это процесс визуализации, представленный в рамках массовой культуры. Он характерен как для классической модели культуры, так и является значимым в рамках массовой культуры.

«Визуализация» («визуальные средства») в рамках культурологических исследований становится одним из важнейших направлений в изучении современной культуры, она помогает определить сущностные характеристики, свойственные нашему времени. Этот термин имеет более широкое понимание, чем до XX века, когда под ним подразумевались в основном изобразительные искусства. Процесс общей тенденции визуализации культуры выражается в культурном обмене между искусством и тенденциями современного дизайна. Именно в рамках этих видов художественного искусства происходят существенные изменения. Совмещение множества начал — процесс вполне естественный для нынешнего времени в рамках массовой культуры.

Проявления визуальной компоненты как специфической области массовой культуры направлены на развитие способности восприятия визуальных образов современным человеком.

Ключевые слова: культура, массовая культура, визуализация, визуальные средства, восприятие, творчество, ценность, искусство.

Визуализация культуры началась на рубеже прошлого столетия в период формирования нового языка искусства и является неотъемлемым сопровождением современного постмодернистского этапа ее развития.

Современное искусство характеризуется формированием новых парадигм развития культуры и искусства, которые проявили себя в огромном количестве авангардных направлений и течений. На первый план выдвинулись также визуальные компоненты формирования языка многих видов искусств. Печатное слово стало заменяться творческим отображением в визуальном мире культуры, слово сменяется визуальным образом, мир стал смыслом образного эквивалента современности. С наступлением эпохи постмодернизма изобразительное искусство перестало быть доминирующей сферой, определяющей визуальный образ культуры, однако она не теряет своей актуальности и существует наряду с другими видами современных искусств.

Особую роль в современной культуре занимает массовая культура как один из способов функционирования потребительского начала в современной культуре. По своему характеру массовая культура активно внедряет в повседневную жизнь человека образы и изображения различного смысла и качества. Это повлияло и на смену направленности в культурологических исследованиях. Можно утверждать, что определяющей доминантой при этом стал феномен визуализации в качестве основы современного культурологического анализа.

«Понятие «визуальная культура» неоднозначно, она основывается на понимании базового термина «культура». Прежде всего это частная форма понимания «культуры» [4, с. 209].

«Культура» (лат. "cultura" — возделывание, земледелие, воспитание, почитание) — область человеческой деятельности, связанная с самовыражением человека и проявлением его субъективности [8, с. 15].

Поэтому культура имела и имеет дополнительные характеристики, связанные с творческим проявлением и ее визуальной составляющей. Мир постижения современной культуры связан прежде всего с процессом образования и

воспитания эстетических чувств и способностей воспринимать человека. Культура, используя средства визуализации, становится значимой основой в рамках социализации и формирования культурной идентичности.

Мир ценностей, культурных норм, правил и идеалов, оснащенных визуальными образами, формирует личность человека.

Этот значимый мир культуры направлен на регулирование поведения представителей современного общества. Современная визуальная культура стала неотъемлемой чертой сегодняшней культуры, влияющей на мир и человека.

Определяя базовую функцию культуры, направленную на поддержание целостности общества, необходимо отметить, что современные кризисные явления во многом формируют современное целостное пространство, в котором доминирует визуальный компонент.

«Ценности культуры в опыте конкретного человека передаются во многом через зрение. Информация поступает в головной мозг человека через визуальный канал» [2].

На сегодняшний день визуальная культура человека, воспринимающего и творящего, является значимым компонентом формирования общества. Многообразие видов искусств требует от человека наличия базовых знаний и сформированной культуры анализа. Понимание культуры как поэтапного развития искусств и наук, как художественно-эстетической образованности личности, как области социальных взаимодействий, а также другие многочисленные осмысления «культуры как системы» дают право уточнить угол зрения на культуру «визуальную».

Визуальная культура — это специфическая область культуры, направленная на развитие способности восприятия визуальных образов человеком, а также на формирование навыка прочтения и восприятия образного языка искусства. Анализ, оценка и интерпретация — умения, важные для сформировавшейся личности. «Визуальная культура сегодня охватывает такие объекты культуры, как кино, телевидение, фотография, концептуальное искусство, "publicart", рисунок, живопись, театр, видео-арт, реклама, видеоигры, мода, граффити и т. д.» [1, с. 113].

Визуальная культура постоянно вбирает в себя дополнительную информацию, связанную с расширением использования результатов технического прогресса.

«Под визуальной культурой также понимается:

— культура грамотного визуального восприятия;

— опыт распознавания визуальных кодов, навигация, опыт визуальных коммуникаций;

— медиакультура и экранные искусства;

— развитие эмоционально-ценностных отношений личности при познании пластических искусств в целом (живописи, графики, скульптуры, архитектуры, полиграфии и графического дизайна, ТВ и видео и др.);

— коммуникации с использованием визуального канала, касающиеся «любых аспектов культуры» [9, с. 54].

Визуализация способна создать и объединить в единое пространство множественность реальности — реальную видимую, интуитивную часть. Постижение и приобщение к визуальной культуре происходит в течение всей жизни с помощью воспитания и пребывания в среде, насыщенной ее знаками.

«По мнению антропологов, визуальная культура состоит из четырех элементов:

1. Понятия. Они содержатся главным образом в языке. Благодаря им становится возможным упорядочить опыт людей (форма, цвет, вкус предметов).

2. Отношения. Визуальная культура не только выделяет те или иные части мира с помощью понятий, но также выявляет, как эти составные части связаны между собой — в пространстве и времени, по значению, на основе причинной обусловленности.

3. Ценности. Ценности — это общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов.

4. Правила. Эти элементы регулируют поведение людей в соответствии с ценностями визуальной культуры. Ценности не только сами нуждаются в обосновании, но и могут служить обоснованием» [8, с. 62].

Современной культурологической наукой особо исследуется в рамках современной парадигмы развития культуры процесс формирования и развития визуальной культуры человека, посредством которой происходит осознание личностью своего исторического времени.

В современном научном подходе, изучающем культуру визуальных образов, существует элемент ее соединения со словом. Художник средства культуры способен отобразить мысль без слов, с использованием внешних проявлений. Язык искусств формирует целостную систему образного и визуального отображения картины мира.

Соприкасаясь с миром культуры, личность основывается прежде всего на своем сформиро-

ванном эстетическом чувстве. Зрение помогает ввести образ в систему эстетических представлений, в результате рассматривания оно усиливается ассоциативными культурными связями.

В конечном итоге «изображения сами по себе гораздо менее сильны, нежели полученное впечатление от них. Таким образом, целью визуальной культуры является обогащение внутреннего мира человека визуальными образами, раскрытие способностей к созданию собственных зримых объектов» [5, с. 221].

Соприкосновение с визуальной культурой способствует формированию и развитию эстетической культуры личности. Такой подход к пониманию визуальной культуры есть «качество и степень выраженности ценностного содержания личности» [3, с. 33—41].

В процессе изучения в рамках культурологии особенностей визуальной культуры, формирующейся в процессе деятельности человечества, затрагиваются основы современности — массовая культура и визуальная среда, доминантой которых можно назвать образность. Визуальная среда, состоящая из образов, появилась как независимо от человеческой деятельности, так и как результат деятельности человека. Что касается массовой культуры, нужно подчеркнуть, что массовая культура включает в себя как пластические, так и звуковые формы культуры. В рамках современных культурологических исследований массовая культура нередко противопоставлена учеными классическому искусству.

Акцент на визуальность в современной культурологии базируется на всей совокупности визуального опыта человечества определенной эпохи, в рамках которой она проводит исследование. Нижняя временная граница визуальной культуры определяется древностью человечества, потому что первые наскальные рисунки доказывают существование примитивных визуальных образов, а верхняя переломная граница — конец XIX — начало XX века, именно тогда и формировался мир визуализированной парадигмы.

Этот аспект также представлен в исследовании видного российского искусствоведа В. С. Турчина, в котором он рассмотрел специфику и динамику изменчивости визуальной среды. «Но уже для поколения людей, живущего на рубеже XIX—XX веков, визуальная среда, во-первых, стремительно расширяется географически, во-вторых, насыщается новыми знаками развития цивилизации: техническими изобретениями, постройками, средствами передвижения. В-третьих, рост городов приводит к сужению визуальной среды горожан; за счет этого сужения также происходит более стремительное изменение того, что большинство представителей человечества имеют возможность видеть. С конца XIX века визуальная среда претерпела гораздо большие изменения, чем за все предыдущие века. Этому свидетельство — искусство конца XIX и XX веков» [10, с. 32—40].

Современный мир информации, который транслируется современными средствами, изменяется, циркулирует с произведениями изобразительного искусства, формируется в рамках современной парадигмы развития культуры. Актуальным при этом является осознание и понимание того, что современная визуальная культура развивается в единстве с множеством социокультурных явлений в обществе и так же динамично изменчива.

В современную культурно-информационную эпоху визуальность мысли — значит, ее существование. Но при этом в исследованиях необходимо учитывать, что способность видеть у каждого отдельного человека различается, и это зависит от уровня сформированности личности.

Современное ускорение темпа жизни человека формирует у него способность ориентироваться в обилии информации, которое создается медиарынком. Визуальные образы основываются на своих базовых компонентах — на наглядности, доходчивости, универсальности, способны помочь человеку быстро усвоить, осознать и понять современный ему мир реальности.

Российский психолог В. П. Зинченко считает: «Зрительные образы, в отличие, например, от слуховых, характеризуются субъективной симультанностью, позволяющей мгновенно «схватывать» отношения, существующие между различными элементами воспринимаемой ситуации…» [8, с. 24]. Визуализация влияет на рынок товаров. «Отныне, — подчеркивает искусствовед Ж. Пенин, — уже не вещь отправляется на завоевание рынков, а ее изображение» [8, с. 17].

С конца прошлого столетия начинается процесс массового использования компьютерной техники и Интернета. Это все ведет к формированию цифровых технологий, в рамках которых именно визуализация становится инструментом, который используется экономистами, политиками, деятелями культуры и потребителями данной продукции. Все данные изменения только усиливают значимость их научного осмысления и его социокультурного анализа.

Визуальные коммуникации и технологии стали влиять на все сферы культуры и закрепи-

ли в обществе использование таких понятий, как визуальный язык, визуальный текст, визуальная культура. Можно утверждать, что данная направленность также продолжает свое развитие и в современный период развития. Визуальные коммуникации — база современного медиарынка и средство переведения всего в визуальный текст [7].

Таким образом, несомненно, визуальная культура стала новым междисциплинарным направлением, которое формировалось на стыке социального, гуманитарного, культурологического знания. Она стала доминирующей формой, то есть составляющей массовой культуры, парадигмой развития современной культуры.

Культурологические исследования визуальной культуры на сегодняшний день многообразны и опираются на достижения таких теоретических подходов, как психоанализ, семиотика, феминизм, «культурные исследования», постструктурализм.

«Произведение искусства как художественный феномен существует исключительно в момент его художественного восприятия понимающим зрителем... Таким образом, художественное произведение предстает в виде сложной системы образов, значений, идей и смыслов, подлежащих расшифровке, пониманию и интерпретации в процессе восприятия» [6, с. 21—22].

Особое место при этом занимает визуализация как средство, способствующее расшифровке и раскрытию всей палитры чувств и красок современной культуры и искусства в рамках культурологической мысли.

Литература

1. Даниэль С. М. Искусство видеть / С. М. Даниэль. — М. : Амфора, 2006. — 206 с.
2. Дубовая Н. В. Визуальная культура в аспекте современности [Электронный ресурс] / Н. В. Дубовая. — URL: http://sibac.info/11976.
3. Зеки С. Зрительный образ в сознании и в мозге / С. Зеки // В мире науки. — 1992. — № 11. — С. 33—41.
4. Краснова О. Б. Энциклопедия искусства XX века : справ. изд. / О. Б. Краснова. — М. : ОЛМА-Пресс, 2002. — 350 с.
5. Мещеряков Б. Г. Большой психологический словарь : справ. изд. / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — М. : ОЛМА-Пресс, 2004. — 813 с.
6. Митина И. Д. Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода : учеб. пособие / И. Д. Митина, А. В. Мартыненко, М. В. Моисеева. — Ульяновск : УлГУ, 2013. — 372 с.
7. Открытая рекламная энциклопедия. Визуальная коммуникация [Электронный ресурс]. — URL: http://www.advertopedia.ru/index/show-article?id=77.
8. Розин В. М. Визуальная культура и восприятие: как человек видит и понимает мир / В. М. Розин. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009. — 272 с.
9. Розин В. М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир / В. М. Розин. — М. : КомКнига, 2006. — 224 с.
10. Савицкая Т. В. Визуализация культуры: проблемы и перспективы / Т. В. Савицкая // Обсерватория культуры. — 2008. — № 2. — С. 32—40.

VISUALIZATION AS A PARADIGM OF MODERN MASS CULTURE WITHIN THE FRAMEWORK OF CULTURAL ANALYSIS

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

snm7151@gmail.com

The article reveals the main problems associated with "visual culture" and its development in the modern world. The process of development of modern culture is associated with the development of its visual component. It becomes one of the dominants within the framework of the formation of the contemporary picture of the world that artists create when they reflect the era in which he creates. The display of the artistic picture of the world is a process of visualization and it is represented in the framework of mass culture. It is peculiar to the classical model of culture and significant in the context of mass culture.

"Visualization", "visual aids" within the framework of cultural studies becomes one of the most important directions in the study of modern culture, it helps to determine the essential characteristics peculiar to our time. This term has a broader understanding than it was before the twentieth century, when it was understood primarily as visual arts. The process of the general trend of visualization of culture is expressed in the cultural exchange between art and trends of modern design. Within these types of artistic art the significant changes occur. The combination of many origins is a natural process for the present time within the framework of mass culture.

The manifestations of the visual component, as a specific area of mass culture, are aimed at developing the ability of perception of visual images by the modern man.

Key words: culture, mass culture, visualization, visual aids, perception, creativity, value, art.

References

1. Daniel S. M. (2006) Iskusstvo videt [The art of seeing]. Moscow: Amfora, 206 p.
2. Dubova N. V. Vizualnaya kultura v aspekte sovremennosti [Visual culture in the context of modernity]. [Jelekt. Res.]. Rezhim dostupa: http://sibac.info/11976.
3. Zeki S. (1992) Zritelnyj obraz v soznanii i v mozge [Visual object in mind and brain]. V mire nauki, (11), p. 33—41.
4. Krasnova O. B. (2002) Entsiklopediya iskusstva XX veka: sprav. izd. [Encyclopedia of art in the XX century: reference book]. Moscow: OLMA-Press, 350 p.
5. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. (2004) Bolshoy psihologicheskiy slovar: sprav. izd. [The Great Psychological Dictionary: reference book]. Moscow: Olma-press, 813 p.
6. Mitina I. D., Martynenko A. V., Moiseeva M. V. (2013) Analiz i interpretatsiya proizvedeniy kultury v kontekste kulturologicheskogo podhoda [Analysis and interpretation of works of culture within the framework of cultural approach]. Ulyanovsk: UlGU, 372 p.
7. Otkrytaya reklamnaya entsiklopediya. Vizualnaya kommunikatsiya [Open advertising encyclopedia. Visual communication]. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.advertopedia.ru/index/show-article?id=77.
8. Rozin V. M. (2009) Vizuaynaya kultura i vospriyatie: kak chelovek vidit i ponimaet mir [Visual culture and apprehension: the way the person sees and understands the world]. Moscow: LIBROKOM, 272 p.
9. Rozin V. M. (2006) Vizualnaya kultura i vospriyatie. Kak chelovek vidit i ponimaet mir [Visual culture and apprehension: the way the person sees and understands the world]. Moscow: KomKniga, 224 p.
10. Savitskaya T. V. (2008) Vizualizatsiya kultury: problemy i perspektivy [Visualisation of culture: problems and prospects]. Observatoriya kultury, (2), p. 32—40.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

ПРЕКАРИАТ — НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС

М. И. Кадничанская
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
m.i.kad@yandex.ru

А. С. Яковлева
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
alena230796@gmail.com

В статье проводится анализ прекариата как нового социального класса в современном обществе. Произошедшие изменения в сфере труда и занятости привели к развитию нестандартных форм занятости. Появляется неполная, случайная, временная занятость, которая становится заменой стандартизированной занятости. Прекаризованная, то есть нестабильная занятость становится источником менее защищенной и более дешевой рабочей силы. Появление прекариата связано с отсутствием гарантий занятости, низким уровнем социальной защищенности, статусным диссонансом, а также размытостью профессиональной идентичности. Прекариат включает в себя многие социальные слои общества: как работников с низкими доходами, временно занятых и безработных, так и работников с высоким уровнем образования и профессиональной квалификацией. К данному классу социологи относят и фрилансеров — независимых профессионалов, занятых интеллектуальным или творческим трудом и не состоящих в штате какой-либо организации. Работа в условиях неопределенности карьерных перспектив, нарушения или отсутствия трудовых договоров приводит к отсутствию уверенности в своей необходимости обществу, в своем праве претендовать на занятость по своей профессии, на социальную защищенность и надежду в гарантированном будущем. Разнородные социальные группы и слои объединяются сходным положением на рынке труда и образуют, таким образом, новый социальный класс — прекариат.

Ключевые слова: прекариат, прекариатизация, занятость, фриланс, нестабильный, незащищенный, свобода.

ВВЕДЕНИЕ

Индустриализация экономики привела к появлению новой страты в социальной структуре современных обществ — наемных работников. Наемные работники в социологии — это индивиды, работающие по найму, на основе трудового договора, выполняющие определенную работодателем работу [3, с. 48].

В последние 20 лет в условиях глобализации и экономического кризиса произошел перелом, превративший часть наемных рабочих из стабильно занятых в нестабильно занятые. Стали появляться новые «атипичные формы» найма: срочный трудовой договор, неполная и временная занятость [5, с. 560].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ статьи построен на основе обобщения теоретических положений зарубежных и отечественных социологов, экономистов о сути нового социального класса — прекариата в условиях перехода к новому информационному обществу.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По словам М. Кастельса, испанского социолога-постмарксиста, одного из основателей тео-

рии новой социологии города, в новом — информациональном — типе общества в результате трансформации в сфере труда и занятости происходит появление сетевых работников, работников с гибким рабочим днем, которые становятся новым типом субъектов труда. Изменения приводят к рассмотрению работников как полифункциональных, способных к быстрой перемене труда.

Развитие нестандартных форм занятости привело к появлению нового социального класса — прекариата. Понятие образовано от двух слов: precarium (лат.) — неустойчивый, нестабильный и «пролетариат» — класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах буржуазии. Данный термин впервые был встречен в работах французского социолога П. Бурдье. Он предложил понятие прекариата как нестабильного, незащищенного слоя для обозначения временных или сезонных рабочих [8, с. 12].

Бек У., немецкий социолог, описывая прекариат, обратил внимание на то, что «дроблению рабочего времени… сопутствует перераспределение доходов, социальной обеспеченности, карьерных шансов, позиции на предприятии в сторону понижения, причем понижения коллективного. В этом смысле политика рабочего времени… есть политика перераспределения, создающая новые социальные нестабильности и неравенства» [1, с. 208]. Он понимал под прекариатом и неустойчивую, непостоянную занятость, и людей, которым навязана такая форма занятости.

Возникновение прекариата связывают с созданием групп, состоящих из людей с временной занятостью и сезонной работой, под воздействием идей и политики неолиберализма в 1960—1970-е годы. Неолибералы были противниками централизованного планирования и регулирования, а мир характеризовали как свободное пространство, где трудовая занятость, прибыли и инвестиции протекают туда, где капитал не имеет никаких ограничений. Их цель — перекладывание бремени рисков и забот об общественной и личной жизни на плечи самих людей. Идеи неолибералов в конечном счете привели к деформации социальной структуры, безработице, созданию социальных групп, чьи социальные позиции стали расплывчатыми, неопределенными и неустойчивыми.

Требование неолибералов о стремлении всех стран к гибкости рынка труда означало, что наемных работников систематически будут ставить во все более уязвимое положение. Под воздействием глобализации, когда правительства и корпорации старались перегнать друг друга изменениями трудовых отношений на более гибкие, происходил рост людей с незащищенной формой занятости. Именно так возник прекариат.

Хардт М. и Негри А. выделили в качестве факторов появления прекариата «темпоральность» (временность) и мобильность как требования капитала к рабочей силе. Постоянная занятость, по их мнению, становится помехой для капитала, так как мешает ему быстро реагировать на изменения рыночной конъюнктуры [11].

По мнению Р. Сеймора, прекариат — это своего рода «популистский запрос» на формирование «нового политического большинства на антикапиталистической основе». С его точки зрения, в прекариат входят самые разные социальные слои общества — от мусорщиков и уборщиков до госслужащих и профессионалов.

Прекариат — это принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особо изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а в конечном счете и качества жизни [10, с. 3, 4].

Стэндинг Г., британский экономист, автор книги «Прекариат: новый опасный класс», определяет прекариат как социоэкономическую группу, состоящую из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом или государством, отличающуюся гибкой занятостью, нестабильностью доходов и отсутствием гарантий социальной защищенности [8]. Те, кто входит в данные группы, независимо от дохода, образования, самоидентификации, имеют, как правило, урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом. «Многие из тех, кого мы называем прекариатом, ни разу не видели своего работодателя, не имеют понятия, сколько сотрудников на него работают сейчас и сколько еще он намерен нанять в будущем» [8, с. 19].

Отечественные социологи З. Т. Голенкова и Ю. В. Голиусова считают, что для представителей общественного слоя, именуемого прекариатом, общими проявлениями являются эмоциональная нестабильность, тревожность, чувство неуверенности в будущем [11, с. 9]. Прекариат состоит из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом или государством. А также он не имеет никаких отношений общественного договора, обеспечивающего гарантии труда в обмен на субординацию и определенную лояльность.

Стэндинг Г. описывает трудовые гарантии (социальная защищенность), которых лишены некоторые люди, входящие в состав прекариата. К ним он относит гарантии рынка труда, гарантии занятости, гарантии рабочего места, охрану труда, гарантии воспроизводства навыков, гарантии получения дохода, гарантии представительства. По его словам, чтобы оказаться в составе прекариата, не обязательно испытывать на себе отсутствие всех видов гарантий (социальной защищенности). Отсутствие гарантий — это лишь одна из особенностей прекариата [8, с. 26].

Следующая отличительная черта прекариата — нестабильность доходов и отличие структуры доходов от той, что существует в других социальных группах. Относящиеся к данному слою люди не могут рассчитывать на государство, пенсии, пособия по безработице, оплату больничных счетов и т. д. Это делает их более уязвимыми в сравнении с работниками, имеющими доступ к каким-либо формам получения поддержки.

Помимо незащищенности труда и незащищенности общественного дохода, прекариату недостает самоидентификации на основе трудовой деятельности. Он не ощущает себя частью солидаризованного трудового сообщества. От этого у людей усиливается отчужденность и неуверенность в том, что следует делать. Прекариату свойственно жить настоящим и не иметь проекции на будущее. Непостоянная занятость и частая смена рабочего места мешают прекариату обрести чувство принадлежности к профессиональному сообществу, благодаря чему усиливается ощущение отчужденности и нестабильности положения этого класса.

Жвитиашвили А. Ш. предлагает дифференцировать прекариат по шести основаниям. По культурным целям (мотивации) в прекариате выделяются группы, у которых в приоритете свободное время, и группы, ставящие на первое место получение дохода. По характеру труда в прекариат входят занятые интеллектуальным и творческим трудом (фрилансеры) и те, кто занят рутинным и ручным трудом. По уровню образования выделяются работники, имеющие среднее или ниже среднего образование, и работники с высшим образованием, к которым он также относит фрилансеров. По уровню дохода различаются низкодоходные группы и группы с высоким уровнем доходов. По профессиональной принадлежности прекариат разделяется на представителей разных профессиональных групп: от рабочих и работников торговли до программистов и менеджеров. И по месту властной иерархии он разделяет на управляемых и управляющих [4, с. 20, 21].

В современном обществе прекариат в первую очередь представлен, по словам российского социолога Ж. Т. Тощенко, частью трудоспособного населения, занятого постоянно на временной работе. Во-вторых, он представлен работающими неполный рабочий день людьми или перебивающимися сезонными и случайными подработками. В большинстве случаев люди вынуждены соглашаться работать неполный рабочий день. Данный случай позволяет скрывать масштабы безработицы. В-третьих, в число прекариата входят безработные, численность которых довольно значительна, особенно в годы кризиса. В-четвертых, к прекариату относятся фрилансеры — специалисты по информационным технологиям, программисты и т. д. Это независимые профессионалы, которые не состоят в штате какой-либо организации. В-пятых, к прекариату примыкают часть мигрантов, численность которых также значительна. Их положение характеризуется ущемленностью в правах, их труд, как правило, имеет более низкую оплату и им не гарантируются многие социальные блага. В-шестых, в прекариат входят занятые наемным трудом, суть которого заключается в найме в свой штат работников (фрилансеров), выполняющих заказы или оказывающих услуги другим фирмам. И, в-седьмых, к прекариату относятся стажеры и некоторые студенты, которые претендуют на устойчивое положение в обществе и профессии. Они часто соглашаются на случайные и непостоянные виды занятости, в большинстве случаев ниже их возможностей и представлений о достойном месте в жизни.

Фрилансеры, входящие в состав нового социального слоя — прекариата, приобретают такой жизненный опыт, который приводит к прекариатизированному, нестабильному существованию. Занятый во фрилансе человек живет сиюминутным и не имеет четкой самоидентификации по профессиональному признаку. Он не видит перед собой жизненных перспектив и достойных путей, что приводит к социальной аномии, беспокойству и отчуждению [7, с. 97]. Таким образом, можно говорить о прекариатизации трудовых отношений.

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным признаком принадлежности к прекариату считается отсутствие у работающих индивидов узаконенных отношений с работодателем. Как правило, это временные работники

либо частично занятые работники, не заключавшие трудовой договор с работодателем. Следствием этого является отсутствие гарантий, таких как оплачиваемый отпуск и больничный, премии и пенсия. Фриланс как модель занятости предполагает чередование занятости и наличие периодов, когда фрилансер находится без работы. Фриланс часто совмещают с другими видами деятельности: с учебой, работой в штате, уходом за детьми. Они не являются привязанными к какой-либо организации и чаще всего не зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, в связи с чем трудовой кодекс на них не распространяется, что говорит об отсутствии социальных гарантий. Фрилансеры самостоятельно организуют свой труд, не имеют фиксированного дохода, а также зависят от финансового успеха своего дела. Это позволяет относить фрилансеров к прекариату.

В прекариат поступают с определенной вероятностью те, кто по признакам имеет один статус, а вынужден исполнять социальную роль, которая соответствовала бы другому статусу. Многие социальные группы, входящие в прекариат, обладают размытым деформированным сознанием из-за неопределенности своих гражданских позиций. Это может проявляться как в аномическом поведении, так и в деструктивной деятельности, которая связана с криминальным и делинквентным поведением.

Прекариат как новый социальный класс отличается своей разнородностью, в состав которого входят практически все слои современного общества. Он включает не только работников с низкими доходами, временно занятых и безработных, но и работников с высоким уровнем образования и профессиональной квалификацией [7, с. 102], занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение. Работа в условиях неопределенности карьерных перспектив, нарушения или отсутствия трудовых договоров приводит к отсутствию уверенности в своей необходимости обществу, в своем праве претендовать на занятость по своей профессии, на социальную защищенность и надежду в гарантированном будущем.

РЕКОМЕНДАЦИИ (ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Таким образом, в данной статье раскрыты разнообразные точки зрения о характеристиках социально-профессионального статуса фрилансеров и социальных условиях наемного труда, способствующие становлению фрилансеров как особой группы наемных работников. Определены особенности социального самочувствия и символической стратификации свободно занятых наемных работников.

Зарубежные и отечественные концепции стратификации занятого населения отстаивают многообразие современного наемного труда и многокритериальный подход к стратификации наемных работников. Однако их применение к фрилансерам показало, что они не вписываются в неовеберианские стратификационные модели и занимают особое положение как группа наемных работников с усеченным социальным статусом [11].

Фрилансеры — это неформальные квалифицированные работники, удаленно выполняющие функции производства деловых услуг, знаний, информационных технологий; поддерживающие минимальные отношения с работодателем и не имеющие официальных отношений с государством.

С практической точки зрения анализ, осуществленный в данной статье, может быть применен для работы над различного рода социальными проектами, способствующими повышению уровня социальной защищенности свободно занятых работников в изменяющихся социально-экономических условиях в стране и в регионах, а также для повышения грамотности выпускников вузов и ссузов в вопросах автономности труда.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
2. Голенкова З. Т. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова // Социологическая наука и социальная практика. — 2013. — № 3. — С. 5—15.
3. Голенкова З. Т. Прекариат как новая группа наемных работников / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова // Уровень жизнь населения регионов России. — 2015. — № 1. — С. 47—57.
4. Жвитиашвили А. Ш. Нестабильная занятость и социальное неравенство: западный опыт / А. Ш. Жвитиашвили // ИНТЕР. — 2016. — № 11. — С. 16—26.
5. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Р. Кастель ; пер. с фр. Н. А. Шматко, О. И. Кирчик, Ю. В. Маркова ; отв. ред. Н. А. Шматко. — СПб. : Изд-во «Алетейя», 2009. — 574 с.

6. Полетаева О. В. Фрилансеры в составе класса наемных работников: профессиональные характеристики и статусные позиции : автореф. дис. … канд. социол. наук / О. В. Полетаева. — Пенза, 2017. — 27 с.
7. Посухова О. Ю. Прекариат мегаполиса и профессиональная идентичность в контексте неявного знания / О. Ю. Посухова // JIS. — 2016. — № 4. — С. 92—105.
8. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг ; пер. с англ. Н. Усовой. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.
9. Сытых О. Л. Российское общество в «Полосе» глобальных перемен / О. Л. Сытых // Гуманитарный вектор. — Сер. Философия, культурология. — 2014. — № 2. — С. 58—63.
10. Тощенко Ж. Т. Прекариат — новый социальный слой / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. — 2015. — № 6. — С. 3—13.
11. Хардт М. Империя : пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри ; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М. : Праксис, 2004. — 440 с.

PRECARIAT — A NEW SOCIAL CLASS

M. I. Kadnichanskaya
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
m.i.kad@yandex.ru

A. S. Yakovleva
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
alena230796@gmail.com

The article analyses the precariat as a new social class in modern society. The changes in the field of labour and employment has led to the development of non-standard forms of employment. Part-time, secondary, temporary employment appears and becomes the substitute for the standardized employment. Precursora, that is, unstable employment is becoming a source of less secure and cheaper labor. The emergence of precariat linked to the lack of employment, low level of social protection, status dissonance, and the lack of definition of professional identity. The precariat includes many social strata: both workers with low incomes, temporarily employed and unemployed, and workers with high education levels and professional qualifications. This class will include freelancers — independent professionals engaged in intellectual or creative work who are not on the staff of any organization. Dealing with ambiguity of career prospects, breach or lack of employment contracts leads to the lack of confidence in person's social need, his right to aspire to the position in his degree field, social security and hope for the future. Heterogeneous social groups and layers are combined in a similar position in the labour market and thus, a new social class — the precariat.

Key words: precariat, precarization, employment, freelance, instable, unprotected, freedom.

References

1. Bek U. (2000) Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk Society. On the way to another modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 384 p.
2. Golenkova Z. T., Goliusova Yu. V. (2013) Novye sotsialnye gruppy v sovremennyh stratifikatsionnyh sistemah globalnogo obshchestva [New social groups in today's global society stratification systems]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika, (3), p. 5—15.
3. Golenkova Z. T., Goliusova Yu. V. (2015) Prekariat kak novaya gruppa naemnyh rabotnikov [Prekariat as a New Group of Employees]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii, (1), p. 47—57.
4. Zhvitiashvili A. Sh. (2016) Nestabilnaya zanyatost i sotsialnoe neravenstvo: zapadnyj opyt [Instable employment and social inequality: Western case]. INTER, (11), p. 16—26.
5. Kastel R. (2009) Metamorfozy sotsialnogo voprosa. Khronika naemnogo truda [Metamorphoses of the social question. Chronicle employees]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 574 p.
6. Poletaeva O. V. (2017) Frilansery v sostave klassa naemnyh rabotnikov: professionalnye kharakteristiki i statusnye pozitsii [Freelancers in the composition of the class of wage workers: professional characteristics and status positions]. The dissertation on competition of a scientific degree k. the social. sciences. Penza, 27 p.
7. Posukhova O. Yu. (2016) Prekariat megapolisa i professionalnaya identichnost v kontekste neyavnogo znaniya [Precarity of megapolis and professional identity in the context of tacit knowledge]. JIS, (4), p. 92—105.
8. Stending G. (2014) Prekariat: novyj opasnyj klass [The Prekariat: The New dangerous class]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 328 p.
9. Sytykh O. L. (2014) Rossijskoe obshchestvo v "Polose" globalnyh peremen [Russian Society in the "Period" of Global Changes]. Humanities vector: Philosophy, Culturology. (2), p. 58—63.
10. Toshhenko Zh. T. (2015) Prekariat — novyj sotsialnyj sloy [The Prekariat: A new social class]. Sotsiologicheskie issledovaniya, (6), p. 3—13.
11. Hardt M. (2004) Imperia [Empire]. Moskow: Praksis Press Publ., 440 p.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

М. В. Карнаухова
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
tamore@rambler.ru

А. В. Федулова
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
zelenaya40@rambler.ru

НПО — институт, созданный современными государствами и мировым сообществом в целом, для совершенствования социальных отношений и сглаживания противоречий. Резкий рост количества НПО позволяет говорить об их возросшей роли в системе международных отношений и политической жизни государств. Будучи частью гражданского общества, неправительственные организации выполняют важные общественные функции, формируют пространство публичной политики, тем самым оказывая значительное влияние на мировое развитие, постоянно расширяя сферу своей деятельности. НПО вследствие своей гибкости, динамичности, близости к действительности имеют возможности оперативно реагировать на быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую повестку дня. Они, выполняя роль связующего звена между государством и обществом, сообщают властным структурам об изменениях, предлагают новые, более совершенные подходы, пути выхода из кризисных ситуаций. По мнению некоторых западных экспертов, НПО сегодня становятся основными двигателями глобализации. НПО включаются в разработку проблем, которые ранее считались прерогативой государства, — международной и космической безопасности, миротворчества, изменения климата и пр.
Неоспоримым фактом является активное влияние неправительственных организаций на формирование общественно-гражданской среды на постсоветском пространстве. При этом деятельность ряда НПО (локальных и международных) представляет угрозу для национальной и региональной безопасности, так как данные НПО выступают не столько факторами развития демократии, сколько факторами дестабилизации политической обстановки. Дестабилизирующая деятельность международных НПО должна быть ограничена, а деструктивные НПО вытеснены из гражданской среды. Государствам необходимо разработать действенный механизм защиты, частью которого станут ограничение государственного финансирования неправительственных организаций, правовое регулирование в свете расширения инструментального арсенала НПО в новой инфокоммуникационной среде, установление тематических платформ для сотрудничества.

Ключевые слова: международные неправительственные организации (НПО), негосударственные акторы международных отношений, «цветные революции», глобализация, глобальные процессы, международная безопасность, угроза национальной безопасности, гражданское общество, социальные вопросы, реализация культурных и образовательных программ.

Международные отношения сегодня отличаются рядом особенностей, вызванных завершением холодной войны, влиянием НТР, изменением ценностных ориентиров общества. Отличительной чертой нового этапа развития международных отношений можно назвать и возрастающее участие в них негосударственных образований, в частности неправительственных организаций [14].

В условиях усиливающейся взаимозависимости и распространения международных взаимодействий, государства уже не имеют возможностей для охвата и контроля за растущими масштабами глобальных проблем, обусловленными глобализацией: защиты прав человека, миграционных процессов, экологии, межкультурного взаимодействия, религиозных свобод.

«Декларация тысячелетия ООН» прямо призывает «предоставить частному сектору, неправительственным организациям и гражданскому обществу в целом более широкие возможности для содействия достижению целей и осуществлению программ ООН» [3]. Последние документы ООН также подтверждают возросшее значение неправительственных организаций в различных сферах деятельности и жизни человечества вообще.

Международные неправительственные организации (МНПО) — это объединения национальных общественных организаций, союзов,

групп и отдельных лиц из различных государств, созданные в целях содействия международному сотрудничеству в политической, экономической, культурной, научно-технической и других сферах деятельности человека. Данные организации учреждены не на основании межправительственного соглашения и не ставят целью извлечение коммерческой прибыли [12, с. 94].

Деятельность НПО национального и транснационального уровня относят к так называемому третьему сектору или к сфере проявления гражданского общества, в отличие от государственной власти и коммерческого сектора.

В 2015 году в мире насчитывалось уже более 60 000 НПО. Относительно численности различных негосударственных акторов, оказывающих реальное влияние на мировую политику, практически не существует претендующих на достоверность оценок, поэтому о ней можно судить лишь на основании косвенных данных.

148 организаций имеют общий консультативный статус при ЭКОСОС, 3272 — специальный и 988 занесены в реестр [8].

Около 400 НПО обладают статусом участника в Совете Европы, что дает им возможность заседать в парламентских комитетах, руководящих комитетах и Комитете местных и региональных властей [4, с. 81].

Количественный рост сопровождается ростом качественной составляющей: НПО активно расширяют сферу своей деятельности.

Негосударственные акторы часто оказываются более компетентными и лучше подготовленными. Большинство НПО узкоспециализированы и занимаются решением конкретных проблем: организации в области защиты прав человека («Хьюман Райтс Уотч», «Международная Амнистия»); гуманитарные («Врачи без границ», МККК); экологические («Гринпис», Всемирный фонд дикой природы); научные (Римский клуб, Пагуошское движение); религиозные (Всемирный Совет Церквей); спортивные (МОК) и др.

Они, по сравнению с государствами, международная деятельность которых связана с большим количеством ограничений, имеют в своем арсенале более совершенный набор средств для разрешения критических ситуаций.

НПО вследствие своей гибкости, динамичности, близости к действительности имеют возможности оперативно реагировать на быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую повестку дня. Они, выполняя роль связующего звена между государством и обществом, сообщают властным структурам об изменениях, предлагают новые, более совершенные подходы, пути выхода из кризисных ситуаций. Значительно повышает эффективность их работы и усиливает оказываемое ими на глобальные процессы влияние возможность объединяться в единые «зонтичные» структуры, федерации и транснациональные сети. Не ограничиваясь решением лишь социальных вопросов, НПО включаются в разработку проблем, которые ранее считались прерогативой государства, — международной и космической безопасности, миротворчества, изменения климата и пр.

По мнению некоторых западных экспертов (в лице экономических корпораций и торговых предприятий), НПО сегодня становятся основными двигателями глобализации. В этой связи все более очевидно стремление государств использовать потенциал НПО (и НГА вообще) для усиления своего влияния в межгосударственной конкурентной борьбе и оказания давления на внутриполитическую ситуацию других стран.

В разных странах доля и активность НПО различна, но именно они оказывают все большее влияние на решение важных общественных проблем.

Страны Евросоюза и США, в силу особенностей исторического становления, выступают яркими примерами развития НПО в качестве передовых структур гражданского общества.

В США, например, почти треть бюджетных расходов на социально-культурные нужды получают именно НПО, в том числе более половины расходов на культуру, науку, социальную помощь и гуманитарные цели.

Европа в вопросах формирования гражданского общества после Второй мировой войны опиралась на практику и помощь США, поэтому ее опыт взаимодействия с НПО и гражданским обществом во многом вторичен. Однако в Европе также поддерживаются гражданские инициативы, направленные на развитие общественных структур, как на муниципальном, так и на общегосударственном уровне [9, с. 47].

Сфера приложений усилий НПО в исламском мире исторически сосредоточена на благотворительной деятельности и решении социальных проблем малообеспеченных слоев населения [9, с. 47].

Нередки случаи, когда страны ограничивают деятельность НПО. Так, правительства Эквадора, Аргентины, Японии, Тайваня, Южной Кореи разрешают регистрацию неправительственных организаций только в случае, если соответствующее министерство решит, что цели, для реализации которых оно создается, будут способствовать общественному благосостоянию.

На постсоветском пространстве приоритеты НПО находятся в зависимости от политической и экономической ситуации. В этих сферах и сосредоточена деятельность неправительственных организаций. Следует отметить, что неправительственный сектор в СНГ имеет специфику развития. 70 лет здесь господствовала командно-административная система управления, основанная на жесткой государственной политике, исключающей свободомыслие и механизмы отстаивания гражданских прав.

Российские НПО начали активно развиваться в 1980—1990-е годы, в период, когда были пересмотрены методы взаимоотношений государства, бизнеса и гражданского общества. Сегодня в стране насчитывается более 300 тыс. НПО, где работают 2 млн россиян. В новых условиях более 30 млн граждан ежегодно получают поддержку НПО [9, с. 49].

Опыт США и стран ЕС убедительно доказывает, что сотрудничество с общественными организациями, поощрение их деятельности в рамках закона выгодно государству и в целом укрепляет его существование.

Однако следует учитывать, что деятельность НПО вследствие их крайней неоднородности бывает достаточно противоречива. Часто НПО вступают в отношения конкуренции и между собой, и с государственными структурами. Сегодня НПО часто претендуют на роль судей в государственной политике и вопросах мировоззрения всего общества.

Показательно, что научная литература для обозначения организаций, деятельность которых выходит за рамки общественно-социальной жизни, оперирует термином «псевдо-НПО». Данные организации становятся инструментами внутриполитической и внешнеполитической деятельности отдельных политических сил и стран [15].

Очевидно, что деятельность некоторых НПО (локальных и международных) представляет угрозу для национальной и региональной безопасности.

Российская Федерация и некоторые страны СНГ (в частности, Украина, Грузия, Киргизия) сталкиваются с процессами коммерциализации и политизации неправительственных организаций с целью провоцирования национализма, сепаратизма, экстремизма, а также манипулирования общественным сознанием, вплоть до прямого вмешательства во внутренние дела суверенных государств [6, с. 6].

Через манипулирование итогами местных выборов в ряде стран постсоветского пространства была осуществлена смена режима на прозападный, антироссийский, реализованы так называемые «цветные революции». «Цветные революции» — явление, относительно недавно возникшее на мировой арене, стало сегодня одной из значимых политических проблем. Следует отметить, что сценарии «революций» были отработаны еще в период холодной войны (так называемые «бархатные революции»), выведен общий алгоритм. «Цветные революции» (в Украине — оранжевый, цвет апельсинов (2004, 2014 гг.), в Грузии — цвет роз (2003 г.), в Киргизии — тюльпаны (2005 г.)) имели тот же шаблонный характер. По мнению Дж. Лафлэнда, одним из основных элементов «цветных революций» наряду с контролем СМИ и скрытыми операциями являются НПО [13].

Большинство российских ученых имеют отрицательное мнение относительно «цветных революций», расценивая их как государственный переворот. В определенном смысле их можно рассматривать как особую форму информационной войны. Показательно, что революции происходили в самых демократических странах СНГ. Так, Грузия и Украина обладали достаточной свободой СМИ, Киргизия имела одного из самых демократичных в своем регионе президентов.

Очевидно, что катализатором «цветных революций» становятся внешние факторы и ресурсы. Без зарубежных финансовых вливаний молодежные организации и оппозиционные политические партии с прозападно настроенными лидерами практически не имеют шансов на победу.

Такие санкционированные конгрессом и госдепартаментом США структуры, как Национальный демократический институт (NDI), Институт «Открытое общество» (OSI), Международный фонд электоральных систем (IFES), Международный республиканский институт (IRI), фонд Джорджа Сороса, "Freedoom House" и многие другие, распространяют американское влияние за рубежом, заслужив статус «агентуры глобализации» в формировании «пятой колонны» во многих странах мира [6, с. 8].

Свою деятельность они реализуют под видом помощи в построении «гражданского общества», содействия в проведении «демократических» выборов и создании «альтернативной прессы», защиты прав человека.

Что касается России, то сегодня НПО являются здесь неотъемлемой частью формирующегося гражданского общества. Государство активно занимается поддержкой неправительст-

венных организаций, уделяя растущее внимание их развитию. НПО используются в качестве инструмента «мягкой силы», без которого невозможно представить развитие государства [5].

Деятельность НПО в стране регламентируется ФЗ «О некоммерческих организациях» от 8 декабря 1995 года [10]. Согласно данному закону, иностранные неправительственные организации в России пользуются режимом, отличным от национального. В случае, если НПО финансируется из иностранных источников, она признается «иностранным агентом» и должна предоставлять в уполномоченный орган документы, содержащие отчет о деятельности и целях расходования средств.

На сегодняшний день в России насчитывается более 430 тыс. НПО, действующих в различных сферах. Они решают социальные вопросы, защищают права отдельных групп населения или общественные права в целом, предоставляют услуги населению или правительству, обеспечивают реализацию культурных и образовательных программ и т. д. [7]. 61 российская НПО обладает консультативным статусом при ЭКОСОС ООН. Следует отметить, что институты гражданского общества формируются в нашей стране в тесной связи и в зависимости от государства. Западные гражданские объединения — структуры, полностью независимые от государства.

Обеспокоенность государства по поводу влияния деятельности ряда спонсируемых иностранными структурами НПО для расшатывания политической обстановки в стране вполне оправданна. (Показательно, что именно после волны «цветных революций» в Грузии и на Украине, то есть с 2004 года, в России отмечается всплеск деятельности НПО. На их поддержку в 2012 году направлено более 9 млн долларов из бюджета Госдепартамента США.) [1, с. 36]

Протестное «белоленточное» движение 2011—2012 гг. в России было представлено властями как дестабилизирующая сила, как «иностранные агенты». С опорой на традиционную провинциальную Россию властным структурам удалось остановить рост протестного движения в столицах. После этих событий законодательство РФ по отношению к НПО ужесточилось.

Однако статистика Министерства юстиции РФ свидетельствует, что только в 2014 году на территории нашего государства насчитывалось 4108 НПО, получающих средства из-за рубежа (52 из них признаны иностранными агентами). В целом за 2014 год НПО на территории России получили более 70 млрд рублей.

Одним из последних нормативно-правовых актов по регламентации деятельности НПО, вступивших в законную силу 20 ноября 2012 года, стал закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [11]. Закон нацелен на увеличение прозрачности финансовой деятельности тех организаций, которые занимаются политикой на территории России и получают средства из-за рубежа. В законе указывается, что к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения. Вводится реестр НПО, которые выполняют функцию «иностранного агента» и обязаны публиковать свои отчеты. Данный закон не является запретительным в части иностранного финансирования, но тем не менее вызвал критику ряда зарубежных стран и ответные меры Запада.

Таким образом, государство должно учитывать деструктивный потенциал ряда спонсируемых иностранными структурами НПО, используемый ими для расшатывания политической обстановки в стране.

Неправительственные организации становятся не столько факторами развития демократии, сколько факторами дестабилизации политической обстановки. Деятельность НПО затрагивает основные вопросы национальной безопасности. Национальные правительства становятся заложниками внешнего фактора и могут быть свергнуты.

Дестабилизирующая деятельность международных НПО должна быть ограничена, а деструктивные НПО вытеснены из гражданской среды. Государствам необходимо разработать действенный механизм защиты, частью которого станут ограничение государственного финансирования неправительственных организаций, правовое регулирование в свете расширения инструментального арсенала НПО в новой инфокоммуникационной среде, установление тематических платформ для сотрудничества.

Литература

1. Бокерия С. А. Неправительственные организации (НПО). Особенности функционирования и развития в РФ / С. А. Бокерия // Вестн. РУДН. — Сер. Политология. — 2013. — № 2. — С. 33—44.
2. Гапич А. Э. Технологии «цветных революций» / А. Э. Гапич, Д. А. Лушников. — М. : РИОР, 2014. — 132 с.
3. Декларация тысячелетия ООН. 2000 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://законодательство.com/pravovi-aktimijnarodni/deklaratsiya-tyisyacheletiyaorganizatsii232597.html.
4. Кутейников А. Е. «Подлинная демократия» Совета Европы среди неисправных политических институтов европейских государств / А. Е. Кутейников // Актуальные проблемы Европы. — 2015. — № 3. — С. 69—92.
5. Медведев призвал развивать гуманитарное присутствие России в мире [Электронный ресурс] // РИА Новости. 03.09.2012. — URL: http://ria.ru/society/20120903/741836357.html.
6. Минасян Г. А. Зарубежные НПО — механизм влияния на внутреннюю политику в СНГ / Г. А. Минасян, А. Г. Восканян // Обозреватель — Observer. — 2013. — № 3. — С. 6—19.
7. Москальчук Е. И. Российские неправительственные организации как субъект международной консалтинговой деятельности : дис. … канд. социол. наук [Электронный ресурс] / Е. И. Москальчук. — СПб., 2016. — С. 108. — URL: http://rosrid.ru/dissertation/viewFullText/736QQZAX9PY3W6CDOJAYDVRL.
8. Сайт ЭКОСОС ООН — базы данных НПО [Электронный ресурс]. — URL: http://esango.un.org/civilsociety/displayAdvancedSearch.do?method=search&sessionCheckfalse.
9. Сактаганова З. Г. Исторический обзор мирового опыта развития и функционирования неправительственных организаций (1980—2011 гг.) / З. Г. Сактаганова, Д. К. Оспанова // Омский науч. вестн. — 2013. — № 3. — С. 47—50.
10. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (действующая редакция, 2016) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/.
11. Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [Электронный ресурс]. — URL: http://base.garant.ru/70204242.
12. Шагабиева Е. Н. Международные неправительственные организации: их виды, особенности, категории, характеристика / Е. Н. Шагабиева // Власть. — 2010. — № 9. — С. 94—96.
13. Лафлэнд Д. Технология государственного переворота [Электронный ресурс] / Д. Лафлэнд // liberty.ru. 2016. — URL: http://www.liberty.ru/Themes/Tehnologiya-gosudarstvennogoperevorota.
14. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят четвертая сессия. Доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» A/54/2000 п. 315 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/rassian/conferen/millenniunV2000-6.htm.
15. Baylis J., Smith S., Owens P. The Globalization of World Politics // Oxford University Press Inc. — N. Y., 2011. — P. 328—331.

NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE POLITICAL PROCESS

M. V. Karnaukhova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

tamore@rambler.ru

A. V. Fedulova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

zelenaya40@rambler.ru

NGO is an institution created by modern states and the world community as a whole, for the improvement of social relations and the smoothing of contradictions. The sharp increase in the number of NGOs makes it possible to talk about their increased role in the system of international relations and political life of states. Being a part of civil society, non-governmental organizations, perform important public functions, form the space of public policy, thus, having a significant impact on world development, constantly expanding the scope of their activities. NGOs, due to their flexibility, dynamism, proximity to reality, have the ability to respond quickly to a rapidly changing political and socio-economic agenda. They, acting as a link between the state and society, inform the authorities about changes, suggest new, more advanced approaches, ways out of crisis situations. According to some Western experts, NGOs today are becoming the main engines of globalization. NGOs are involved in the development of problems that were previously considered the prerogative of the state. These problems are: international and space security, peacekeeping, climate change, etc. An indisputable fact is the active influence of non-governmental organizations on the formation of the social and civil environment in the post-Soviet space. At the same time, the activities of a number of NGOs (local and international) threaten to national and regional security, because these NGOs are the factors in the development of democracy and in the destabilization of the political environment at the same time. The destabilizing activity of international NGOs must be limited, and destructive NGOs should be forced out of the civilian environment. Countries need to develop an effective protection mechanism, part of which will be the restriction of public funding for non-governmental organizations, legal regulation in the light of expanding the instrumental arsenal of NGOs in the new infocommunication environment, establishing the platforms for cooperation.

Key words: international non-governmental organizations (NGOs), non-state actors of international relations, color revolutions, globalization, global processes, international security, the threat to national security, civil society, social problems, the implementation of cultural and educational programs.

References

1. Bokeria S. A. (2013) Nepravitelstvennye organizatsii (NPO). Osobennosti funktsionirovaniya i razvitiya RF [Non-governmental organizations (NGOs). The peculiarities of functioning and development in the Russian Federation]. Vestnik RUDN. Ser. Politologiya, (2), p. 33—44.
2. Gapich A. E., Lushnikov D. A. (2014) Tekhnologii "tsvetnyh revolyutsiy" [Technologies of "color revolutions"]. Moscow: RIOR, 132 p.
3. United Nations Millennium Declaration of 2000 [Electronic resource]. Access mode: http://legislation.com/pravovi-akti-mijnarodni/deklaratsiya-tyisyacheletiyaorganizatsii232597.html.
4. Kuteinikov A. E. (2015) "Podlinnaya demokratiya" soveta Evropy sredi neispravnyh politicheskih institutov evropejskih gosudarstv ["Genuine Democracy" of the Council of Europe among the faulty political institutions of European states]. Aktualnye problemy Evropy, (3), p. 69—92.
5. Medvedev prizval razvivat gumanitarnoe prisutstvie Rossii v mire [Medvedev called for the development of Russia's humanitarian presence in the world] [Electronic resource] // RIA Novosti. 03.09.2012. Access mode: http://ria.ru/society/20120903/741836357.html.
6. Minasyan G. A., Voskanyan A. G. (2013) Zarubezhnye NPO — mehanizm vliyaniya na vnutrennyuyu politiku v SNG [Foreign NGOs — the mechanism of influence on domestic policy in the CIS]. Obozrevatel, (3), p. 6—19.
7. Moskalchuk E. I. (2016) Rossijskie nepravitelstvennye organizatsii kak subject mezhdunarodnoy konsaltingovoy deyatelnosti [Russian non-governmental organizations as a subject of international consulting activity]. Dis. to the Candidate of Science. SPb., p. 108 [The electronic resource]. Access mode: http://rosrid.ru/dissertation/viewFullText/736QQZAX9PY3W6CDOJAYDVRL.
8. The site of the ECOSOC — databases of NGOs: [Electronic resource]. Access mode: http://esango.un.org/civilsociety/displayAdvancedSearch.do?method=search&sessionCheckfalse.
9. Saktaganova Z. G., Ospanova D. K. (2013) Istoricheskiy obzor mirovogo opyta razvitiya i funktsionirovaniya nepravitelstvennyh organizatsiy [Historical review of the world experience of development and functioning of non-governmental organizations (1980—2011)]. Omskiy nauchnyj vestnik, (3), p. 47—50.
10. Federal Law "On Non-Commercial Organizations" of 12.01.1996 N 7-FZ (current version, 2016) [Electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824.
11. Federal Law of July 20, 2012 N 121-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Regulation of Activities of Non-Profit Organizations Performing the Functions of a Foreign Agent" [Electronic resource]. Access mode: http://base.garant.ru/70204242.
12. Shagabieva E. N. (2010) Mezhdunarodnye nepravitelstvennye organizatsii: ih vidy, osobennosti, kategorii, kharakteristika [International non-governmental organizations: their types, features, categories, characteristics]. Vlast, (9), p. 94—96.
13. Lafland D. (2016) [Technology of the coup d'état] [The electronic resource] // liberty.ru. Access mode: http://www.liberty.ru/Themes/Tehnologiya-gosudarstvennogoperevorota.
14. United Nations. General Assembly. Official reports. Fifty-fourth session. Report of the UN Secretary General "We, people: The Role of the United Nations in the 21st Century" A/54/2000 p. 315 [Electronic resource]. Access mode: http://www.un.org/rassian/conferen/millenniunV2000-6.htm.
15. Baylis J., Smith S., Owens P. The Globalization of World Politics. Oxford University Press Inc. N. Y., 2011. P. 328—331.

ФИЛОЛОГИЯ

А. И. Фефилов
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
aiffai@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье рассматриваются основные проблемы методологии лингвистического анализа, демонстрируются определения языкового феномена в философии и лингвистике, намечаются перспективы исследования интегративных вербально-мыслительных объектов в рамках нового научного направления — когитологии.
Лингвистическая методология сводится главным образом к научному объяснению языковых объектов. Однако само понятие «наука» требует толкования. Современная наука опирается на *галилеевскую модель исследования* — это вычленение из общего контекста деятельности какого-то процесса, рассмотрение его самого по себе, абстрагирование его от множества естественных связей (Г. П. Щедровицкий). Кроме того, объекты исследования зачастую подменяются научными концептами, а методы исследования вносят дополнительные корректуры в исследуемый объект.
Полны разночтений и противоречий определения языка, языковых знаков и их функций. Зачастую языку приписывается отражательная функция. Качества и свойства обозначаемого неязыкового объекта причисляются обозначающему языковому знаку. Соответственно, лингвистика превращается в экстралингвистику. Процедуры описания превалируют над процедурами объяснения. В объяснительной же лингвистике научные модели анализа часто вымещают анализируемый естественно-языковой объект. Границы между методом и объектом становятся зыбкими.
Исследования языка должны учитывать особенности «логики языка», «логики мышления» и «логики действительности». По своему характеру такие исследования должны быть междисциплинарными, интегративными. Нет языка в чистом виде. Учить нужно не языку, а мышлению на языке. Есть языкосознание и речемышление. Семантико-концептуальные феномены должны стать главным объектом исследования в **когитологии**.

Ключевые слова: описательное языкознание, объяснительная лингвистика, когнитивистика, когниция, когитология.

Понятие «методология» толкуется в научной литературе неоднозначно. Во-первых, это учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. Во-вторых, это сама система организации деятельности [1, с. 11]. В-третьих, «в науках слабой версии», прежде всего в гуманитарных науках, к методологии относят «все теоретические построения, находящиеся на более высокой ступени абстракции, чем наиболее распространенные, устоявшиеся обобщения» [1, с. 12]. Кроме того, методологию поделили на методологию науки, точнее, на «методологию научного исследования вообще» [1, с. 19], и на учение об организации всякой деятельности, как репродуктивной, так и продуктивной. Организация (как процесс, так и результат) предполагает упорядоченность и согласованность частей целого [1, с. 25]. Ключевыми терминами в определениях общей методологии являются следующие: «рационально-рефлексивное сознание», «метод рационального мышления», «структура рационально-познавательной деятельности», «дедукция», «междисциплинарность» [2, с. 495—497].

Характеризуя общую методологию, А. М. Новиков и Д. А. Новиков приводят следующую аргументацию: «У уважаемого Читателя вполне естественно может возникнуть вопрос — а можно ли говорить о методологии как об организации деятельности вообще, не касаясь содержания деятельности, которое в каждом конкретном случае разное. Здесь уместно будет привести такую аналогию. Представим себе, что методология — это форма сосуда, который может наполняться самым различным содержанием» [1, с. 670].

Данное обоснование звучит, на наш взгляд, не убедительно. Подводить организацию деятельности под прокрустово ложе формы — это означает унифицировать содержание исследуемого объекта до какого-то одного признака, не согласовывая деятельность с природой данного объекта. Форму деятельности диктует объект. Деятельность субъекта и используемые инструменты должны быть согласованы со структурой объекта. Структура объекта — это природный или артефактный синтез его частей.

Более привычным и распространенным является понимание методологии как научного объяснения исследуемого объекта. В этой связи возникает проблема определения науки. Заслуживает внимания лаконичное определение науки, предлагаемое В. Ротенбергом: «Наука — это не реестр фактов, а их объяснение и сведение в определенную систему взглядов» [3]. Особую важность приобретают при этом основные методологические вопросы: как осуществляется набор необходимых фактов об исследуемом объекте и каким образом эти факты систематизируются в виде знаний.

По мнению Г. П. Щедровицкого, утвердившаяся в науке галилеевская модель исследования — это вычленение из общего контекста деятельности какого-то процесса, рассмотрение его самого по себе, абстрагирование его от множества естественных связей. Такого рода научный подход далек от практики, не имеет дела с реальными фактами. Он не в состоянии объять всю полноту и многоаспектность отношений и зависимостей. Задача такого научного подхода состоит в том, чтобы описать абстрактный идеальный закон вырванного из реальности процесса без учета влияющих на него многочисленных связей. Строгие научные методы не годятся для описания системных сложных образований и работают только с изолированными объектами. Поэтому открываемые наукой законы представляют собой всего лишь идеальные абстракции. Галилеевская наука, согласно Г. П. Щедровицкому, идеализирует объект исследования. Такая наука, не учитывающая связи исследуемого объекта в структуре целого, не нужна. Ее атомарная логика оказывается нерелевантной, поскольку она не акцентирует внимание на том, что система предшествует элементам, а целое — своим частям. Поэтому современная наука должна стремиться к знанию, которое определяется не объектом исследования, а назначением, функциями, способами практического использования этого знания. Кроме того, следует учитывать, что такое знание модифицировано психологией того или иного народа [4, с. 124—146]. По мнению автора, методология современной науки должна связывать научное знание с практикой, оснащать мыследействия средствами, методами, формами, которые бы соответствовали той или иной ситуации. При этом правильные мыслительные процессы должны описываться логически, а не психологически. Мышление — это те конструкты, созданные человечеством, которые индивид приобретает в процессе обучения и которые накладываются на его головной мозг для последующей репродуктивной деятельности. Такого рода конструкты или знания подобны записям на долгоиграющей пластинке, которые человек лишь воспроизводит. Таким образом, мышление принадлежит не человеку, а человечеству [4].

Воспроизводящее мышление в понимании Г. П. Щедровицкого напоминает нам «личностные конструкты» Дж. А. Келли, согласно которому человек творит субъективную действительность в соответствии с системой своих понятийных образов. При этом он реагирует не на внешние воздействия, а на свои интерпретации событий [5]. По мнению Г. П. Щедровицкого, люди вращаются в символических, предметно-знаковых, искусственно созданных структурах, которые представляют собой «вторую природу» (по К. Марксу). «Вторая природа» создается в направлении не от практики к мысли, а от мысли к практике. С самого рождения на мозг человека накладываются структуры определенной мыследеятельности, которые он воспроизводит по мере надобности. Так для человека создаются логические нормативные схемы, образцы мышления и деятельности, которыми он руководствуется в своей жизни. Научное мышление, по Г. П. Щедровицкому, «не может изучаться психологически, и самое словосочетание "психология мышления" есть нонсенс: мышление может изучаться только логически, поскольку для этого требуется нормативно правильное образование, — нормативная модель интеллекту-

ального процесса…» [4, с. 124—146]. Суть такого логического подхода объясняется следующим образом: «Исследователь мышления всегда должен знать, что наблюдать, мало того, он должен знать, как построено то, что он наблюдает». «Мы должны, хотим того или не хотим, положить схематическое представление этого самого правильного мышления как некоторую норму и сказать: это решение правильное» [там же].

Как выясняется, логика такого исследования регламентируется практическими нуждами, потребностями общества. Структура исследуемого предмета («вещь в себе») отодвигается на второй план и учитывается, по-видимому, тогда, когда она удовлетворяет требованию, которое было сформулировано в философии как «вещь для нас». Следует учесть также, что создаваемая таким образом «вторая природа» отвергает изучение изолированного состояния объекта [6].

Наука о языке подразделяется традиционно на описательную и объяснительную лингвистику. Описательная лингвистика исследует языковые закономерности на одном из этапов развития языка и предпочитает так называемый дескриптивный, гипотетико-дедуктивный метод анализа. Лингвистическое исследование начинается со сбора языкового материала, построения гипотезы и её проверки на языковых фактах. Описанию подвергаются лексические и грамматические явления в синхроническом или диахроническом плане. Полученные результаты систематизируются и классифицируются. Объяснительная (ментальная) лингвистика толкует языковые факты через категории мышления. Стремится стать точной наукой. Выявляет языковые законы. Что может предложить постулируемая объяснительная лингвистика в плане метода лингвистического исследования? Объяснение, в принципе, согласно известному американскому философу К. Р. Попперу, это всего лишь «сведение неизвестного к известному» [7]. Иначе говоря, в реляции А=Б, как процедуре уравнивания, это подведение Б под А, ср. Б и есть А, следовательно, А не представляет ничего нового. Кроме того, согласно тому же ученому, «любое основание… должно отличаться от объясняемого и не зависеть от него» [7, с. 328].

Однако любой новаторский, инновационный метод анализа в лингвистике должен быть согласован с природой языкового объекта. Практика показала, что часто процедуры объяснения отрываются от языка и уходят в область обозначаемого с помощью языка. Лингвистика подменяется экстралингвистикой. Качества и свойства обозначаемого неязыкового объекта приписываются обозначающему языковому знаку.

В этой связи возникает необходимость определения языкового феномена в лингвистике и философии. Приведём здесь (без адресной интерпретации) лишь некоторые *полиграммы*, отражающие разнообразные, иногда противоречащие друг другу интерпретации языка и языковых знаков в философии и лингвистике, ср. полиграммы 1, 2, 3, 4 (см. подробнее [6]).

Отмеченные определения свидетельствуют о многогранности языковых феноменов. Многие из дефиниций и толкований акцентируют не «язык в себе», а «язык для нас», т. е. его свойства, или знаковые функции — использование в роли инструмента для называния, обозначения, выражения мыслительных понятий, а также применение его как средства речевого воздействия (побуждения).

К сожалению, некоторые лингвисты, анализируя языковые явления, не имеют элементарных методологических знаний, а иногда оперируют очень смутными представлениями о языке и его единицах. Часто мы наблюдаем небрежность при формулировке определений языкового феномена или явные методологические ошибки. Все, кто знаком с основами теории отражения, понимают, что язык не может *обозначать* и *отражать действительность*. По этому поводу у философов есть объективные возражения:

Л. Витгенштейн: «Язык вообще не отражает действительность» [13, с. 26];

В. И. Мальцев: «Языку приписывается не свойственная ему отражательная функция» [15, с. 99];

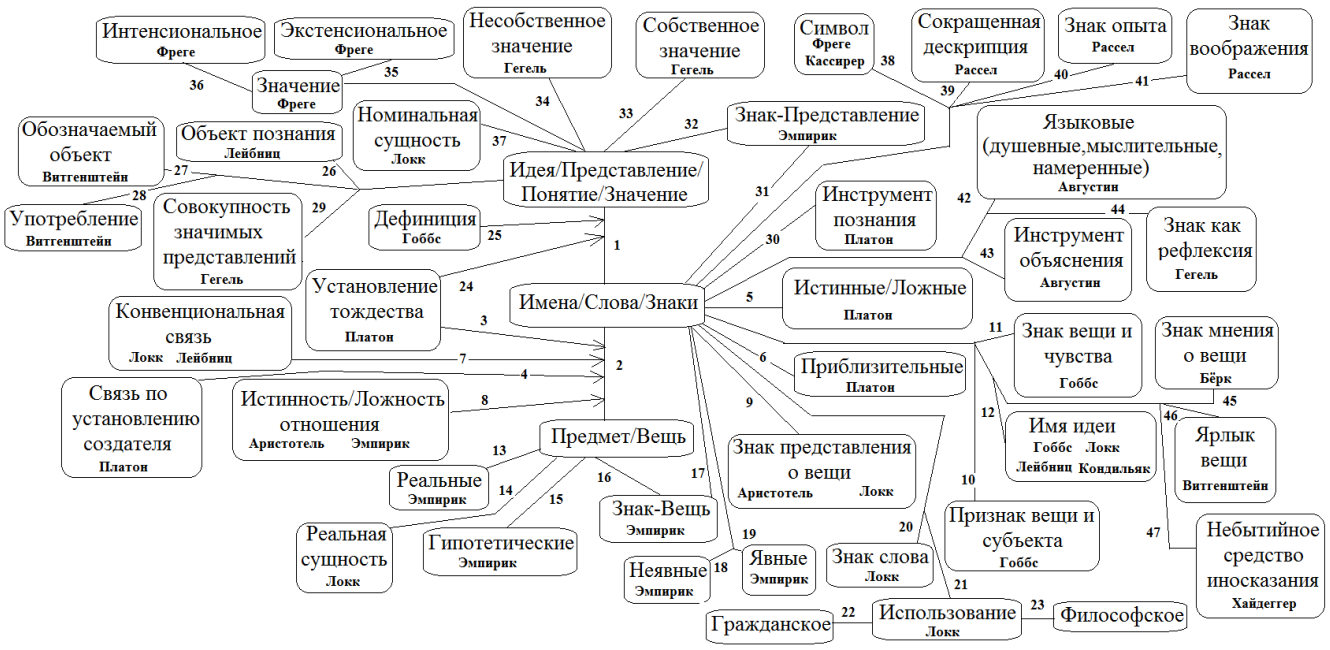
А. Х. Востоков: «Само слово не есть отражение действительности. Слово... обозначает объект и фиксирует понятие о нем, но само это обозначение совершается через и посредством значения слова...» [17].

Действительность отражается *сознанием*. Мир не может напрямую кодироваться языком. Нельзя приписывать языку отражательную функцию. Это прерогатива сознания. В противном случае мы вольно или невольно отождествляем сознание и язык, как, например, в такой формулировке, ср.: «Язык вторичен по отношению к реальности, как вторично и сознание по отношению к материи» [14, с. 12].

Язык не вторичен, он *третичен* по отношению к внешнему, объективному миру. Он может лишь соотноситься с результатами отражения или с мыслительными понятиями, т. е., выражаясь более точным языком, — с явлениями мира или идеальными мыслительными образами действительности в нашем сознании.

Полиграмма 1
Определения языка в философии

Полиграмма 1
Понятие знака в философии



Полиграмма 3

Философско-лингвистические определения языка

Полиграмма 4

Философско-лингвистические толкования языковых знаков

В лингвистической литературе можно встретить методологически безграмотные формулировки. Например, язык рассматривается даже как «способ восприятия мира». На самом деле язык не «способ восприятия мира», а *способ воплощения мира*, но не напрямую, а опосредованно через сознание. Одновременно язык — способ обозначения и средство выражения мира, отраженного в концептуальном сознании.

Пренебрежительное отношение к методологическим основам языкознания приводит к смешению языковых и мыслительных категорий и абсурдным заключениям типа: «Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов…» [16, с. 5—6]. Если «значения выражаются», то это уже не языковые значения, а мыслительные понятия.

Действительность опосредуется не языком, а сознанием. И действительность здесь не одна. Их целых три. Первые две идеальны. Третья реальна. Первая *объективирована* в языковой системе в виде значений и категорий. Вторая действительность имеет когнитивный характер. Это действительность, которая отражена в актуальном сознании в виде понятий и их отношений. (Семиотическую проблему в языке не решить, не имея представлений о том, как устроено наше сознание и как оно порождает речемыслительные процессы.) Третья действительность предстает как динамическая, находящаяся в процессе отражения нашим концептуальным сознанием. Результаты столкновения потенциального мыслительного концепта (понятия) с актуальными образами реально-онтологической действительности как раз и обозначаются с помощью языка, т. е. *вынаруживаются* для целей общения и познания. Таким образом, отношение человека и предмета обусловлено не языком, а концептуальной картиной мира. Язык обусловливает обозначение и выражение этого отношения.

В сферу объяснительной лингвистики можно было бы включить следующие типы объяснений:

1. Объяснение высказывания, констатирующего какой-то внелингвистический факт.

2. Объяснение высказываний, объясняющих констатирующее высказывание.

3. Объяснение отношения между объясняющим и объясняемым высказываниями.

Объектом многих лингвистических исследований становятся знаковые (семиотические) отношения. К сожалению, изучение отношения между языковым знаком и обозначаемым с его помощью мыслительным понятием часто превращается в объяснение не самого знакового отношения, а в описание обозначаемого мыслительного понятия. Происходит подмена лингвистической категории *языкового значения* мыслительной категорией *понятия*. Например, в соответствии с *унилатеральной* концепцией языкового знака *словом* является звуковая оболочка, а значением — само мыслительное понятие. Не зря структуралист-теоретик Л. Ельмслев, критикуя традиционные направления языкознания, говорил, что в принципе все они сводимы к нелингвистическим дисциплинам. Звуковая сторона языка может с таким же успехом изучаться в рамках физиологии. Значимую, семантическую сторону языка можно было бы, по его мнению, изучать в психологии, логике, онтологии [8]. Объектами лингвистического анализа должны быть языковые единицы (слова, словосочетания, предложения), языковые категории (напр., грам. категории) и их отношение к внеязыковой действительности (но не сама внеязыковая действительность).

Что служит для лингвиста инструментом анализа естественного языка? — Часто сам естественный язык. Ну и, конечно, разработанный им или заимствованный у кого-то *метаязык*. Считается, что научное исследование должно строиться на определенной концепции, которая имеет свою метабазу. При таком подходе мы часто наблюдаем *подмену* языкового объекта, подлежащего анализу, самой инструментальной моделью, поскольку языковой объект подгоняется под инструмент анализа в результате процедуры уподобления (А=А). При логически усовершенствованной модели анализа естественный язык используется в качестве *материала*, на котором апробируется соответствующая рассудочная, рациональная модель языка. Например, исходя из парадигмы понимания *языка как структуры*, мы начинаем моделировать структуру на материале того или иного языка, иногда в сопоставительном плане.

Поиск «структурности» в языке породил представления о «системных языковых отношениях». К таковым были причислены парадигматические отношения, напр., синонимические, антонимические. Насколько эти отношения «языковые» и в какой степени они «рациональны»? — Этот вопрос не обсуждается. Интеллектуальный анализ выдается за лингвистический анализ. Причем такое заблуждение почти не осознается. Концептуальный конструкт становится ориентиром анализа языкового объекта. Достаточно вспомнить здесь факты из истории лингвистики, связанные с поиском в рамках сравнительно-исторического языкознания (компаративистики) так называемого праязыка, ко-

торый на самом деле является интеллектуальным мифом, ср. Бодуэн де Куртенэ: «Археологический характер языкознания отразился в стремлениях даже серьезных ученых к реконструкции или воссозданию разных «праязыков», «первообразных языков», в особенности же индоевропейского праязыка» [9]. «Воссоздаваемый язык» А. Шлейхера Б. де Куртенэ называет «сказкой» [там же]. Рационально-концептуальные сказки смещают акценты анализа с языкового объекта на наши представления о них. На таком пути познания природа мира заменяется субъективным знанием о мире.

Известно, что структурный метод подменил объект анализа. Структуралисты исследовали не язык и даже не структуру языка, а начали искать аналог структуры в языке, той самой структуры, которая была изначально заложена в методе анализа в виде ментального продукта или умозрительной модели. В поисках строгой научной теории языка Л. Ельмслев отбросил всю «внеязыковую реальность» и превратил язык в формальную систему функций. Для него главным руководством к анализу является лозунг «Теория определяет свой объект и воздействует на него». Время показало, что его теория языка оказалась несостоятельной, так как она была настолько оторвана от научных представлений о языковом объекте, что о ее применении к языку не могло быть и речи. Даже сам автор этой теории не смог использовать ее на практике.

Любое лингвистическое исследование опирается на процедуры анализа и синтеза. Однако в лингвистике превалирует анализ. При этом лингвистический анализ исходит из синтеза как результата предварительного познания или гипотезы. Иными словами, анализ проводится по готовой схеме, т. е. по заранее дедуктивно выведенной модели исследуемого языкового явления.

Сама процедура анализа состоит в следующем:

1. Выводится гипотеза, что объект обладает определенным набором качеств и свойств.

2. Создается модель, или упорядоченная структура этих свойств или качеств; иногда просто задается классификационный принцип.

3. Далее данная модель «накладывается» на исследуемый языковой объект; проводится «собственно анализ», в ходе которого для каждого структурного компонента модели и межкомпонентного отношения устанавливается соответствие в материале естественного языка.

Доказательность превращается в поиск соответствующих примеров, которые подтверждают данный факт. Иногда на этом лингвистический анализ заканчивается. Другой раз на основании такого анализа делаются выводы, суть которых заключается в подтверждении выдвинутой гипотезы.

В лучшем случае лингвист выходит на следующие этапы анализа:

4. «Синтезируя» результаты анализа, т. е. сведя их к первоначальной дедуктивной модели, лингвист начинает делать выводы о том, что подтвердилось (было найдено как соответствие) в языковом объекте и что не подтвердилось (не было найдено или было обнаружено в несколько модифицированном варианте). Здесь мы имеем дело с несовершенством модели или операционной единицы, которая оказалась недостаточной, ущербной, для того чтобы охватить все наблюдаемые свойства языкового объекта.

Наконец, в наилучшем случае лингвист (часто с большой неохотой) переходит к следующему этапу исследования, а именно:

5. К этапу корректировки и пересмотра дедуктивной модели, уточнения операционной единицы.

В худшем случае этого не происходит, и лингвист констатирует, что языковой объект не имеет каких-то свойств, заданных в модели. Спрашивается, почему языковой объект должен был их иметь?

В наихудшем случае языковому объекту, о чем уже говорилось выше, насильственно приписывается запрограммированное в метаязыке анализа свойство. К сожалению, такие приписки встречаются сплошь и рядом.

Вопрос, как согласуется «объективное» с «научно-субъективным», остается актуальным в перспективе проблемы так называемого «бесполезного» или даже «вредного» знания, следствием которого являются аналитические тенденции в исследовании языка, ср.: «Как произошло подразделение на фонетику, морфологию и синтаксис, ни для кого не является секретом. Посредством дробления и механического деления. Язык изучают не в процессе его становления, а в его состоянии. Его рассматривают как нечто данное и завершенное, т. е. позитивистски. Над ним производят анатомическую операцию. Живая речь разлагается на предложения, члены предложения, слова, слоги и звуки» [10].

Другая методологическая проблема связана с искусственными или естественными условиями исследуемого объекта. «Жесткие» методы исследования, не согласующиеся с природой исследуемого объекта, вырывают объект из естественной среды обитания. Эксперименты, проводимые в соответствии с данной научной идеологией, предполагают анализ свойств объ-

екта, изолированного от его природных связей. При этом не учитывается, что изоляция объекта в целях анализа изменяет его поведение, преобразует его функции в зависимости от характера воздействия.

Активное вмешательство в познаваемый объект приводит к тому, что он начинает проявлять не свойственные ему признаки. По сути дела, анализу подвергается видоизменяемый или уже видоизмененный объект, т. е. другой объект.

Так, например, естественной средой обитания слова является речь. Однако в рамках структурного направления в лингвистике слова чаще анализировались как знаки «языка» (или гипотетической системы языка), вне речи с помощью рациональных методов. Речь же рассматривалась как способ актуализации системных свойств отдельных словесных знаков. До сих пор в языкознании ни слова не говорится о речевых знаках, лишь противоречивый термин «языковой знак» прочно закрепился в лингвистическом обиходе.

Понятие «языковая система» превратилось в лингвистический фетиш. Словесные знаки рассматриваются как элементы языковой системы, вступающие друг с другом в так называемые парадигматические, «по́левые» отношения, которые уже упоминались выше. Это — ассоциации по принадлежности к единому архипонятию, ассоциации по семантическому сходству или контрасту. Синтагматические отношения упрощенно сводятся к отношениям семантического согласования и управления в речевой связке, или к семантической эквивалентности.

Поскольку язык соотносится с сознанием, а речь — с мышлением, возникает другой вопрос. В какой степени согласуются две логики — «логика языка» и «логика мысли»? Внутренняя логика языка сформировалась в процессе объективации — воплощения, фиксации мысли (= перехода мыслительных понятий в языковые значения и категории) в различные исторические периоды развития человечества. Следует отметить, что хотя естественный язык выступает по отношению к мысли как аналоговое средство обозначения (А=Б), языковая логика не всегда совпадает с мыслительной логикой. (Последнюю нельзя сводить также к формальной логике!)

Естественно, что логика псевдолингвистического анализа не совпадает с логикой языка. Нет единодушия в вопросе, в какой степени метод анализа языка должен быть рациональным. Попробуйте определить критерии «парадигматической» классификации таких слов, как боль, деньги, анестезия, беззубая улыбка. Ну, конечно, это «посещение стоматолога» — если ты испытываешь зубную боль и у тебя есть достаточная сумма денег, ты можешь записаться на приём к стоматологу, который сделает тебе обезболивающий укол и вырвет безнадёжно больные зубы. (После этого ты будешь долго беззубо улыбаться до тех пор, пока не сможешь скопить себе деньги, для того чтобы вставить себе искусственные зубы.) Вряд ли данную классификацию слов можно назвать языковой, поскольку в ней плохо просматривается вербальная логика. А логика классификации здесь более чем рациональна.

Итак, структура и содержание исследовательской модели проецируются на исследуемый объект и в той или иной мере приписываются ему. Метаязыковое свойство рассматривается как свойство языкового объекта. Языковой объект проявляется через призму метаязыковых категорий. При этом идея согласования объекта и метода исследования, о которой говорил еще Платон, не находит своего воплощения в лингвистической методологии. Языковые объекты и лингвистические методы анализа «рассогласованы». Их столкновение и есть тот эффект неконгруэнтности, который не проливает свет на природу и функции исследуемого языкового явления. Мы анализируем преимущественно наши собственные представления о языке и концептуальные мнения о языке других авторов, но не сам язык. Вследствие дедуктивного мышления мы подгоняем под теоретические концепты языковые факты.

Индуктивный подход лишь формально предполагает вывод концепта из языковых фактов. На самом деле индуктивность незаметно подменяется дедуктивностью — мы не выводим новые концепты из языкового материала, мы подводим под рационально созданные новые или старые концепты, анализируемые языковые факты, т. е. «доказываем справедливость своего догмата».

Отграничить метод от объекта — непростая задача. Лев Толстой приводит оригинальный пример о двух спорящих. Первый из них, «отвечая на запутанные тонкости» второго, «ударил его ладонью по плеши так, что щелкануло, и задал вопрос: от чего щелкануло? от ладони или от плеши?» (Л. Толстой. О жизни). Большинству лингвистов кажется, что «щелкнуло» от языка (= от лысины). Некоторые методологи догадываются, но умалчивают, что «щелкает» от метода анализа (= от ладони). Никто, однако, не думает о том, что «щелчок», как результат соприкосновения ладони (метода) и лысины

(объекта), ничего не сообщает нам о самой лысине — ни о её природе, ни о том, следствием каких внутренних причин изменения организма она является.

Судя по традиционным курсам языкознания, до сих пор не ясно, каким образом осуществляется вербальное замещение мысли, в частности, как взаимодействуют языковые значения и мыслительные понятия. Вопрос далеко не праздный, поскольку его решение имеет большую прикладную ценность. Инструментальная функция языка согласуется с концепцией «языковых игр» Л. Витгенштейна, из которой вытекает, что способ обозначения накладывает существенный отпечаток на восприятие предмета. То, что отражение внешнего мира в мысли зависит от способа представления, — положение довольно известное и почти тривиальное для философии. Так, например, определяя языковые единицы как знаки идей, философ Э. Б. де Кондильяк отмечает, что с помощью языковых знаков человек классифицирует предметы действительности на роды и виды. Он, таким образом, «распределяет их на подчиненные друг другу классы» [18, с. 161].

Однако такое распределение осуществляется «не столько в зависимости от природы вещей, сколько от способа, каким мы их познаем» [там же]. Для Л. Витгенштейна данное положение является опорным, хотя явно о нем он не говорит.

Позволим себе с помощью рисунка 1 продемонстрировать «игровые» манипуляции философа с наложением листка бумаги, на котором вырезаны геометрические фигуры (например, треугольники, см. Лист 1), на другой белый лист бумаги, местами затушеванный (Лист 2). При наложении одного листка на другой экспериментатор видит геометрические фигуры, частично заштрихованные (Лист 3). От инструмента-сетки (Лист 1) воспринимаются фигуры, а от объекта, на который воздействуют (Лист 2), — цвет. При наложении Листа 1 на Лист 2 мы действительно видим не объект познания как таковой (Лист 2), а прежде всего инструментальную форму и частичное объектное содержание (Лист 3), ср. ‘Я вижу геометрические фигуры (треугольники), которые частично заштрихованы’ (рис. 1).

Аналогичным образом понимается инструментальная функция языка в лингвистике. Язык (Лист 1) выступает по отношению к мысли (Лист 2) как форма, структурирующая мыслительное содержание (Лист 3). Язык понимается как формальная, организующая проекция на действительность, высвечивающая в последней определенное содержание. В худшем случае целевым объектом познания становится сам язык-инструмент, а не обозначаемая им действительность.

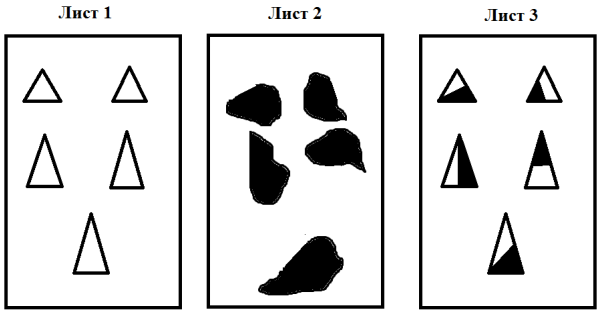


Рис. 1. **Процедура познания (по Л. Витгенштейну)**

Процедура познания по Л. Витгенштейну может быть полезной для более глубокого и критического осмысления известных знаковых концепций языка, в соответствии с которыми язык стоит вне сознания. Данное философское положение помогает выйти на проблему интеграции языка и сознания (языкосознания) и речи и мышления (речемышления) с учётом того, что интеграция не предполагает полного совпадения или согласованности и всегда содержит в себе внутреннее противоречие.

Ещё один пример несовпадения логики языка и мысли. Это нетождественность «линейности» языка и «нелинейности» мысли (см. рис. 2, 3).

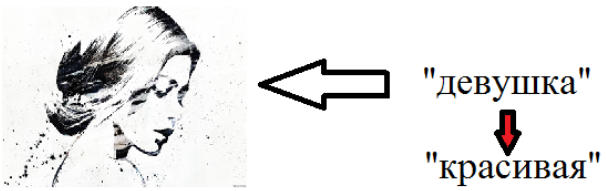


Рис. 2. **Логика мысли**

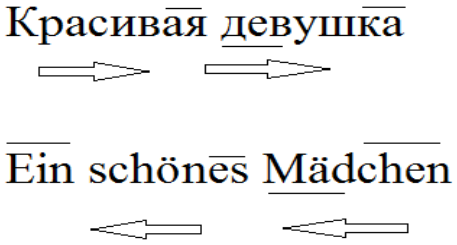


Рис. 3. **Логика языка**

В мысли первичным является целостный объект («девушка», "Mädchen"), вторичным — его признак («красивая», "schön"). В языках (немецком и русском) атрибут (признак) предшествует существительному (предмету). При этом «русская линейность» строится на «поступательной» согласованности прилагательного (имеющего родовой признак на уровне системы языка) и существительного. «Немецкая линейность» представляет собой результат предварительной вербальной детерминации прилагательного со стороны существительного признаком рода, поскольку немецкое прилагательное имеет род только на уровне речи («возвратная согласованность»).

Более сложной и «скользкой» в методологическом отношении является проблема согласованного, «гармоничного» соотношения языка и мысли. К примеру, мыслительной категории пола соответствует грамматическая категория рода (за исключением среднего рода). Но зачастую грамматические признаки мужского и женского рода выполняют классификационную функцию и не выражают принадлежность к тому или иному полу, ср.: *синица* — (ж. род) : (? пол); *дятел* — (м. род) : (? пол).

Другая методологическая проблема. Преобладает мнение, что с помощью языка мы анализируем мысль, а значит, и скрывающуюся за ней действительность. Не означает ли это, что язык выступает по отношению к мысли как метод, инструмент анализа? Однако у лингвиста, далёкого от философских стереотипов, создаётся впечатление, что он определяет не мыслительный объект, а имя этого объекта. Он объясняет с помощью дефинитивных высказываний не объект мысли, а его временное или постоянное имя. Он сводит высказывание к слову.

На самом деле, мы адаптируем текст и подводим его к установленному термину. Данные процедуры представляют собой не что иное, как вербальный анализ и синтез, ср.:

(1) ФИШКА — кружок, бляшка, кубик, квадратик, заменяющие деньги до окончательного расчёта (в карточных и других играх и в казино).

(2) Организм, обычно развивающийся в неподвижном состоянии и питающийся неорганическими веществами почвы и воздуха, — это РАСТЕНИЕ.

Метод дефиниций используется в современной лингвистике для объяснения содержания семантической структуры языковых единиц. Линейная дефиниция пришла на смену вертикальному представлению иерархии семантических признаков. Следует заметить в этой связи, что идея линейности долго не прилагалась к семантической стороне языкового знака, пока основным методом расчленения семантического целого на части был компонентный анализ, представляющий семантику в виде совокупности архисемы и дифференциальных или дистинктивных сем. Сегментация семантического содержания языковых знаков происходила не по горизонтали, а по парадигматической, таксономической вертикали, ср.: тигр — «животное», «млекопитающее», «зверь», «хищный», «полосатый».

С наступлением эпохи разработки «семантического метаязыка», «семантических множителей» в рамках парадигмы «Смысл <---> Текст» (И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян и др. [12]) линейный подход снова стал главенствующим, ср.:

Учитель — «тот, кто обучает какому-либо предмету учеников в школе» ('лицо, которое каузирует знания учащихся по какому-либо предмету в школе').

Однако ни вертикальный компонентный, ни линейный дефиниторный подход не приблизили лингвистику к решению вопроса о взаимоотношении языка и мышления.

Согласно Л. Витгенштейну, мы анализируем не мышление, а понятие мышления. Можно сказать по аналогии, что мы анализируем не язык, а научные представления о языке, интерпретируем не слова, а наши знания о словах как лингвистических феноменах. Мы обращаемся не к миру, а к концепту мира, к модели действительности. В нашей деятельности мы руководствуемся знаниями о реалиях, а не реальными знаниями. Рационализм познания, подменяющий онтологию эпистемологией, зафиксирован не только в научных изысканиях, но и воплотился в самом языке. Мы видим, что язык именует и обозначает не образы вещей самих по себе, а представления о вещах с точки зрения их полезности или бесполезности для познающего субъекта.

С одной стороны, язык рационализируется благодаря мысли. С другой — мысль иррационализируется с помощью языка. В языке мы видим прообразы логико-мыслительных категорий — предметы, действия, пространство, время, количество, качество. Но это всего лишь аналоги мыслительных категорий. При ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что языковое сознание проявляет свою самостоятельность. Мы понимаем, например, что «грамматическая предметность» не всегда совпадает с «мыслительной предметностью», ср.: дерево (Что это? =); страх (Что это? #); работа, бег, прогулка (Что это? #) и т. д.

Одно и то же имя, соотносимое в коммуникативно-семиотическом акте с различными предметными и непредметными понятиями, создает иллюзорное впечатление концептуального единства, ср.: зима характеризуется как временно́е понятие, ср.: «время года, следующее за осенью и предшествующее весне». Однако такие атрибутивные словосочетания, как холодная, теплая, снежная зима, разрушают рациональный концепт темпоральности. В них определяются экзистенциальные качественные и субстанциальные параметры (ср.: Этой зимой было тепло), а также квантитативные и субстанциальные признаки (ср.: Этой зимой было много снега).

Последующее рассмотрение методологической проблемы выявит пути менее противоречивого решения проблемы инструмента и объекта анализа.

Пока же мы можем констатировать, что единицы языка соотносятся с мыслительными понятиями посредством других метаязыковых единиц, более обобщенных и монозначных, чтобы избежать противоречий в толковании языковых значений и характера их соотношения с мыслительными понятиями. Часто слова в целом и их части участвуют в выражении нескольких мыслительных категорий, ср.: девочка, мальчик → «пол», «возраст», «величина» (см. рис. 4).

Методология научного исследования строится в соответствии с приверженностью исследователя к тому или иному философскому методу. Интересен в этой связи сопоставительный анализ позитивизма и диалектического материализма, проведенный лингвистом Ю. В. Рождественским. Представим некоторые результаты данного сопоставления в таблице, обозначив принципиальные различия позитивистской и диалектической точек зрения, уточнив и дополнив в процессе интерпретации некоторые положения (в особенности те, которые характерны для позитивизма).

Из критериев, приведенных в таблице 1, вытекает, что позитивистские методы исследования оторваны от природы объекта и являются главным образом искусственными дедуктивными конструктами, в чем и проявляется их односторонность и слабость. Такие модели коннотируют исследуемый объект, т. е. привносят в его видение дополнительные («инструментальные») признаки.

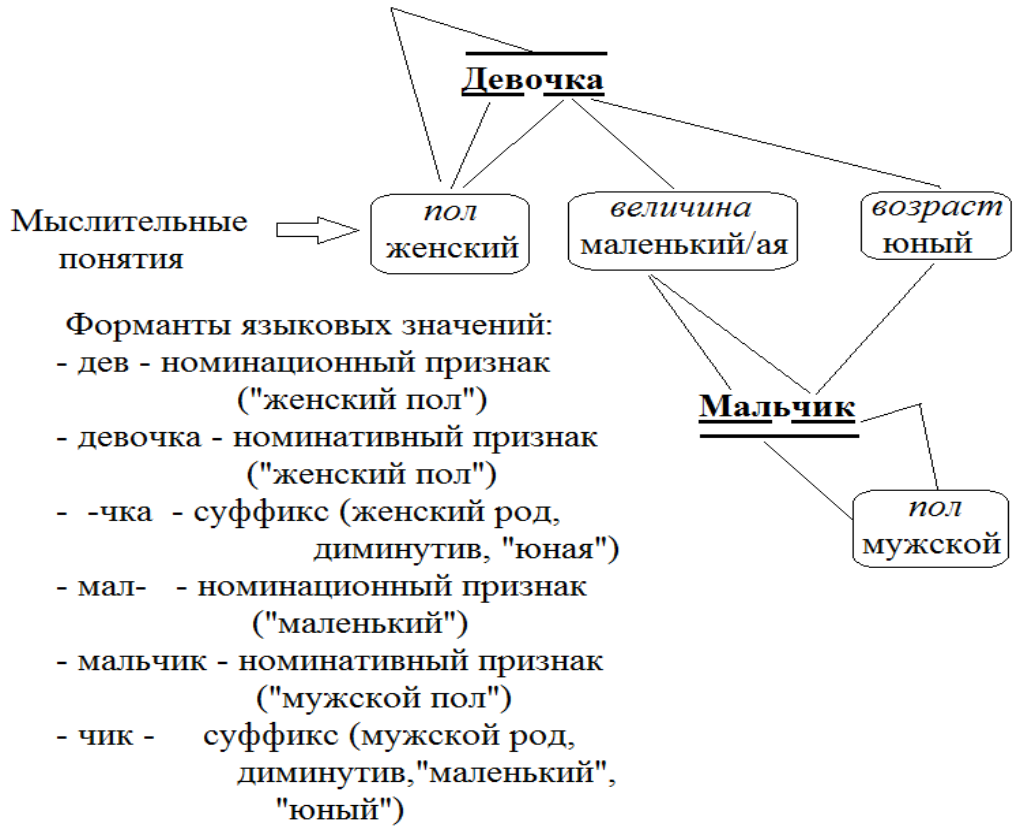


Рис. 4. **Соотношение семантизированных формантов с мыслительными понятиями**

Таблица 1

Знание в перспективе позитивистского и диалектико-материалистического подходов

Позитивизм	Диалектический материализм
1. Истинное (позитивное) знание об объекте может быть достигнуто благодаря **синтезу** результатов различных **наук**	1. Истинное знание достигается благодаря установлению **соответствия** содержания знания природе познаваемого объекта
2. Наука **не объясняет, а лишь описывает** и упорядочивает явления	2. Знание о предмете черпается из его **существенных сторон**
3. Знание об объекте достигается благодаря систематизации явлений в соответствии с понятийными **конструкциями**, или теорией	3. **Модель** познания должна соответствовать природе познаваемого объекта
4. Путь познания **от (рациональной) модели** к объекту. При этом модель не обязательно должна соответствовать изображаемому в ней объекту	4. Модель познания создается **индуктивно** (на пути от объекта к знанию о нем). В процессе дедуктивного использования модели она уточняется, приводится в соответствие с изучаемым предметом
5. Знание о действительности и сама действительность различаются. В ходе познания **создаются ментальные значения** (конструкты знаний), которые приписываются реальности, или реальность подгоняется под них	5. Задача познания — **открыть законы** развития природы и общества. Метод анализа выводится из природы познаваемого объекта. Объективными методами анализа являются эксперимент и историческое сравнение. **Эксперимент** предполагает анализ свойств объекта, **изолированного от связей**, характерных ему в природе, путем воздействия на данный объект. По изменениям в объекте в процессе **воздействия** на него судят о существенных сторонах данного объекта

Диалектико-материалистическая методика исследования, оказывается, также не лишена своих слабостей. Особенно бросается в глаза её «галилеевский» характер, в соответствии с которым «в эксперименте объекты особым образом изолируются от тех связей, которые обычно свойственны им в природе, а затем подвергаются контролируемому экспериментатором воздействию. В результате этого можно наблюдать основные свойства объекта. Воздействуя на какие-либо стороны объекта, можно добиться изменений в объекте и по характеру этих изменений судить о существенных сторонах объекта» [12, с. 98].

При внимательном рассмотрении приходим к выводу, что позитивистский и диалектико-материалистический подходы имеют много общего. Оба метода «моделируют» объект без учета его природных связей, первые — дедуктивно, вторые — индуктивно и экспериментально. И те и другие создают «вторую природу», или мир артефактов.

Методология исследования, в соответствии с которой *объект* изолируется от естественных связей и изучается «сам по себе», является порочной. Такой объект исследования погружается на самом деле в иную среду и вступает в новые связи. Он не равен самому себе. Это уже другой объект.

В плане методологии науки о языке свет в конце тоннеля можно увидеть в создании более строгого метаязыка лингвистической науки, приближающегося по своей функции к символьному алгебраическому языку, когда каждому знаку-символу приписывается какое-то значение и благодаря этому интерпретация более или менее строго регламентируется. Ср.: ***«A+B=C»***, пусть ***«A»*** есть слово как единство формы и содержания; пусть ***«B»*** есть сознание как организованная совокупность мыслительных понятий; пусть знак (**+**) символизирует процедуру обозначения (наложения, интеграции); тогда знак равенства (**=**) означает акт выражения, а символ ***«C»*** означает результат интеграции семантики и мыслительного концепта.

Проблема соотношения языка и мышления — это проблема когнитивистики, в частности — **когитологии** (интердисциплинарного направления исследования, которое не является «чисто» лингвистическим по своему характеру) (см. [19]).

В заключение приведём фрагмент когитологического анализа *слова-понятия* 'СТОЛ' с использованием упрощённого (деконтенсионали-

зированного) естественного языка и специального метаязыка, ср.:

'СТОЛ' — это:

предмет (*субстанциальность как родовой признак*; концепт), **относящийся к классу** (*классификация* — первая когниция);

мебели (*субстанциальность как видовой признак* — вторая когниция);

сделанный из (*фактитивная акциональность* — третья когниция);

какого-то материала, напр. **из дерева** (*фабрикативная субстанциальность* — четвёртая когниция);

состоит из (*конститутивность* — пятая когниция);

ножек, столешницы (*субстанциальное содержание* — шестая когниция);

предназначен для (*утитивность* — седьмая когниция);

осуществления / выполнения (*реляциональность* — восьмая когниция);

в его пространстве (*инклюзивная локальность* — девятая когниция);

определенной деятельности или соответствующих действий (*акциональность* — десятая когниция).

Прикладная ценность когитологической методологии заключается в том, что она позволяет создавать **«грамматики мысли»**. Методистам давно пора понять, что учить нужно не языку, а мышлению на языке!

Литература

1. Новиков А. М. Методология / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. — М. : СИНТЕГ, 2007. — 668 с.
2. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М., 2009. — 1248 с.
3. Ротенберг В. С. «Образ я» и поведение / В. С. Ротенберг. — Иерусалим : Изд-во «МАХАНАИМ», 2000.
4. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание / Г. П. Щедровицкий // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник, 1986. — М., 1987. — С. 124—146.
5. Келли Дж. А. — URL: http://www.kelly.psy4.ru /theory.htm.
6. Фефилов А. И. Лингвокогитология : моногр. / А. И. Фефилов. — Ульяновск : УлГУ, 2012. — 210 с.
7. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер ; пер. с англ. Д. Г. Лахути ; отв. ред. В. Н. Садовский. — М., 2002. — 384 с.
8. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев // Зарубежная лингвистика. I. Новое в лингвистике. — М., 1999.
9. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию / Бодуэн де Куртенэ. — Т. I. — М., 1963. — 384 с.
10. Фосслер К. Позитивизм и идеализм в языкознании (Извлечения) / К. Фосслер // Хрестоматия по истории языкознания веков / сост. В. А. Звегинцев. — М., 1956. — С. 290—301.
11. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. — М., 1974. — 347 с.
12. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию / Ю. В. Рождественский. — М., 2000. — 344 с.
13. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. — М., 1958. — 134 с.
14. Будагов Р. А. Язык — Реальность — Язык / Р. А. Будагов. — М. : Наука, 1983. — 262 с.
15. Мальцев В. И. Лексическое значение и понятие // Проблема знака и значение. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. — С. 93—102.
16. Королев К. Язык мира / Языки как образ мира / К. Королев. — М., 2003. — С. 5—6.
17. Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам (1820) [О сравнительно-историческом методе]. Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф. П. Филина. — М., 1973. — С. 66—69.
18. Кондильяк Э. Б. де. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / Э. Б. де Кондильяк ; пер с фр. ; общ. ред. и примеч. В. М. Богуславского. — М., 1980. — 334 с.
19. Фефилов А. И. Основы когитологии : моногр. / А. И. Фефилов. — Ульяновск : УлГУ, 2004. — 216 с.

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN LINGUISTICS (CRITICAL ANALYSIS)

A. I. Fefilov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

aiffai@yandex.ru

The article deals with the main problems of the methodology of linguistic analysis. The author demonstrates the definition of the language phenomenon in philosophy and linguistics, and outlines the prospects for integrative verbal and cogitative objects within a new scientific field — cogitology. Linguistic methodology is mainly reduced to the scientific explanation of

linguistic objects. However, the definition of "science" requires more interpretation. Modern science relies on the Galilean model of research — it stands for the isolation of some process from the general context of its performance, and considering it separately that leads to its abstraction from a variety of natural connections (G. P. Shchedrovitsky). In addition, the research objects are often replaced by scientific concepts, whereas the research methods add extra proofs to the object of the research. The definitions of language contain a lot of discrepancies and contradictions, linguistic signs and their functions. The reflective function is often ascribed to the 'language'. The qualities and properties of the designated non-linguistic object are classed as indicating the linguistic sign. As a matter of fact, linguistics turns into extralinguistics. The description procedures prevail over the explanatory procedures. In explanatory linguistics, scientific models of analysis often take out the analyzed natural language object. The boundaries between the method and the object become unstable. Studies of the language should take into account the peculiarities of the "language logic", the "logic of thinking" and the "logic of reality". Inherently, such studies should be interdisciplinary and integrative. There is no language in its pure form. The person needs to learn not the language itself, but the way of thinking in the language. There is linguistics and speech-thinking. Semantic-conceptual phenomena should become the main object of a research in cogitology.

Key words: taxonomic linguistics, explanatory linguistics, cognitivistics, cognition, cogitology.

References

1. Novikov A. M., Novikov D. A. (2007) Metodologiya [Methodology]. Moscow: SINTEG, 668 p.
2. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow, 2009, 1248 p.
3. Rotenberg V. S. (2000) "Obraz ja" i povedenie ["Image I" and behavior]. Ierusalim: Izd-vo "MAHANAIM", 2000.
4. Shchedrovitskiy G. P. (1986) Shema mysledeyatelnosti — sistemno-strukturnoe stroenie, smysl i soderzhanie [The pattern of mental activity — system and structural construction, meaning and content]. Sistemnye issledovaniya. Metodol. probl.: Ezhegodnik, p. 124—146.
5. Kelli Dzh. A. http://www.kelly.psy4.ru /theory.htm.
6. Fefilov A. I. (2012) Lingvokogitologiya: monogr [Linguistic cogitology: monograph]. Ulyanovsk: UlGU, 210 p.
7. Popper K. R. (2002) Objektivnoe znanie. Evolyutsionnyj podhod [Objective knowledge. Evolutional approach]. Per. s angl. D. G. Lahuti. Otv. Red. V. N. Sadovskij. Moscow, 384 p.
8. Elmslev L. (1999) Prolegomeny k teorii yazyka [Prolegomena to the linguistic theory]. Zarubezhnaya lingvistika. I. Novoe v lingvistike, Moscow.
9. Boduen de Kurtene (1963) Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu [Selecta on general linguistics]. Vol. 1, Moscow, 384 p.
10. Fossler K., Zvegincev V. A. (1956) Pozitivizm i idealizm v yazykoznanii (Izvlecheniya) [Positivism and idealism in linguistics (Abstracts)]. Hrestomatiya po istorii yazykoznaniya vekov. Moscow, p. 290—301.
11. Apresyan Ju. D. (1974) Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical semantics. Synonymous features of the language]. Moscow, 347 p.
12. Rozhdestvenskiy Ju. V. (2000) Lektsii po obshchemu yazykoznaniyu [Lectures on general linguistics]. Moscow, 344 p.
13. Vitgenshtejn L. (1958) Logiko-filosofskiy traktat [Logical and philosophical tractate]. Moscow, 134 p.
14. Budagov R. A. (1983) Yazyk — Realnost — Yazyk [Language — Reality — Language]. Moscow: Nauka, 262 p.
15. Maltsev V. I. (1969) Leksicheskoe znachenie i ponyatie [Lexical meaning and concept]. Problema znaka i znachenie. Moscow: Izd-vo Mosk. Gosud. universiteta, p. 93—102.
16. Korolev K. (2003) Yazyk mira. Yazyki kak obraz mira [Language of the world. Languages as the world image]. Moscow, p. 5—6.
17. Vostokov A. H. (1973) Rassuzhdenie o slavyanskom yazyke, sluzhashchee vvedeniem k grammatike sego yazyka, sostavlyaemoy po drevnejshim onogo pismennym pamyatnikam (1820) [Slavonic discourse that is introduction to Slavonic grammar collected from written Slavonic records (1820)]. Hrestomatiya po istorii russkogo yazykoznanija. Pod. Red. F. P. Filina. Ucheb. posobie. Moscow, p. 66—69.
18. Kondiljak Je. B. (1980) Sochineniya: V 2 t. [Essays: in 2 volumes]. Vol. 1, Per s fr.; Obshh. red. i primech. V. M. Boguslovskogo. Moscow, 334 p.
19. Fefilov A. I. (2004) Osnovy kogitologii. Monografiya [Fundamentals of cogitology. Monograph]. Ulyanovsk: UlGU, 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Д. С. Точеный
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

Н. Г. Точеная
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

НЕПОБЕДИМЫЙ, УНИЖЕННЫЙ И ОСКОРБЛЕННЫЙ

РЕЦЕНЗИЯ
на книгу С. Михеенкова
«ЖУКОВ. МАРШАЛ НА БЕЛОМ КОНЕ»
(М. : Молодая гвардия, 2015. 631 с.
Серия «Жизнь замечательных людей»)

Размышляя о месте и роли выдающихся политиков, ученых, писателей, художников, полководцев в жизни человечества, российский историк Н. В. Гончаренко верно заметил: «Великие умельцы, искусные знатоки своего дела всегда пользовались большой любовью народа. Во все времена цивилизации перед ними преклонялись, увенчивали лавровыми венками. Глубина и блеск их ума, мастерство рук, исключительность замыслов и артистичность их исполнения, неиссякаемая энергия, как недоступный идеал, манили, привлекали, тревожили людей,

разжигали их фантазию. Нам импонируют смелость идей и бесстрашие дел великих умов. Повышенное внимание к ним со стороны широких масс — это не только проявление любопытства, но и выражение восхищения, гордости за достижения гениев» [1].

Биография любой неординарной личности — предмет повышенного интереса миллионов людей. Специфичным для жителей нашей страны является заметное увлечение жизнеописаниями выдающихся руководителей государства (Петр I, Александр II) и блестящих полководцев (А. В. Суворов, М. И. Кутузов), но особенно популярны в России те издания, которые посвящены советским лидерам, продемонстрировавшим таланты и политика, и полководца. Таким был, например, Г. К. Жуков. Дань уважения к нему отдается во многих книгах. Отрадно, что две из них — монографии Н. Яковлева [2] и С. Михеенкова — опубликованы в серии «Жизнь замечательных людей». Аннотация второй из них обещает многое: «Новую биографию Маршала Победы — Георгия Константиновича Жукова отличает от предшествующих то, что ее автору удалось буквально вжиться в образ своего героя, не только правдиво показать его полководческий дар, но и максимально приблизиться к нему как к человеку. Жизнелюб и хват — командир, стойкий солдат и верный друг, заботливый муж, отец и брат, воин, который не робел перед Сталиным и не боялся вступить в схватку с самой мощной военной машиной в Европе в 30—40-е годы XX века — армией фашистской Германии. Герой, который познал триумф и опалу, любовь и предательство, всю свою жизнь посвятил Отечеству».

Основное внимание С. Михеенков, как и положено, уделяет деятельности Г. К. Жукова в период Великой Отечественной войны. Облик будущего Маршала Победы накануне нападения Германии нарисован кратко, точно и емко. Он к месту цитирует характеристику Георгия Константиновича, которую дал ему некогда его командир К. К. Рокоссовский: «Сильной воли, решительный, обладает богатой инициативой и умело ее применяет на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив» (с. 190).

Рассказывая о теоретическом багаже Г. К. Жукова, автор рецензируемой книги подчеркнул: да, у него не было академического образования, но он сумел постигнуть теорию управления войсками самостоятельно, штудируя военную литературу. С. Михеенков удачно делает ссылку на воспоминания дочери Георгия Константиновича Эллы: «Всюду с собой он возил главный свой багаж — книги. Как сейчас, вижу три тома Клаузевица «О войне», примечательные тем, что они испещрены пометками отца. Такая же судьба постигла десятки томиков в светло-серых переплетах серии «Библиотека командира РККА». Они были очень удобны для работы, так как печатались с большими полями. Были книги, изданные еще до революции. Среди них «Ведение современных войн и боя» А. Г. Елчанинова, «Стратегия» А. А. Незнамова, «Основы современного военного искусства» В. А. Черемисова. А еще Свечин, Мольтке, Шлиффен, Снесарев. Жизнеописания великих полководцев Древнего Рима и Карфагена» (с. 190—191).

Уникального по своей пытливости самородка, стремившегося постичь тайны многочисленных битв и сражений, С. Михеенков справедливо наделяет чертами главного былинного героя времен Киевской Руси. И страницами своей книги убедительно доказывает, что Георгия Константиновича многое роднит с феноменальным богатырем русского эпоса. По нашему мнению, такое сопоставление отнюдь не является преувеличенным. К сожалению, язык, который употребляет С. Михеенков для вполне оправданного прославления своего любимого героя, порой такой вычурный и дубовый, что заставит поморщиться даже начинающего редактора. Так, критикуя своих безымянных оппонентов, он пишет: «Большинство биографов маршала Жукова его регулярные поездки просто не замечают. Увлеченные темой службы и войны, темой кремлевских интриг, родину они пропускают как незначительное. А между тем Жукова нельзя понять вне родины. Потому что он прежде всего человек родины. Корневой. Земляной. Сыновнее, крестьянское чувствовалось в нем всю жизнь. И всю жизнь ему помогало. Именно родина стала первичным материалом, тем фундаментом, на котором впоследствии строилась судьба будущего Маршала Победы» (с. 89).

Не достигая вершин в стилистике русского языка (он иногда просто неряшлив), С. Михеенков, отдадим ему должное, четко определяет место, роль и значение действий Г. К. Жукова на всех этапах противостояния Германии и СССР: «Сталин всю войну посылал своего верного Илью Муромца то под Киев, то в Ленинград, то в район Ельни, то снова под Киев, на Днепр и, наконец, на Берлин» (с. 230). И везде, одерживая ли победы или проигрывая сражения, полководец вел себя достойным образом: он неизменно был храбр, отважен, расчетлив и оригинален в принятии решений, работоспосо-

бен, честен. Ни перед кем не лебезил. Чувствуется, что С. Михеенков любуется поступками Георгия Константиновича. Вот один из эпизодов, запечатленный в книге.

26 июня 1941 года. Совещание работников Генерального штаба с участием руководителей партии и правительства:

«И. В. Сталин:

— Товарищ Жуков, что еще можно сделать для выправления положения на фронте и улучшения ведения боевых действий нашими армиями?

Предложение, высказанное начальником Генштаба, заставило многих вздрогнуть:

— В сложившихся обстоятельствах считаю необходимым срочно пересмотреть дела незаконно арестованных генералов и офицеров Красной армии. Их возвращение в войска существенно поможет общему делу.

Вскочил Каганович. Напрягся и заерзал на стуле Ворошилов. У Берии задрожало пенсне.

— Разве есть у нас незаконно арестованные?! — почти в один голос воскликнули они.

В эту напряженную минуту начальника Генштаба Жукова неожиданно поддержал нарком обороны Тимошенко. Сталину пришлось уступить военным:

— Хорошо, — кивнул он. — Давайте список (с. 245).

Вскоре сотни командиров Красной армии были освобождены из тюрем и концлагерей и отправлены на фронт сражаться с фашистами.

А вот еще один крайне драматичный момент, воссозданный пером С. Михеенкова.

«29 июня 1941 года. Вечером Сталин потерял самообладание, узнав, что немцы второй день хозяйничают в Минске, а западнее столицы Белоруссии враг захлопнул капкан вокруг основной массы войск Западного фронта, что значило: путь гитлеровским войскам на Москву открыт.

Не дождавшись очередного доклада наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова об оперативной обстановке, Сталин с рядом членов Политбюро внезапно появился в Наркомате обороны. Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутина, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное напряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке. Изумленный такой наглостью военных, Берия пытался вступиться за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу. Затем он тут же поехал на дачу» (с. 247—248).

С. Михеенков нарисовал характер Георгия Константиновича очень рельефно. Такой Жуков вызывает восхищение. Начальник Генштаба отстоял свою честь: он поставил на место «гения всех времен и народов». Право, он заслужил только за такое поведение самого лучшего памятника. Такого в жизни «великого кормчего» больше, наверное, не было. Поневоле вспоминаются слова А. М. Горького: «Безумству храбрых поем мы славу!» Но важно, что в яростных спорах с И. В. Сталиным он не только требовал уважительного отношения к себе, но добивался разумного решения сложнейших военных проблем. Жуков думал о спасении своей страны.

29 июля 1941 года после очередного грубого разноса Георгий Константинович прямо заявил «гениальному полководцу»: «Если вы считаете, что я как начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать меня на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине». С того дня Жуков колесил по военным дорогам России, Польша и Германии. Всюду, по верному заключению С. Михеенкова, ему «доставались тяжелейшие задания и трудные соперники».

14 сентября 1941 года Жуков прилетел в Ленинград. В Смольном он нашел маршала Ворошилова, растерянного, потерявшего контроль над ситуацией. Молча передал ему записку Сталина: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву». Ворошилов прочитал записку и сник. Георгий Константинович представился как новый командующий фронтом и закончил краткое свое выступление словами: «Будем защищать Ленинград до последнего человека».

К 17 сентября 1941 года положение северной столицы обострилось до предела. Оценивая состояние и настроение Жукова в этот день, С. Михеенков пишет об умении своего героя смотреть правде в глаза: «Он хорошо чувствовал организм войны, течение боя, его направления, повороты и изгибы; знал — вероятность того, что немцы прорвут оборону и хлынут в город, очень велика. Жуков постоянно бросал войска в короткие контратаки. Они, несомненно, истощали наши силы, но еще сильнее действовали на врага».

К 5 октября 1941 года наступление немцев стало ослабевать. Фашисты, потеряв надежды сокрушить оборону Ленинграда, начали перебро-

ску своих танков в район Рославля для нанесения «решающего удара» по Москве (с. 294—296).

6 октября 1941 года Георгий Константинович по приказу Сталина прилетел в Москву. Над столицей нависла реальная угроза захвата германскими войсками. Жукову в качестве представителя Ставки было предложено организовать защиту белокаменной, координируя действия Западного и Резервного фронтов, войска которых в большей части были разгромлены.

7—8 октября 1941 года он выехал в прифронтовую полосу, чтобы выяснить обстановку. Она была хуже некуда. В опустевшем Малоярославце Жуков наткнулся на знаменитого героя Гражданской войны, командующего Резервным фронтом маршала Буденного, совершенно оторопевшего, подавленного, потерявшего связь даже со своим штабом. Разговор был недолгим. С. Михеенков в ярких и реалистических красках описал финал этой беседы: «Примерно через полчаса Георгий Константинович вышел, подтянутый, с каким-то пронзительным выражением в глазах. А за ним вывалился обмякший Буденный, знаменитые усы обвисли, физиономия отекшая. С заискивающим видом он пытался забежать вперед Жукова и что-то лепетал самым подхалимским тоном. Георгий Константинович, не обращая внимания, буквально прыгнул в машину. Тронулись. В зеркале заднего вида запечатлелся замерший Буденный с разинутым ртом, с протянутой рукой, которую Жуков не пожал» (с. 306—307).

Битва за Москву потребовала от Г. К. Жукова нечеловеческого напряжения. Его экзаменовала германская военная машина. Досаждали вожди партии своими непрофессиональными советами и обещаниями скорой кровавой расправы. В один из критических дней сражения за Москву Сталин прислал в штаб Западного фронта Молотова, второго человека в иерархической лестнице партии. Тот, ничтоже сумняшеся, пригрозил Жукову расстрелом в случае отступления. Последовал краткий ответ сталинскому гонцу: «Вначале вы себя расстреляйте, а затем меня». Да и сам генсек в очередной раз довел Георгия Константиновича до белого каления своими дилетантскими требованиями. Жуков взорвался: «Вы можете в Кремле расставлять оловянных солдатиков, а мне некогда этим заниматься». В заключение этого разговора Георгий Константинович выпустил обойму брани и швырнул телефонную трубку (с. 319).

Стоит ли удивляться, что организм Жукова в октябрьские дни 1941 года находился на грани истощения. С. Михеенков очень сочувственно рассказывает об этом: «Когда армии левого и правого крыла, а потом и центра начали докладывать об освобожденных городах и захваченных трофеях, Жуков, в эти дни почти не смыкавший глаз, лег на свою походную кровать и уснул так, что его не могли добудиться несколько суток. Даже когда позвонил Верховный, его не смогли поднять на ноги. Через несколько часов Сталин позвонил снова. Но и в этот раз мертвецки спящего комфронта растолкать не удалось. Так и доложили. Тогда Сталин сказал: «Пусть спит, пока сам не проснется» (с. 339).

В последующие годы войны Георгию Константиновичу было не намного легче. Ремарка С. Михеенкова на этот счет более чем точна и безошибочна: «Но и проигрывая, немцы продолжали воевать хорошо. Вермахт до последнего часа был сильным и достойным противником» (с. 431). По-прежнему сильнейшим нервным раздражителем для полководца оставался генсек. Тактика грубых нападок сменилась у Сталина осторожным, постепенным, последовательным нажимом, в основе которого лежали недоверие, мнительность и подозрительность диктатора. Жукова это стало тревожить.

Михеенков С. как хороший психолог успешно запечатлел едва ли не все оттенки усиливающегося беспокойства Георгия Константиновича: «Чем ближе к Берлину продвигалась Красная армия, тем больше Жуков стал замечать за Верховным проявления недовольства действиями военных. Их предложения, которые он раньше выслушивал как необходимую и важную информацию, Сталин все чаще рассматривал через лупу недоверия и сомнения, а порой и вовсе воспринимал в штыки. Жуков, конечно же, понимал, что успехи на фронте многое изменили. Верховный снова приблизил к себе товарищей по партии и потихонечку стал отдалять военных. Теперь ситуацию 1941 года, когда Жуков в момент конфликта мог послать Сталина, чтобы нестесненно заниматься делами, невозможно даже представить. И жутковато вспоминать. Осталось надеяться на то, что Верховный, опьяненный последними победами, все это забыл» (с. 434—435).

8 декабря 1944 года Сталин демонстративно, публично (хотя мог это сделать в закрытом порядке) отменил приказ Жукова об утверждении и введение в действие Боевого устава артиллерии. С. Михеенков верно определяет такое распоряжение вождя как гласную порку Георгия Константиновича. То был зловещий звонок. Сталин начал охоту на Маршала Победы. Потом ее продолжали его преемники Хрущев и Брежнев.

Чем объяснять такую пещерную ненависть лидеров КПСС к великому полководцу? Ведь он в сущности ничего плохого не сделал названным руководителям страны. Пытаясь ответить на этот вопрос, историки В. Наумов и Ю. Сигачев подчеркнули в 2001 году: «История распорядилась, что символом побед, одержанных Красной армией в Великой Отечественной войне, стало имя Георгия Константиновича Жукова. Не менее прочно оно связано в общественном сознании с несправедливой опалой. Преследование со стороны властей в полной мере выпали на долю этого незаурядного человека. Система, в которой он сформировался как личность и занял близкое к вершине место, с удивительной последовательностью отторгала его. Своей немилости они находили самые разные доводы. Но какими бы ни были эти объяснения, сквозь них неизменно проглядывали зависть и ревность к всенародной славе и авторитету маршала» [3].

Информация о росте популярности Жукова вызывала у Сталина крайнее раздражение. С. Михеенков сообщает о том, что кадры берлинской кинохроники, которые смотрел «титан человеческого духа» в июле 1945 года (в дни Потсдамской конференции), не просто задевали, а буквально разрывали кавказское самолюбие генералиссимуса. Еще бы! В то время героем экрана являлся Георгий Константинович. А каково было видеть Сталину эпизоды, запечатлевшие факт дружеских отношений Жукова и командующего американскими войсками в Германии Д. Эйзенхауэра! Любопытно и сейчас представить лицо Иосифа Виссарионовича, когда чекисты доложили ему о невероятном преступлении полководца: он выставил из своего временного кабинета заместителя министра иностранных дел А. Я. Вышинского, чтобы провести конфиденциальную беседу со «старым другом» — Эйзенхауэром (с. 477—488). Перед таким явно, мягко говоря, не «дипломатическим» шагом Жукова можно снять шляпу: ведь Вышинский был главным обвинителем на страшных процессах 1936—1938 гг.

В который раз можно сказать о фантастической смелости полководца. Таких людей «вождь прогрессивного человечества» терпеть не мог. Сколько маршалов, командармов, флагманов флота, командиров корпусов, генералов, корпусных комиссаров, командиров дивизий, дивизионных комиссаров Сталин, не имея на то никаких оснований, отправил на плаху. Список их с указанием фамилии и даты расстрела каждого в монографии О. Ф. Сувенирова [6] составляет 24 страницы! К счастью, генералиссимус не решился казнить легендарного полководца, уважаемого всем населением страны. Вынужден был ограничиться опалой, назначив его командующим второстепенным Одесским военным округом.

Столь, а может быть, и более безжалостны по отношению к Георгию Константиновичу оказались наследники гения всех времен и народов. Жуков буквально спас Н. С. Хрущева от отставки в 1957 году на июньском пленуме ЦК КПСС. А в ответ Никита Сергеевич организовал бесстыдное и неправедное судилище над великим полководцем, лишил его всех постов и отправил на пенсию. Грустно читать главу книги С. Михеенкова, посвященную последним годам жизни Георгия Константиновича. Не только Н. С. Хрущев, но и Л. И. Брежнев завидовал его популярности и откровенно третировал.

Рецензируемая книга заслуживает похвалы. С. Михеенков создал полнокровный, обстоятельный, объективный портрет выдающегося военачальника. Приятно, что автор, восхищаясь своим героем, далек от стремления его ретушировки. Он прямо и откровенно пишет о Георгии Константиновиче: «Жуков был живым человеком, из плоти и крови. Человеком, выбившимся на самую вершину социальной и иерархической пирамиды того времени благодаря не только полководческому дару, но и другим талантам, которые он использовал на полную катушку. Умел предъявить свои успехи. Умел оказаться первым там, где назревала победа. Грубость и жестокость по отношению к подчиненным из числа генералов и офицеров тоже постепенно стали частью его рабочего стиля. Хотя свидетельства «пострадавших» от его крутого характера противоречивы. Порой, исследуя историю попавшего под горячую руку маршала, приходишь к выводу — и поделом тебе!» (с. 496).

Михеенков С. также отметил, что репутацию Георгия Константиновича сильно подмочило «трофейное дело». В январе 1948 года Сталин получил письмо, направленное генералом Абакумовым. В нем сообщалось о результатах негласного обыска на даче Жукова в поселке Рублево под Москвой. Там обнаружили «огромное количество различного рода товаров и ценностей. Например, шерстяных тканей, шелка, парчи, панбархата и других материалов — свыше 4000 метров; мехов — всего 323 шкурки; дорогостоящих ковров и гобеленов, вывезенных из Потсдамского и других дворцов и домов Германии, — 44 штуки; ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — 55 штук; дорогостоящих сер-

визов (фарфор, хрусталь) — 7 больших ящиков; серебряных гарнитуров, столовых и чайных приборов — 2 ящика; аккордеонов с богатой художественной отделкой – 8 штук; уникальных охотничьих ружей — 20 штук.

Дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин. Вся обстановка, начиная с мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче нет ни одной вещи советского производства, нет ни одной советской книги. В шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах исключительно немецкого издания» (с. 502—503).

Да, поразительный документ. С. Михеенков как будто даже растерялся, не зная, как же комментировать его. Сначала он попытался оправдать Георгия Константиновича, уверяя читателей в том, что тот вывез из заграницы совсем немного вещей: «Не бог весть, что; у других маршалов и генералов рангом куда ниже по дачам и квартирам запрятано было побольше всякого добра, вывезенного из Германии, Австрии и Восточной Европы». Но в конце концов признал, что великий полководец поступил недостойно: «Что касается списка вещей, составленных сотрудниками МГБ после осмотра московской квартиры и дачи Жукова, то это, разумеется, не похоже на перечень наград и трофеев, взятых «на копье», как говорили в старину. Трудно представить на месте победителей 1945 года Суворова или Кутузова и их генералов» (с. 513). Так что у авторов рецензии есть еще один повод поздравить С. Михеенкова с тем, что он нарисовал многогранный (не иконописный) образ своего героя. На этой приятной ноте можно было и закончить перечисление приятных достижений автора, если бы…

Толкование сталинских репрессий С. Михеенковым нам не представляется убедительным. С одной стороны, в книге рассказывается о десятках, если не более, командирах Красной армии, необоснованно репрессированных в 30—50-е годы. Автор повествует о них с большим уважением и искренней горечью. Он не называет ни одного, кого бы разоблачили как агента иностранной разведки или вредителя. Есть только конкретные предатели, которые перешли на сторону фашистов в период Великой Отечественной войны (Власов и другие). С другой стороны, автор книги о Г. К. Жукове выражает глубокое убеждение, что в СССР существовала «пятая колонна». Но единственным доказательством деятельности этой многотысячной массы «изменников» в рядах высших офицеров Красной армии являются высказывания американского посла в СССР Джозефа Девиса.

Почему-то особую антипатию (если даже не злость) у С. Михеенкова вызывает маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский. Между тем Г. К. Жуков в своих мемуарах с глубоким уважением пишет об этом полководце. Он называет его «гигантом военной мысли, звездой первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной армии». Георгий Константинович, познакомившись с Тухачевским, пришел к выводу, что он имеет дело с «умным, широко образованным профессиональным военным, великолепно разбиравшимся как в области тактики, так и в стратегических вопросах» [4]. Кстати, и еще один выдающийся военачальник — маршал Советского Союза И. С. Конев — тоже был весьма неплохого мнения о М. Н. Тухачевском: «Человек даровитый, сильный, волевой, теоретически подготовленный. Можно его представить себе на одном из высших командных постов во время Великой Отечественной войны с пользой для дела» [5].

Нам представляется, что доработка главы «Репрессии», насыщение ее более солидными аргументами сделает книгу о Г. К. Жукове еще более убедительной и интересной.

Литература

1. Гончаренко Н. В. Гений в искусстве и науке / Н. В. Гончаренко. — М., 1991. — С. 5—6.
2. Яковлев Н. Жуков / Н. Яковлев. — М. : Молодая гвардия, 1992. — (Сер. «Жизнь замечательных людей»).
3. Наумов В. Введение / В. Наумов, Ю. Сигачев // Георгий Жуков. Документы. — М., 2001. — С. 5.
4. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. — Т. 1. — М., 1978. — С. 148—149.
5. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине (Беседы с маршалом Советского Союза И. С. Коневым) / К. М. Симонов // Сталин: pro et contra : антология. — Т. 1. — СПб., 2015. — С. 489.
6. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА / О. Ф. Сувениров. — М., 1998. — 528 с.

INVINCIBLE, HUMILIATED AND INSULTED
REVIEW
the book of S. Mikheenkov "G. K. Zhukov. Marshal on a white horse"

(Moscow: Young guard, 2015. 631 p. Series "Life of remarkable people")

D. S. Tocheniy
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
tmichael1977@rambler.ru

N. G. Tochenaya
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
tmichael1977@rambler.ru

References

1. Goncharenko N. V. (1991) Geniy v iskusstve i nauke [Genius in art and culture]. P. 5—6.
2. Yakovlev N. (1992) Zhukov [Zhukov]. Moscow: Molodaya gvardiya (Series "Life of remarkable people").
3. Naumov V., Sigachev Yu. (2001) Vvedenie. Georgiy Zhukov. Dokumenty [Introduction. Georgiy Zhukov. Documents]. Moscow, p. 5.
4. Zhukov G. K. (1978) Vospominaniya i razmyshleniya [Memoirs and insights]. Vol. 1, Moscow, p. 148—149.
5. Simonov K. M. (2015) Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o Staline (Besedy s Marshalom Sovetskogo Soyuza I. S. Konevym) [Through the eyes of the person of my generation. Thinking about Stalin (Conversations with the Marshal of the Soviet Union I. S. Konev)]. Stalin: pro et contra: antologiya. Vol. 1. St. Petersburg, p. 489.
6. Suvenirov O. F. (1998) Tragediya RKKA [The tragedy of the Red Army], Moscow, 528 p.

НАШИ АВТОРЫ

Арпентьева Мариям Равильевна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования; Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского; mariam_rav@mail.ru; тел. 8-953-313-48-16.

Войлокова Елена Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета менеджмента; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород); aneev@yandex.ru; тел. 8-904-785-31-93.

Горшкова Анастасия Владимировна — аспирант кафедры философии, социологии и политологии; начальник отдела аналитической и договорной деятельности управления информационных технологий и телекоммуникаций; Ульяновский государственный университет; it@ulsu.ru; тел. 8-937-275-71-20.

Кадничанская Марина Ивановна — кандидат социологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; m.i.kad@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; kente@mail.ru; тел. 8-927-634-21-41.

Карнаухова Марина Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества, регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; tamore@rambler.ru; тел. 8-903-337-55-76.

Кутуева Лилия Фаизовна — бакалавр, специальность «Корпоративные финансы»; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва); студент магистратуры, 2 курс, факультет экономики; Ульяновский государственный университет; Liliya.abbazova@bk.ru; тел. 8-927-819-90-00.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Arpentyeva Mariyam Ravilyevna — Doctor of Psychology; associate professor; Chair of Developmental Psychology and Education; Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky; mariam_rav@mail.ru; tel. 8-953-313-48-16.

Voylokova Elena Evgenjevna — Candidate of Psychology; associate professor; Chair of Organizational Psychology; Management Department; National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod); aneev@yandex.ru; tel. 8-904-785-31-93.

Gorshkova Anastasiya Vladimirovna — postgraduate; Chair of Philosophy, Sociology and Politology; Head of the department of analytical and contract activity; Department of Information Technology and Telecommunications; Ulyanovsk State University; it@ulsu.ru; tel. 8-937-275-71-20.

Kadnichenskaya Marina Ivanovna — Candidate of Sociology, associate professor; Ulyanovsk State University; m.i.kad@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kalenik Elena Nikolaevna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Ulyanovsk State University; kente@mail.ru; tel. 8-927-634-21-41.

Karnaukhova Marina Vladimirovna — Doctor of Education, professor, Head of the Chair of Russian History, Area Studies and International Relations; Ulyanovsk State University; tamore@rambler.ru; tel. 8-903-337-55-76.

Kutueva Liliya Faisovna — Bachelor-student; Specialty "corporate finance"; Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia); Magister-student; Ulyanovsk State University; Liliya.abbazova@bk.ru; tel. 8-927-819-90-00.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Ощепков Алексей Александрович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальных и философских наук; Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; sladkod@yandex.ru; тел. 8-903-339-41-89.

Припорова Елена Александровна — старший преподаватель кафедры организационной психологии; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород); alena-444@bk.ru; тел. 8-904-395-50-17.

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; старший научный сотрудник, ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей» (г. Москва); Valentina_nauka@mail.ru; тел. 8-985-555-96-99.

Спирчагов Геннадий Степанович — кандидат экономических наук; руководитель; Управление Федеральной антимонопольной службы по Ульяновской области; заведующий базовой кафедрой антимонопольного регулирования при Ульяновском УФАС России; Ульяновский государственный университет; to73@fas.gov.ru; тел. 8(8422)41-32-03.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Украинцев Юрий Дмитриевич — кандидат технических наук, доцент кафедры телекоммуникационных технологий и сетей; Ульяновский государственный университет; 9019471930@mail.ru; тел. 8-960-364-51-27

Федулова Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; zelenaya40@rambler.ru; тел. 8-908-478-20-79.

Oshchepkov Aleksey Aleksandrovich — Candidate of Psychology, senior lecturer; Chair of Social Sciences and Philosophy; Dimitrovgrad Engineering Institute of Technology (the branch of the National Nuclear Research University "Moscow Engineering Physics Institute"); sladkod@yandex.ru; tel. 8-903-339-41-89.

Priporova Elena Aleksandrovna — Senior professor; Chair of Organizational Psychology; Management Department; National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod); alena-444@bk.ru; tel. 8-904-395-50-17.

Salahova Valentina Borisovna — Candidate of Psychology, senior professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; senior research associate, "Children Safeguarding Centre" (Moscow); Valentina_nauka@mail.ru; tel. 8-985-555-96-99.

Spirchagov Gennadiy Stepanovich — Candidate of Economics, Chief; Office of the Federal Antimonopoly Service of Ulyanovsk Region; Head of Chair of Federal Antimonopoly Regulation, Ulyanovsk Office of the Federal Antimonopoly Service; Ulyanovsk State University; to73@fas.gov.ru; tel. 8(8422)41-32-03.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Ukraintsev Yuriy Dmitrievich — Candidate of technical Sciences, associate professor; Chair of Telecommunication Technologies and Networks; Ulyanovsk State University; 9019471930@mail.ru; tel. 8-960-364-51-27.

Fedulova Anna Vladimirovna — Candidate of History, associate professor; Chair of National History, Regional Studies and Foreign Relations; Ulyanovsk State University; zelenaya40@rambler.ru; tel. 8-908-478-20-79.

Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор; член-корр. АНРТ; заведующий кафедрой общего и германского языкознания, декан факультета лингвистики, межкультурных связей и профессиональной коммуникации; Ульяновский государственный университет; aiffai@yandex.ru; тел. 8(8422)32-21-03.

Цынк Светлана Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук; Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; stsynk@mail.ru; тел. 8-985-555-96-99.

Яковлева Алена Сергеевна — студент-бакалавр, 4 курс; Ульяновский государственный университет; alena230796@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Fefilov Alexandr Ivanovich — Doctor of Filology, professor, corresponding member of AIRP; Head of Chair of General and German Linguistics; Dean of Department of Linguistics, Intercultural Relations and Professional Interaction; Ulyanovsk State University; aiffai@yandex.ru; tel. 8(8422)32-21-03.

Cynk Svetlana Vladimirovna — Candidate of Filology, associate professor, Chair of philosophy, law and social-humanities sciences; Dimitrovgrad Engineering Institute of Technology (the branch of the National Nuclear Research University "Moscow Engineering Physics Institute"); stsynk@mail.ru; tel. 8-985-555-96-99.

Yakovleva Alena Sergeevna — bachelor; Ulyanovsk State University; alena230796@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана **в формате Microsoft Word, 12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см,** правое — **1 см.** Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются **данные об авторе (авторах):**

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- ТЕКСТ СТАТЬИ;
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных языках.

После этого приводится **на английском языке:**

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);
- Abstract — аннотация;
- Key words — список ключевых слов;
- References — список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки,** они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и другой иллюстративный материал должны быть представлены **в черно-белом варианте.**

Статьи в журнале сопровождаются **фотографией автора (авторов):** крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения обращаться:

контактный телефон: 8(985)555-96-99.

ISSN 2224-1620
9 772224 162185 01 >